This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Jerusalem, J. F. W.

РАЗМЫШЛЕНІЯ

О

ВАЖНѢЙШИХЪ ИСТИНАХЪ

РЕЛИГІИ

Превосходнѣйшее твореніе

Знаменитѣйшаго Іерузалема,

переведено съ Нѣмецкаго

Т. Крыловымъ.

ТОМЪ II.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

Вновь исправленное.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Морской Типографіи.

1818 года.

HPK

BT1100
J4318
v.2

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ продажу представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Маія 23 дня 1817 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Г. Яценковъ.

419

Ея Императорское Величество Государыня Императрица ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА Всемилостивѣйше повелѣть соизволила, сдѣлать на сію книгу подписку.

Сверхъ того Особы подписавшіяся и благосклонно принявшія оную суть:

Его Сіятельство, Г. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго Просвѣщенія, Князь Александръ Николаевичь Голицынъ.

Ихъ Высокопреосвященства:

Амвросій Митрополитъ Новгородскій.
Михаилъ Митрополитъ С. петербургскій.

Ихъ Высокопревосходительства:

Федоръ Александровичь Голубцовъ.
Николай Александровичь Загряжскій.

Ихъ Преосвященства:

Гаій, Архіепископъ Астраханскій.
Даніилъ Архіепископъ Могилевскій.
Анатолій Архіепископъ Минскій.
Іоанникій Архіепископъ Подольскій.
Іоасафъ Епископъ Смоленскій.
Ксенофонтъ Епископъ Владимірскій.
Онисифоръ Епископъ Вологодскій.
Симеонъ Епископъ Тульскій.
Амвросій Епископъ Вятскій.

П

Епифаній Епископъ Воронежскій.
Михаилъ Епископъ Иркутскій.
Самуилъ Епископъ Костромскій.
Парѳеній Епископъ Архангельскій.
Іона Епископъ Орловскій.
Іустинъ Епископъ Пермскій.
Павелъ Епископъ слободско-украинскій.
Стефанъ Епископъ Волынскій.
Филаретъ Епископъ Ревельскій.

Ихъ Превосходительства:

Александръ Дмитріевичъ Балашовъ.
Гаврило Андрѣевичъ Сарычевъ.
Евграфъ Ильичъ Мечниковъ.
Сергей Семеновичъ Уваровъ.
Василій Михайловичъ Поповъ.
Графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Васильевъ.
Корнилій Антоновичъ Лубьяновичъ.
Иванъ Максимовичъ Милодановъ.
Иванъ Григорьевичъ Жевановъ.
Семенъ Прокофьевичъ Берниковъ.
Егоръ Петровичъ Шишовъ.
Павелъ Михайловичъ Ласунскій.
Графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ.
Архангельскій Военный Губернаторъ Алексѣй Ѳедотовичъ Клокачевъ.
— — — — — Гражданскій Губернаторъ Андрей Яковлевичъ Перфильевъ.
Прасковья Михайловна Толстая.
Ольга Григорьевна Бухарина.

Ихъ Высокородія:

Григорій Максимовичъ Яценковъ.
Иванъ Осиповичъ Тимковскій.
Осипъ Кириловичъ Каменецкій.
Николай Михайловичъ Лонгиновъ.

Иванъ Антоновичъ Пукаловъ.
Иванъ Петровичъ Энгель.
Петръ Григорьевичъ Массальскій.
Архангельскій Вице-Губернаторъ Фонъ-деръ-Флитъ.
Густавъ Ивановичъ фонъ-Гейзеръ.

Ихъ Высокопреподобія:

Александроневской Семинаріи Ректоръ Архимандритъ Иннокентій.
Московской Академіи Ректоръ Архимандритъ Филаретъ.
Александроневскія Лавры Намѣстникъ Архимандритъ Гедеонъ.
— — — — — — — — — — Казначей Архимандритъ Парееній.
Законоучитель Кадет. Корп. Архимандритъ Діонисій.
Бѣлоградскій Архимандритъ Іосафъ.
Саратовскій Архимандритъ Савва.
Курскій Архимандритъ Палладій.
Сійскій Архимандритъ Павелъ.
Ярославскаго дѣвичьяго монастыря Игуменья Маргарита.

Протоіереи:

Карачевскій Орлов. Епар. Іоаннъ Самойловичъ Кушеповъ.
Регентъ Александроневскаго Хора Петръ Ивановичъ Турчаниновъ.
С. Петербургской Церкви Св. Князя Владиміра Михайло Борисовичъ Каменскій.
Армейской Семинаріи Григорій Мансвѣтовъ.
Города Кобелякъ Полт. Епар. Петръ Базилевичъ.

Ихъ Высокоблагородія:

Андрей Ивановичъ Лохшинъ.
Дмитрій Ивановичъ Ростовцовъ.
Дмитрій . . . . . Валуевъ.
Иванъ Афонасьевичъ Кованько.
Дмитрій Ивановичъ Гарденинъ.

ихъ. — Нравственность дѣйствій не зависитъ отъ воли Божіей, но отъ натуры вещей и ихъ отношенія. — Нравственность дѣйствій не зависитъ отъ слѣдствій ихъ, добрыхъ или худыхъ. — Трудно иногда познать отношеніе вещей. — Нравственность дѣйствій зависитъ отъ врожденнаго чувства и отъ натуры вещей. — Нравственность дѣйствій основывается на врожденномъ чувствѣ и разумѣніи совокупно. — Чувство сожалѣнія не можетъ быть единственнымъ основаніемъ нравственности. — Но и размышленіе не можетъ быть единственнымъ основаніемъ нравственности. — Почему трогаютъ насъ особенно: извѣстныя добродѣтели и извѣстные пороки? — Наше самолюбіе и любовь къ ближнему должны быть управляемы разсудкомъ, для произведенія добродѣтели. — Любовь къ подобнымъ намъ есть въ насъ врожденна; она есть источникъ сожалѣнія. — Какимъ образомъ наше самолюбіе и любовь къ ближнему дѣйствуютъ, при руководствѣ разсудка. — Какъ удовлетворить самолюбію своему, не нарушая любви къ ближнему. — Совѣсть происходитъ отъ разумѣнія и инстинкта. Дѣйствія оной. — Заключеніе.

РАЗМЫШЛЕНІЕ III. стр. 111.

О сущности Религіи. — Что есть Богъ въ отношеніи къ намъ. — Что мы въ отношеніи къ Богу. — Мы имѣемъ отношенія къ Богу, ближнему и себѣ самимъ. — Мы обязаны предъ Богомъ 1е благоговѣть и ему покланяться. —

Мы обязаны 2^е воздавать ему публично Богопочтеніе. — Наружное Богопоклоненіе и служеніе не довлѣютъ. — Мы обязаны 3^е Бога любить и на Него уповать. — Мы обязаны 4^е Богу повиноваться. — Мы обязаны повиноваться Богу, поелику онъ есть правитель Премудрый и Преблагій. — Повиновеніе, какое обязаны мы воздавать Богу, состоитъ въ подражаніи совершенствамъ его. — Мы уподобляемся Богу всеобщимъ доброхотствомъ. — Благожелательство составляетъ сущность Божію, и творитъ ее достопокланяемою. — Всеобщее доброхотство составляетъ истинную Религію, и дѣлаетъ ея любви достойною. — Всеобщее доброхотство составляетъ также истинную добродѣтель, и дѣлаетъ ея любви достойною. — Настоящее понятіе о справедливости. — Доброхотство должно быть управляемо мудростью. — О умѣренности наказаній. — О кротости при справедливомъ самозащищеніи. — О благости на войнѣ. — Хвала всеобщему доброхотству. — Всеобщая благотворность основана на натурѣ нашей. — Всеобщее доброхотство не есть предмѣтъ законодательства. — Частныя отношенія не должны стѣснять всеобщаго доброхотства, которое взаимно не нарушаетъ частныхъ связей. — Самые первые предмѣты нашихъ попеченій суть наши дѣти. — Послѣ дѣтей слѣдуютъ друзья, благодѣтели, нещастные. — Главное правило: аще хощете да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде. — Законъ всеобщаго доброхот-

ства собственно есть законъ Евангельскій.— Онъ обязываетъ всѣхъ равно. — Онъ дѣлаетъ насъ совершенными. — Всеобщее доброхотство есть истинное начало всѣхъ добродѣтелей.— Доброхотство заключается въ сердцѣ и въ мысляхъ. — Любовь Божія есть начало доброхотства.—Доброхотство есть душа Религіи.— Мы сотворены для вѣчности. — Нелѣпость системы уничтоженія. — Какъ иногда и невѣрный можетъ быть добродѣтельнымъ. — Несовершенство чувственныхъ удовольствій для невѣрнаго не можетъ быть достаточною причиною къ отвращенію отъ оныхъ.—Совѣсть не можетъ быть уздою для невѣрнаго. — Красота добродѣтели не можетъ быть достаточною побудительною причиною для невѣрнаго.—Слава не можетъ быть достаточнымъ пубужденіемъ къ добродѣтели. — Два главныя начала Религіи.—Какая Религія есть наилучшая? — Необходимость наружнаго Богослуженія. — Начало Богослуженія наружнаго. — Начало идолопоклонства. — Цѣль Богослуженія.

РАЗМЫШЛЕНІЕ IV. стр. 179.

Отношеніе Религіи къ суевѣрію и невѣрію. — Превосходство Религіи. — Сравненіе Вѣры съ нелѣпостью невѣрія. — Общее понятіе о невѣріи и суевѣріи. — Различные виды невѣрныхъ, — Глупо-невѣрный. — Порочно-невѣрный. — Невѣрный, такъ называемаго, хорошаго тона. — Притворно-невѣрный. — Невѣрный по убѣжденію причинъ. Источникъ

заблужденія его. — Характеръ невѣрнаго съ развращнымъ сердцемъ. — Основаніе системы невѣрнаго. — Великіе Философы, просвѣтившіе вселенную, не были невѣрные. — Система невѣрія ведетъ къ невѣжеству.—Невѣріе не предполагаетъ Генія превосходнаго. — Невѣріе не усугубляетъ свободы. — Невѣріе не умножаетъ нашихъ наслажденій. — Невѣрный на смертномъ одрѣ. — Жизнь и смерть благочестиваго. — Что есть суевѣріе? — Суевѣріе имѣетъ степени, не такъ какъ невѣріе. — Суевѣріе унижаетъ разумъ.—Гибельныя слѣдствія суевѣрія. — Суевѣріе препятствуетъ распространенію Религіи, затмѣвая Божественный ея характеръ. — Средства къ предупрежденію суевѣрія. — Суевѣріе подвергаетъ опасности Религію. — Суевѣріе всегда приводитъ къ преобразованію опасному. — Суевѣріе оканчивается невѣріемъ—Суевѣріе разрушаетъ гармонію между естественными должностями. — Суевѣріе производитъ энтузіазмъ. — Суевѣріе изпровергаетъ нравственность, подобно невѣрію. — Полезна ли обществу Религія? Невѣрующіе въ семъ несогласны. — Польза Религіи не доказываетъ, будто она выдумана политикою. — Религія древнѣе всѣхъ Государствъ.—Можетъ ли общество состоять изъ безбожниковъ? — Какъ должно судить о Белѣ. — Софизмы Беля. — Опроверженіе Софизмовъ Беля. — Система ла Метри. — Система Мандевиля. — Свойство роскоши.—Религія не есть причиною фанатизма.—Изступленіе раз-

смашриваемое какъ добродѣшель. — Что шакое Фанашизмъ? — Суевѣріе есшь причиною фанашизма. — Философія можешъ произвесшь фанашизмъ. — Исшинная Философія должна возсшавашь прошивъ суевѣрія. — Идолопоклонники были гонишели. — Лживые предлоги языческихъ гонишелей. — Спокойсшвіе, царсшвующее въ Государсшвахъ Христіанскихъ. — Кропосшь правленія въ Государсшвахъ Христіанскихъ. — Большая часшь войнъ произошла не ошъ фанашизма. — Философы имѣюшъ шакже нешерпимосшь.

РАЗМЫШЛЕНІЕ I.

О будущей жизни.

Возраженіе противъ Промысла, отъ раздѣленія благъ и золъ между людьми.

Но скажутъ: естьли Премудрое Провидѣніе попускаетъ зло съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы обуздать опаснѣйшее неистовство нашихъ страстей и побудить насъ къ нравственному совершенству; то почему столь важнѣйшей цѣли дѣйствія столь мало соотвѣтствуютъ? Почему добродѣтель мало находитъ для себя ободренія? Для чего порокъ часто торжествуетъ и неправда остается ненаказанною? Возможно ли, чтобъ Премудрый Богъ избралъ столь слабое средство къ достиженію столь великой цѣли?

Отвѣты на сіе возраженіе.

Возраженіе сіе заслуживаетъ все наше вниманіе. — Но не давая на него отвѣта, я спрашиваю: справедливы ли еще такія обвиненія? Въ самомъ ли дѣлѣ такъ велики безпорядки, какъ выставляетъ ихъ невѣріе и

наше самолюбіе? — Жалобы должны быть подозрительны съ обѣихъ сторонъ. По крайней мѣрѣ въ нихъ все двусмысленно; ибо можно понимать различно, что мы называемъ добродѣтелью и порокомъ, щастіемъ и нещастіемъ, и наконецъ что называемъ воздаяніемъ.

Что въ самомъ дѣлѣ можетъ быть неопредѣлительнѣе понятія о *добродѣтели* и *порокѣ*, какъ скоро въ сужденіе о нихъ вмѣшивается наше самолюбіе? Коль скоро идетъ рѣчь о насъ, мы всегда почитаемъ себя добродѣтельными; самое то, что дѣлаемъ по свойству нашего темперамента, вносимъ въ число дѣлъ достойныхъ воздаянія; естьли не дѣлаемъ пороковъ потому только, что силъ нашихъ, или случая къ тому не достаетъ, то уже считаемъ это за настоящую добродѣтель; даже тогда, какъ предаемся неистовству какой либо страсти, извиняемъ себя, называемъ это слабостью ничего незначущею и достойною всякаго прощенія. Но когда напротивъ идетъ рѣчь о ближнемъ нашемъ, тогда все худо; тогда и небылица есть истинная быль; естьли не находимъ въ немъ какихъ добродѣтелей, на мѣсто ихъ тотчасъ приписываемъ ему столько же пороковъ; всякую его погрѣшность, противную нашимъ наклонностямъ, считаемъ за величайшее беззаконіе; самыя

невиннѣйшія дѣйствія его самолюбія, какъ скоро только онѣ противны выгодамъ нашимъ, мы считаемъ ужаснѣйшими несправедливостями.

Не меньше двусмысленно и то, что мы называемъ *щастіемъ* и *нещастіемъ*. Быть добродѣтельными, имѣть здравой умъ, наслаждаться хорошимъ здоровьемъ, жить въ мирѣ и спокойствіи въ кругу своего семѣйства, имѣть чистую совѣсть, — все сіе истиннаго блага для насъ не составляетъ. Великія богатства, блистательныя почести, шумныя разсѣянія свѣта: — вотъ предметы, могущіе по мнѣнію нашему единственно сдѣлать насъ щастливыми. Кто ихъ имѣетъ, тотъ есть любимецъ Провидѣнія; кто нѣтъ, мы думаемъ, что онъ Имъ забытъ.

Сверхъ сего, наше самолюбіе будетъ ли довольно здѣсь самымъ справедливѣйшимъ *раздѣлолѣ благъ*? Возможно ли удовольствовать нашу зависть и ревность? Всякъ изъ насъ столь высоко мечтаетъ о своихъ достоинствахъ, что одинъ считаетъ себя въ правѣ получить всѣ небесныя щедроты. Потому-то всѣ мы непрестанно жалуемся на неправую судьбину, на неравное воздаяніе по нашимъ дѣламъ. — Съ другой стороны изувѣръ, втайнѣ смѣющійся надъ всѣмъ нашимъ различіемъ между добродѣ-

шелью и порокомъ, присоединяетъ свой ропотъ, дабы тѣмъ болѣе распространить свое хуленіе на Промыслъ.

Но положимъ, естьли бы такое *воздаяніе* предоставлено было нашему собственному выбору; мы нашли бы тогда тысячи затрудненій въ раздѣленіи онаго. Можетъ быть, нѣтъ вообще двухъ человѣческихъ дѣйствій, совершенно равныхъ по своей внутренней нравственности. Сколь часто самыя чистѣйшія, самыя благороднѣйшія намѣренія, при произведеніи ихъ въ дѣйствіе, колкуются въ худую сторону, или почитаются подозрительными; напротивъ многія другія дѣйствія привлекаютъ удивленіе цѣлаго Свѣта, хотя происходятъ изъ побужденій самыхъ низкихъ, самыхъ недостойныхъ. Одному самая высочайшая добродѣтель не стоитъ ни малѣйшаго труда, по причинѣ натуральной его къ ней наклонности; а другой едва можетъ имѣть видъ добродѣтельнаго, преодолѣвъ трудности чрезвычайныя, одержавъ побѣду надъ самимъ собою. Лицемѣръ пришворною своею личиною обманываетъ цѣлой Свѣтъ; а истинно добродѣтельный самую добродѣтель свою скрываетъ съ благороднѣйшею скромностію. Какъ же здѣсь Провидѣнію раздѣлять свои воздаянія? По наружному ли виду? — Но тогда Богъ содѣлался бы несправедливъ. По истинному

ли достоинству? — Но тогда ропотъ на несправедливость воздаяній останется тотъ же. И такъ увѣримся, что чѣмъ совершеннѣе будетъ становиться нашъ разумъ и воля, тѣмъ настоящее раздѣленіе добра и зла болѣе намъ будетъ казаться премудро устроеннымъ; и что одна лишь слабость наша препятствуетъ намъ въ сіе проникнуть.

Нѣтъ на землѣ человѣка, которой былъ бы во всемъ совершенъ; но нѣтъ также, которой былъ бы и во всемъ порочен. Съ нашею натурою ни то, ни другое не совмѣстно. Наши добродѣтели и пороки между собою перемѣшаны. Какъ же можно быть здѣсь воздаянію?.. Надобно ли намъ за одно доброе свойство, какое въ насъ есть, желать всего возможнаго совершенства? А ближній нашъ, за одну какую нибудь погрѣшность, долженъ ли лишиться воздаянія за всѣ прочія добрыя свои качества? — Что несправедливѣе сего быть можетъ! — Мы честны, — но въ насъ нѣтъ проворства, ловкости, оборотливости: и такъ одна наша честность можетъ ли насъ избавить отъ всѣхъ слѣдствій неблагоразумія и лѣности? Мы добросердечны, — но расточительны и легкомысленны: и такъ можно ли намъ, бывъ достойными награды за добросердечіе, ждать ее вмѣстѣ и за пред-

усмотрительность и бережливость? Какъ тогда согласить это съ Божественною Премудростію? — Ближній нашъ гордъ и скупъ; но ловокъ, пріятенъ, расторопенъ, неутомимъ: естьли бы Провидѣніе за одну его погрѣшность лишило его всѣхъ слѣдствій добрыхъ дѣлъ; сходно ли это было бы съ Божіею Благостію? Такимъ образомъ Богъ посредствомъ непрестанныхъ чудесъ уничтожалъ бы всѣ натуральныя слѣдствія вещей; и Міръ тогда былъ бы хаосъ, сновидѣніе, въ которомъ всякая связь и дѣятельность прекратились бы; причины не имѣли бы своихъ дѣйствій, дѣйствія своихъ послѣдствій, и въ которомъ, по причинѣ всеобщей связи, добродѣтельный столькожъ терялъ бы, сколько и самый величайшій злодѣй.

Хотите ли, чтобы каждое наше дѣйствіе, доброе и худое, непосредственно вдругъ награждалось? — Новое затрудненіе!... Наши добродѣтели и пороки поминутно у насъ перемѣняются; и такъ одно воздаяніе безпрестанно уничтожало бы другое. Притомъ сіи наши добродѣтели, за которыя мы требуемъ столь большой награды, суть плодъ возложеннаго на насъ *Креста*.

Можетъ быть, мы умѣренны, — потому только, что слабы; кротки, — потому что для нашей гордости нѣтъ пищи; ласковы,

скромны и смиренны,—потому что имѣемъ нужду въ помощи другихъ. Чтожъ были бы сіи добродѣтели, естьли бы наши чувственныя наклонности чрезъ такое непосредственное воздаяніе пищу себѣ всегда получали? Что были бы истинныя добродѣтели, естьли бы чувственность всегда была удовлетворяема? Сколько добродѣтелей, которыя вовсе не могутъ сносить полнаго блеска наружнаго щастія; которыя растутъ только на сухой землѣ, въ низкой, тѣнистой долинѣ!.. Какъ добродѣтельный доказалъ бы свое благородное мужество, свое довольство самимъ собою, свое безкорыстное великодушіе, свою надежду на Бога, свое презрѣніе къ мірскимъ похваламъ, естьли бы онъ тотчасъ получалъ непосредственное воздаяніе? Что была бы тогда и самая добродѣтель, когда бы ничѣмъ не жертвовала? Тогда она лишилась бы своей благороднѣйщей красоты и достоинства; тогда Богъ умерщвилъ бы въ насъ все чувство внутреннаго ея совершенства; тогда она для насъ была бы ничто иное, какъ самое низкое, презрѣнное лихоимство.

Да и какое имѣютъ поняшіе о добродѣтели тѣ, которые думаютъ, что Провидѣніе должно награждать каждое наше доброе дѣйствіе, какъ добродѣтель? — Она не

состоитъ только въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ. Нѣтъ! Она состоитъ во всегдашнемъ господствующемъ желаніи и непрестанномъ стремленіи,—*уподобляться Богу въ Его всеобщей любви къ добру.* Всеобщее благо — есть ея предметъ; любовь къ Богу—единственное, твердое основаніе. Нѣкоторыя дѣйствія, не происходящія изъ сего источника, могутъ быть блистательны; при господствующихъ порокахъ, могутъ имѣть и хорошія послѣдствія: однакожъ не имѣютъ права и достоинства добродѣтели. Истинная добродѣтель требуетъ цѣлой нашей жизни. Натуральныя слѣдствія, сколько позволяетъ прочее устроеніе міра, могутъ насъ къ оной ободрять; но полнаго, истиннаго воздаянія мы должны ожидать не прежде, какъ при концѣ. Воинъ во время битвы не требуетъ награды за каждой свой шагъ; онъ получаетъ ее уже по окончаніи. А мы хочемъ воздаяній за побѣду, когда еще брань не рѣшилась. Не значитъ ли это, хотѣть истребить въ насъ всю ревность, все побужденіе къ дѣланію добра?

Извѣстность будущей жизни совершенно рушитъ сіе возраженіе.

И такъ въ сей жизни совершенное и полное воздаяніе быть не можетъ. Оно не совмѣстно ни съ нашею слабостью, ни съ

свойствомъ добродѣтели, ни со всѣмъ устроеніемъ сего міра. Признаемся однакожъ, что Провидѣніе симъ оправдано быть не можетъ. Въ настоящемъ порядкѣ вещей мы встрѣчаемъ гораздо болѣе нещастій, болѣе несправедливыхъ огорченій для добродѣтели, нежели чтобъ она могла быть наградою сама себѣ; торжество порока унижаетъ ее гораздо болѣе, нежели чтобъ внутреннее ея довольство сильно было поддержать ея твердость. Но твердая Вѣра въ Провидѣніе открываетъ ей вѣчность, гдѣ она предъ лицемъ Бога будетъ возрастать въ своемъ совершенствѣ: и сія надежда, при всѣхъ оскорбленіяхъ, ее веселитъ и ободряетъ. Безъ сей надежды всегда оставалось бы неразрѣшимымъ возраженіемъ, для чего безконечно-Премудрое и Всемогущее Существо произвело такой Міръ, въ которомъ хотя находятся способы къ ограниченію зла и къ возвышенію добродѣтели; но они такъ не совершенны, что порокъ больше для себя получаетъ ободренія, а добродѣтель напротивъ теряетъ всю свою твердость.

Философы, недопускающіе сей вѣчности, должны или Бога отвергнуть, или сей безпорядокъ почитать неизъяснимымъ. Древніе стоики, темно понимая Высочайшее Существо и не надѣясь на щастливую вѣчность, принуждены были, для изъясне-

нія такого безпорядка, допустишь то не-натуральное положеніе: будто добродѣтель, даже при жесточайшихъ мученіяхъ, сама для себя есть довольная награда. — Новые же мудрецы, говоря въ тонѣ древнихъ о семъ внутреннемъ довольствѣ добродѣтели, и тѣмъ стараясь ослабить надежду на вѣчную жизнь, сіи безпорядки представляютъ неразрѣшимымъ возраженіемъ противъ промысла.—Посмотримъ, имѣемъ ли мы причину, ждать будущей жизни?—Пристальное размышленіе о совершенствахъ Божіихъ и Его дѣлахъ поможетъ намъ рѣшить и сію задачу.

Есть будущая жизнь.

1. Безсмертіе души доказывается цѣпью существъ.

Я сказалъ въ началѣ предъидущаго размышленія, что о Божественномъ управленіи вселенною нельзя справедливо судить изъ такого угла, какова есть наша земля. Надобно къ тому еще прибавить, что и въ сей минутной жизни намъ отважиться на то не возможно. Первое размышленіе открыло намъ многообразность и великость царства Божія; посмотримъ, къ чему доведетъ насъ второе. Стоя на самой нижшей степени, не можемъ мы своимъ умомъ всего видѣть въ полной ясности; но какъ ус-

маприваемыя нами свѣтящіяся точки, мы съ помощію телескоповъ, признаемъ послѣ солнцами и цѣлыми мірами; такъ и здѣсь не станемъ терять изъ виду сего слабаго свѣта. Когда умъ нашъ озарится свѣтомъ сильнѣйшимъ; тогда съ большимъ восхищеніемъ узнаемъ и сей новой міръ,—новое свое жилище.

Смѣло можемъ мы вопервыхъ утвердить, что міръ сколько безконеченъ и неизмѣримъ въ своемъ пространствѣ, столькожъ должно быть безпредѣльно число его существъ. Притомъ разумъ насъ увѣряетъ, что кромѣ насъ, должны быть еще безчисленные роды разумныхъ твореній. Естьли бы только наша земля была ими населена; то для когожъ произведены всѣ прочіе безчисленные міры? Для насъ? — Не возможно. Ибо чего мы своими чувствами не постигаемъ; то конечно и существуетъ не для насъ. Да и почему можемъ мы себя почитать единственными, разумными твореніями? — И полипъ такимъ образомъ считалъ бы свой родъ единственнымъ родомъ всѣхъ живущихъ тварей. Несчетныя степени совершенствъ, видимыя нами въ нижшихъ частяхъ природы, естественно заставляютъ насъ думать, что должно быть, и есть конечно еще болѣе классовъ разумныхъ твореній, кои выше насъ, совер-

шеннѣе насъ. Хотя лѣствица сихъ существъ теряется у насъ изъ виду, скрывается въ облакахъ; но сія самая ступенька, на которой мы стоимъ, довольно доказываетъ, что есть еще безконечное множество существъ выше насъ. Меньшее пространство, ниже насъ, полно; нельзя быть пустымъ пространству большему, высшему.

2. Безсмертіе души доказывается усовершенствованіемъ ея природы.

И такъ, естьли мы признаемъ Творца міра, то какую можемъ себѣ представить цѣль сотворенія разумныхъ существъ? Какую, кромѣ той, чтобы они познавали Высочайшія совершенства сего виновника ихъ бытія; чувствуя ихъ, уподоблялись бы Ему сами, и были щастливы. Ибо онѣ имѣютъ къ тому способности. И такъ возможно ли, чтобы изъ всѣхъ классовъ сихъ благородныхъ твореній не было ни одного, которой бы съ міромъ вѣчно продолжался? Это также было бы хорошо, какъ естьли бы въ Свѣтѣ и совсѣмъ не было разумныхъ твореній. Ибо представте себѣ, что безчисленныя небесныя тѣла, вселенную составляющія, наполнены всѣми возможными классами разумныхъ обитателей, и что всѣ сіи разумные обитатели имѣютъ столь

ограниченное назначеніе, что изъ тѣснаго круга своего никогда не выходитъ, но по прошествіи краткаго времени уничтожаются; такой свѣтъ и такія твореніе не имѣли бы никакой разумной цѣли. Безпредѣльный міръ для однихъ насѣкомыхъ! — Вѣчный Міръ для однихъ дневныхъ тварей!— Это было бы вѣчно продолжающееся твореніе и уничтоженіе. Въ такомъ случаѣ Творецъ былъ бы своенравное, зависпливое Существо, не терпящее близь себя никакого совершенства. Онъ всегда производилъ бы творенія, способныя его познавать,—познавать часъ отъ часу совершеннѣе,— способныя совершенно уподобляться Ему и чрезъ то дѣлаться совершеннѣе; но никогда не попускалъ бы достигать имъ цѣли своего назначенія; уничтожалъ бы ихъ опять въ тотъ мигъ, какъ скоро только они начали разкрывать глаза, и вдали Его усматривать!.. Ибо разумное твореніе, теряющее навсегда все свое бытіе, когда умираетъ, умираетъ всегда рано, всегда прошивъ натуры своей.—Машина, чрезъ сложеніе частей, получаетъ все свое совершенство; звѣрь, съ возрастомъ своимъ, достигаетъ всего совершенства, къ какому только натура его способна.—Но для существа нравственно-разумнаго, по натурѣ его предѣловъ нѣтъ; нѣтъ предѣловъ ни его познанію, ни желаніямъ, ни

щастію. Всякой умъ вѣченъ. Естьли же въ Царствѣ Божіемъ есть классъ такихъ щастливыхъ твореній; то мы, сколь ни низка степень наша, имѣемъ право считаться съ ними наравнѣ.

Всѣ разумныя творенія имѣютъ такую надежду; а мы имѣемъ всѣ способности, какія можемъ себѣ представить въ каждомъ разумномъ твореніи. Естьли бы мы уничтожились прежде, нежели созрѣли наши способности; то уничтоженіе сіе долженствовало бы простираться и на все разумное сотвореніе. Ибо почему бы до нашихъ только однихъ способностей то относилось? Почему бы только наша земля была сему подвержена, кромѣ всѣхъ другихъ планетъ? Почему наша солнечная система, кромѣ другой какой нибудь во вселенной?— Настоящая ограниченность нашей природы не можетъ лишить насъ сего права. Каждое твореніе, даже самое совершеннѣйшее, и каждый умъ, даже самый высшій, имѣютъ свои предѣлы; они не суть всѣ вдругъ, чѣмъ быть назначены; они должны расти постепенно. Такова и наша природа; она вѣчно можетъ расти въ своихъ способностяхъ, въ познаніи своего Творца, Его совершенствъ, Его дѣлъ; вѣчно можетъ расти въ своей любви къ нему, въ своемъ щастіи.

Безсмертіе души не зависитъ единственно отъ духовнаго ея существа.

И самый матеріалистъ доказательства сего опвергнуть не можетъ. Мы оставимъ ему любимое его положеніе,—будто *матерія мыслитъ*. Пустъ онъ представляетъ себѣ, что мыслитъ, какъ машина; что изъ сложенія и движенія частей его происходитъ познаніе и заключеніе, и что разныя впечатленія, получаемыя имъ изъ всѣхъ частей его тѣла, всегда суть только простое чувствованіе.—Для насъ довольно того, что мы имѣемъ разумно-нравственную природу, которою познаемъ нашего Творца, Его совершенства; что можемъ постигать Его намѣренія, и выполнять; и что во всю вѣчность непрестанно будемъ ихъ познавать совершеннѣе, выполнять точнѣе. И такъ я спрашиваю: уничтожитъ ли Богъ такое твореніе? — Пусть матеріалистъ прежде дастъ на сіе отвѣтъ, удовлетворяющій его самаго; а потомъ уже пусть гордится своимъ уничтоженіемъ, и смѣется надъ нашимъ безсмертіемъ. Положеніе, на которомъ основываетъ онъ свою надежду, будто *все сложенное вѣчно существовать не можетъ*, есть ложно. Пусть онъ взглянетъ на сіи великіе небесные шары; пусть взглянетъ на всю природу: Творецъ хочетъ, чтобъ онѣ существовали—и существуютъ;

естьли Ему будетъ угодно, чтобы онѣ существовали вѣчно, то и вѣчно существовать будутъ. Въ Его волѣ состоитъ—творить; въ Его волѣ—и сохранять. Продолженіе нашего бытія утверждаемъ мы не на физіологическомъ строеніи нашей природы; но единственно на волѣ, премудрости и благости Творца ея. Слѣдственно матеріалистъ долженъ доказать себѣ, что Творцу не угодно продолжать бытіе его; долженъ доказать, что, съ вѣчнымъ бытіемъ міра, вѣчное бытіе разумныхъ твореній не возможно; что природа въ совершеннѣйшихъ твореніяхъ своихъ производитъ только однихъ зародышей; что противно намѣреніямъ, премудрости и благости Божіей непрестанное возвышеніе разумныхъ твореній въ познаніи Его дѣлъ и совершенствъ; противно, что онѣ часъ отъ часу становятся превосходнѣе, Создателю своему подобнѣе; онъ долженъ наконецъ доказать, что Богу непремѣнно надобно предупредить уничтоженіемъ сіе ихъ возвышеніе въ совершенствѣ; непремѣнно надобно свой образъ разрушить, истребить.

Къ утѣшенію своему, онъ думаетъ найти сему доказательство въ своей смерти. Онъ умираетъ; тѣло его распадается; изъ частей, его составлявшихъ, образуются растѣнія и животныя. Но и это доказательство столь же не основательно. Я умираю:

но гдѣ же тутъ уничтоженіе? Части тѣла моего распадаются, и дѣйствіемъ вѣчнаго кругообращенія идутъ въ составъ другихъ существъ. — Но что это за части? Тѣ самыя, изъ которыхъ и прежде и нынѣ образуются травы и животныя. Но составляли ли онѣ когда нибудь существо моей мыслящей природы?... Извѣстно, что въ тѣлѣ моемъ нѣтъ теперь ни одной изъ тѣхъ частицъ, которыя составляли его за пятьдесятъ лѣтъ; всѣ давно разошлись то по животнымъ, то по растѣніямъ; но мыслящая моя способность, чувство самаго себя, во мнѣ осталось все тоже. — Не доказываетъ ли это, что мыслящее мое существо можетъ существовать и безъ сихъ грубыхъ тѣлесныхъ частей?

Подлинно, при всей тлѣнности грубаго тѣла моего, развѣ не льзя остаться въ цѣлости тому сокровенному, невидимому зародышу, сѣдалищу (Sensorium) мыслящей натуры моей, которому сіи грубыя части, по теперешнему моему въ мірѣ состоянію, служатъ только покровомъ, и которой, естьли угодно будетъ Творцу моему позвать меня въ состояніе высшее, непрестанно можетъ развиваться и возрастать, сообразно сему новому моему состоянію?

Такое развитіе ежедневно я усматри-

ваю въ самой природѣ; нахожу его и въ Царствѣ животномъ и въ Царствѣ растѣній. Взгляните на сію красивую, пестринькую бабочку, которая, чувствуя во всей полнотѣ щастливое свое превращеніе, играетъ теперь на воздухѣ, питается тончайшими бальзамическими испареніями цвѣтовъ; она въ началѣ своемъ была не что другое, какъ пресмыкающаяся гусеница; ея крылошки сокрыты были подъ грубою оболочкою.

Но я оставляю и сіе; хочу умалишься съ Матеріалистомъ до того, какъ ему угодно; хочу быть не больше, какъ растѣніемъ, и отъ насѣкомаго отличаться только тончайшими чувствованіями: но и въ семъ предположеніи, представляя разрушеніе тѣла нашего, онъ страшится, а я остаюсь спокоенъ, какъ и прежде. Ибо мы оба остаемся по крайней мѣрѣ существами нравственными, мыслящими; чѣмъ Всемогущество и Премудрость Бога нашего отличила насъ отъ всѣхъ братій нашихъ, — растѣній и насѣкомыхъ, и почему я имѣю право почитать себя твореніемъ совершенно особеннымъ. Простое ли это мое существо, или вещественное, отличное ли отъ тѣла моего, или съ нимъ одинаковое; я опять говорю, что на семъ Метафизическомъ началѣ надежды своей не утверждаю. Осно-

ва ея гораздо тверже — *Натура Божія; что Премудрый Богъ произведенныя имъ существа, могущія возвышаться въ своемъ совершенствѣ, желающія Его вѣчно любить, не можетъ уничтожить, когда они еще не достигли того, что обѣщаетъ имъ расположеніе ихъ природы.*

3. Безсмертіе души доказывается ея желаніями.

Я говорю, *обѣщаетъ.* Ибо къ чему Творецъ сообщилъ мнѣ чувствованіе, къ чему далъ способность, внушилъ желаніе; что заставилъ меня чувствовать нужнымъ, необходимымъ: то я почитаю Его обѣтомъ, обѣтомъ самымъ священнѣйшимъ. Меня никто не увѣритъ, будто Творецъ восхотѣлъ обманывать меня моею природою. — Но природа моя вся расположена къ сему совершеннѣйшему назначенію. Я чувствую его, признаю возможнымъ, ощущаю въ себѣ непреодолимое къ нему стремленіе; оно есть единственная мысль, меня успокоивающая; съ нимъ я все имѣю; безъ него ни чѣмъ не доволенъ; всѣ мои способности о немъ мнѣ напоминаютъ; чѣмъ чище бываютъ страсти мои, тѣмъ живѣе становится желаніе сіе; оно слабѣетъ только по мѣрѣ, какъ теряется во мнѣ любовь къ Богу и добродѣ-

шели; но вовсе заглушить его я никакъ не могу, развѣ когда начнутъ меня побуждать къ тому упреки совѣсти, и когда отъ того родится во мнѣ ужаснѣйшее желаніе, чтобы и Бога вовсе не было.

Возраженіе Г. Юма.

Г. Юмъ не соглашается съ сими основаніями нашей надежды. Онъ не вѣритъ, что Благость и Премудрость Божія, въ природѣ усматриваемая, есть непремѣняемое свойство Его, изъ котораго бы можно навѣрно заключить, что Богъ всегда будетъ поступать сообразно сей Премудрости и Благости. О людяхъ де такое заключеніе будетъ правильнѣе. Ибо мы больше видимъ отъ нихъ дѣйствій одинакихъ; но сотвореніе есть только одно дѣйствіе, изъ котораго не больше можно заключить, какъ, что Творецъ природы въ семъ одномъ случаѣ хотѣлъ доказать свою Премудрость и Благость.

Опроверженіе возраженія Г. Юма.

Какая побѣда для истины, когда она испытывается такимъ образомъ!.. Все сотвореніе есть только одно дѣйствіе. — Игра словъ неслыханная! Сія безконечная

Премудрость и Благость, разливающаяся по всей Природѣ, постепенно умножающаяся отъ самаго нижшаго насѣкомаго чрезъ всѣ классы твореній, по мѣрѣ ихъ способностей, и которая при всѣхъ сценахъ и превращеніяхъ природы, остается непремѣнною, — все сіе есть только одно и единственное дѣйствіе, изъ котораго я къ моему спокойствію заключить ничего не могу.

По крайней мѣрѣ изъ сего заключаю справедливо то, что я долженъ быть въ мірѣ единственное нещастное твореніе, которое должно, вздыхая, молчать; между тѣмъ какъ вся природа славитъ Премудрость и Благость Творца своего; я долженъ по праву горестными жалобами своими на жестокость Его заглушать сладчайшую гармонію пѣвцовъ ея. Ибо все, что только усматриваю въ Природѣ, достигаетъ совершенства, къ какому оно способно. Одинъ только я не достигаю его... Такъ, я одинъ изъ всей природы... Когда бы я ни умеръ, — въ младенчествѣ ли, или въ глубокой старости, все умираю очень рано; и моя смерть, естьли я съ нею совершенно уничтожаюсь, остается противорѣчіемъ въ природѣ, остается вѣчнымъ упрекомъ Премудрости и Благости Божіей. Ибо Богъ заставляетъ меня умирать подобно зародышу; потому что все мое

познаніе, вся добродѣтель, все совершенство, съ какимъ умираю, едва могу назвать самымъ малѣйшимъ началомъ. При всѣхъ моихъ усиліяхъ къ усовершенствованію, я чувствую остающуюся въ себѣ пустоту; чувствую, что я могъ бы быть безконечно совершеннѣе въ познаніи Бога, въ любви къ нему, въ моей святости: но смерть не попускаетъ мнѣ достигнуть совершенства; я долженъ опять обратиться въ *ничто*, когда только началъ было быть *нѣчто*. Съ сими превосходными способностями я прикованъ къ грубому, тлѣнному тѣлу, какъ Промешей къ каменной скалѣ. Одна мысль, — что я способенъ вѣчно усовершенствоваться, другая, — что на вѣки долженъ уничтожиться, какъ враны, терзаютъ меня непрестанно. — Премудрый, Преблагій Боже!.. Для чегожъ бы тебѣ и производить такое твореніе, которое не достигши зрѣлости своей, должно уничтожиться?.. Нѣтъ! не можетъ быть, чтобы все мое бытіе съ смертію моею кончилось. Я ожидаю ее спокойно. Она не другое что есть, какъ только обновленіе, переходъ въ сферу высшую, — куда я сего тяжелаго тѣла, сихъ тупыхъ чувствъ взять съ собою не могу. Смерть моя не другое что есть, какъ возрожденіе, начало жизни новой, совершеннѣйшей. Такъ думалъ о ней Сократъ. Онъ

судилъ, что надобно ему жить, потому что долженъ умереть; и сужденіе свое столько почиталъ истиннымъ, что съ радостью испилъ смертоносную чашу. — Острые умы!.. Ваши Сократы, ваши Платоны такъ разсуждали; они не имѣли лучшаго доказательства о сей истинѣ: но и при всемъ томъ она сильна была заставить ихъ признать Бога и исполнять добродѣтель. Но вы совершенно изгладили бы изъ памяти своей тѣхъ Философовъ, когда бы съ Божественною силою проникла душу вашу небесная Философія *Іисуса Назарянина*, котораго вы гоните!

Возраженіе отъ сотворенія души.

Не важно для меня то возраженіе, что естьли бы мыслящая природа моя никогда не могла престать, то я былъ бы извѣстенъ о томъ состояніи, въ какомъ находился прежде сей жизни. Разумная природа моя не такъ вѣчна, чтобы начала не имѣла. Я не знаю прежде бывшаго состоянія своего: изъ сего заключаю, что теперешняя жизнь моя есть первое ея начало; ибо ниже сего начало быть не могло.—Естьли даже я представлю разумную природу свою съ такимъ свойствомъ, что она не можетъ быть свѣдуща о состояніи своемъ

безъ органическаго тѣла; естьли предположу, что она съ тѣломъ моимъ есть нераздѣлимая единица, и что ея отъ организаціи тѣла столь же мало отдѣлить можно, какъ въ полипѣ натуру животную отъ растительной: но и тогда надежда моя на будущую жизнь ни мало не поколеблется. Я буду взирать на смерть какъ на сонъ; закрою глаза свои съ покойнымъ ожиданіемъ, что Богъ мой нѣкогда,—можетъ быть со всѣмъ при новомъ образованіи сего человѣческаго рода, — воздвигнетъ меня изъ моего праха, и возвратитъ мнѣ познаніе, что я есмь тотъ самой, которой въ семъ мірѣ былъ; возвратитъ прежде, нежели я подумаю о вѣчномъ уничтоженіи своей разумной природы и оставленіи меня безъ всякаго суда. Ибо Онъ далъ мнѣ нравственную природу, подлежащую отвѣтственности и отчету; и поелику Онъ Праведенъ, то не можетъ за добро не наградить, а за зло не наказать. Сіе тѣмъ не сомнительнѣе, что между нравственнымъ добромъ и зломъ есть различіе. По крайней мѣрѣ Богъ такъ устроилъ натуру мою, что я необходимо долженъ признавать сіе различіе; на немъ утвердилъ Онъ весь чинъ природы; на немъ укрѣпилъ уставъ міра; на немъ основалъ и все щастіе, все блаженство разумныхъ существъ. Слѣдственно не воз-

можно не быть мнѣ пріятнымъ Богу, когда я всѣ мои силы употребляю для выполненія святой Его воли. Ибо тогда я дѣлаюсь ему подобенъ; также мыслю, также желаю, какъ мой Богъ; также дѣлаюсь, сколь можно, святъ, также благодѣтеленъ, какъ Онъ.—И такъ возможно ли, что бы, при такомъ уподобленіи, взиралъ Онъ на меня съ холодностью?.. Также напротивъ я мерзокъ буду предъ лицемъ Его, коль скоро не буду внимать гласу моей природы; коль скоро порядкомъ и совершенствомъ Царства Его, благомъ ближнихъ моихъ, буду жертвовать неистовымъ моимъ страстямъ. Но столько же необходимо при семъ и то, что бы Онъ такое свое удовольствіе и неудовольствіе показалъ на самомъ дѣлѣ; ибо правдивая воля, никогда самымъ дѣломъ себя не доказывающая и доказать не могущая, была бы только посмѣяніемъ для тварей. Но какъ можно больше доказать такую правду, какъ не посредствомъ наградъ и наказаній, ясно въ себѣ оную заключающихъ? — Заключеніе такое неоспоримо; — или должно сказать, что нѣтъ различія между добромъ и зломъ; что какъ то, такъ и другое равно споспѣшествуютъ къ совершенству міра. Но для чегожъ бы Богу столь существенно обязывать къ тому нашу природу?.. Такимъ образомъ Онъ не чувствовалъ бы Самъ

различія, которое намъ столь ясно впечатлѣлъ: это опять значило бы отвергать Божество.

Добродѣтель имѣетъ здѣсь свои награды, но онѣ весьма недостаточны.

Скажутъ: сіи награды и наказанія есть въ слѣдствіяхъ натуральныхъ. — Конечно; добродѣтель не можетъ быть безъ послѣдствій добрыхъ, а порокъ безъ худыхъ; иначе добродѣтель не имѣла бы естественной связи съ природою вещей. Дѣйствительно, я съ удовольствіемъ вижу, какъ она еще здѣсь достойно награждается; вижу также, какъ невоздержаніе, несправедливость, ложь сами себѣ дѣлаются бичемъ.

Онѣ весьма слабы.

Но сколь часто многіе добродѣтельные умираютъ въ неизвѣстности и безъ всякой награды; сколь часто напротивъ злодѣйство торжествуетъ надъ добродѣтелью, и само собою избавляется даже отъ худыхъ своихъ послѣдствій! И такъ возможно ли, чтобы столь неизвѣстныя, столь двусмысленныя послѣдствія совершенно мнѣ являли вѣчную, истинную, Божественную волю; возможно ли, чтобъ онѣ были для меня достаточнымъ побужденіемъ, — жертво-

вать всѣми моими намѣреніями и желаніями сей темной Его волѣ?—Я долженъ умѣрять себя въ насыщеніи пріятнѣйшихъ своихъ пожеланій;—но для чего?.. Говорятъ, что бы въ старости жить пріятнѣе.—Но сколь многихъ вижу я добродѣтельныхъ, которые, при всей ихъ умѣренности, по слабому сложенію тѣла своего, бываютъ прежде-временною жертвою смерти!.. Итакъ долженъ ли я отказаться отъ всѣхъ настоящихъ удовольствій для одной сомнительной будущности, о которой, не смотря на всю мою воздержность, вовсе не знаю, достигну ли ея, или нѣтъ?—Я долженъ быть во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ справедливъ, въ чувствованіяхъ благороденъ, великодушенъ; но для чего?—Будетъ нѣкогда время, что свѣтъ узнаетъ праводушіе мое.—И такъ Свѣтъ будетъ судьею добродѣтели моей!.. Безумной я!—Свѣтъ, которой ненавидитъ всякую добродѣтель; которой истинную добродѣтель считаетъ невозможною; которой ежедневно заставляетъ оглушать себя покупными похвалами, ежедневно хвалится похищенными заслугами, ежедневно чтитъ и обожаетъ новые пороки; и такъ отъ сужденія сего-то Свѣта долженъ я ждать награды за мою добродѣтель?.. Сколь часто пороки,—самые низкіе, самые гнусные пороки,—въ дѣйствіяхъ своихъ пріемлютъ наружность благород-

нѣйшей добродѣтели; и сколь часто напротивъ самая благороднѣйшая добродѣтель, по своимъ дѣйствіямъ, кажется самымъ отвратительнѣйшимъ порокомъ!.. Да и трудно ли пороку придать блескъ ослѣпляющій? Трудно ли машинально зашвердить нѣсколько важныхъ сентенцій, и нѣсколько часовъ играть ученую ролю *Катона*? За сценою сей Катонъ опять не больше, какъ самой низкой фигляръ. Сколь много самыхъ отличнѣйшихъ людей, которые втайнѣ стараются заслуживать доброе мнѣніе у порочнаго! Сколь много можно надѣлать низостей, не опасаясь никакихъ послѣдствій! Съ небольшою осторожностью, но съ безстыднѣйшею дерзостью; самые гнусные, самые величайшіе грабители, цѣлую жизнь проживаютъ ненаказанно. Сколько еще и такихъ добродѣтелей, которыхъ Свѣтъ знать вовсе не долженъ; которыя обязанъ я скрывать даже отъ себя самаго, чтобы онѣ не потеряли цѣны своей. Сколь бѣдна была бы добродѣтель, естьлибы она была только видимая!.. Еще; гдѣжъ награда добродѣтельному за тайныя его преоборенія, сокровенное великодушіе? Гдѣ награда за благородныя чувствованія бѣдняку, непрестанно соболѣзнующему, что благодѣтельствовать не можетъ? Чужое имѣніе въ его рукахъ; онъ можетъ на цѣ-

лыя столѣтія имъ запастись, можетъ похитить его безъ малѣйшей трудности; но удерживается тайнымъ чувствомъ низости такого порока, котораго хотя кромѣ его никто не знаетъ, котораго Свѣтъ даже такимъ не признаетъ, и которой почитается низкимъ только отъ самыхъ нѣжнѣйшихъ сердецъ. Никто о семъ побужденіи его и знать не будетъ, а онъ—остается страдальцемъ своей добродѣтели. Иной имѣетъ у себя непріятеля, которой его весьма безпокоитъ; ему очень легко отъ него избавиться: но чрезъ это онъ можетъ оскорбить его, или измѣнить своему великодушію; то и другое почитаетъ онъ важнымъ, — и остается страдальцемъ своей добродѣтели.

Добродѣтель не льзя почитать лздоимствомъ, когда она надѣется награды.

„Подлой наемникъ! ты при добродѣтели своей никогда не долженъ смотрѣть на награду!—Такъ упрекаетъ меня Стоикъ. Сама добродѣтель, свидѣтельство совѣсти твоей, что ты поступаешь благородно, сообразно натурѣ вещей, — вотъ твоя награда! — Такъ! Но добродѣтель чрезъ это красоты своей въ глазахъ моихъ не теряетъ; и моя Религія отнюдь не дѣлаетъ меня неспособнымъ къ симъ благороднымъ чувство-

ніямъ. Я ее люблю, и исполнять ее — остается моимъ благороднѣйшимъ преимуществомъ; можетъ быть, въ тысячи случаяхъ я найду въ себѣ довольно силъ, предпочесть ее обыкновеннымъ, такъ называемымъ благомъ. — Однакожъ, естьли бы случилось, что для нее должно было бы мнѣ лишиться всего на свѣтѣ; естьли бы для нее долженъ былъ я отречься отъ своихъ естественныхъ наклонностей, отъ всего для меня пріятнаго, отъ всего любезнаго; естьлибъ долженъ былъ для нее жертвовать даже самою жизнію моею: то гдѣ мнѣ взять тогда бодрости, гдѣ взять силъ, жертвовать всѣмъ мнимому, пустому совершенству, за которое нѣтъ въ виду для меня никакой награды?... Сильно ли сіе пустое совершенство имѣть перевѣсъ надъ природою моею, надъ моею любовію къ жизни, и надъ тѣми нѣжнѣйшими чуствованіями, которыя Твоя, мой Боже! рука столь непреодолимыми во мнѣ учинила? Естьли же моя любовь къ Тебѣ, мое благоговѣніе къ закону Твоему, сильны будутъ побудить меня къ такому усилію; то возможно ли, — Преблагій, Премудрый, Пресвяшый Боже! возможно ли Тебѣ оставить вѣчно безъ награды такое твореніе, которое добровольно Тебѣ жертвовало всѣми своими силами, своими желаніями, своею жизнію;

которое столь пламенно Тебя любило?... Возможно ли, мой Боже! чтобы твореніе было великодушнѣе Тебя?... Возможно ли, чтобы Ты съ бездѣйственнымъ удовольствіемъ взиралъ на меня въ то время, когда я, изъ любви къ Тебѣ, воздыхалъ подъ игомъ добродѣтели? Возможно ли, чтобы Ты попустилъ мнѣ погибнуть навсегда и съ тѣмъ чувствованіемъ, что я велъ себя благородно?... Такъ; по крайней мѣрѣ хотя бы сія мысль оставалась еще для меня отрадою; по крайней мѣрѣ я гордился бы тѣмъ, что всѣмъ пожертвовалъ Творцу моему безъ награды, естьли бы только мои чувствованія остались со мною и по смерти. Но естьли мое познаніе вѣчно теряется съ моею жизнію; то какъ мнѣ тогда искать награды въ себѣ самомъ за то, что я жизнію своею пожертвовалъ славѣ Творца моего и добродѣтели? Не лучше ли было бы для меня въ тысячу разъ, удовлетворять во всю жизнь по желаніямъ моимъ, чѣмъ такъ обманываться?—Но такимъ образомъ я поругался бы, о Боже! Твоими законами, Твоею святою волею; такимъ образомъ злодѣяніями своими привлекъ бы на себя все Твое мщеніе; Твой громъ рано или поздо меня поразилъ бы.—Творецъ всемогущій! не уже ли Ты не силенъ наградить того добродѣтельнаго, котораго Ты лю-

бишь, котораго долженъ любить? А когда я горжусь отверженіемъ Тебя и презрѣніемъ свя...ыхъ Твоихъ законовъ; когда съ намѣреніемъ ослабляю важнѣйшія доказательства Твоей вѣчной Премудрости и Любви, въ Природѣ Тобою возвѣщенныя; когда собратій моихъ противъ Тебя вооружаю: Всемогущій Боже! не уже ли Ты не силенъ наказать меня за такую дерзость?...Я знаю, мой Боже! что я предъ Тобою червь, ничто; но я и твой образъ, которому Ты благоволилъ сообщить свою натуру, — ту самую натуру, по которой Ты самъ есть Высочайшее Существо: и такъ можетъ ли быть для тебя равно, естьли я съ сими божественными силами, въ сей Высочайшей Натурѣ, содѣлаюсь скотомъ, діаволомъ?....Знаю и то, что когда я и всѣми моими способностями жертвую Твоей волѣ, Ты отъ сего сколь же мало получаешь, сколь мало можешь потерять въ блаженствѣ своемъ, когда бы я даже и всю природу противъ Тебя возмутилъ: но можетъ ли быть для Тебя равно, когда я силы, Тобою мнѣ данныя, употребляю для произведенія въ дѣйство благодѣтельныхъ твоихъ намѣреній, или когда обращаю ихъ къ нещастію моихъ ближнихъ? Не уже ли Самимъ Тобою свободно устроенное учрежденіе можетъ Тебѣ воспрепятствовать, на

самомъ дѣлѣ доказать Твоимъ твореніямъ Божественное Твое удовольствіе, или неудовольствіе; и только потому, что я умираю, не удовлетворить Твоей вѣчной премудрости и правдѣ?

Сей Богъ не есть по сему тиранъ, которой бы наказывалъ творенія свои за ихъ слабости, съ какими самъ ихъ создалъ; искалъ бы въ ихъ наказаніяхъ удовлетворенія за свои оскорбленія. Безъ сомнѣнія, Онъ съ отеческою любовію проститъ мнѣ слабости моей природы; съ безконечною любовію взвѣситъ требованія свои противъ способностей каждаго творенія: ибо Онъ есть любовь.—Но съ другой стороны не могло бы быть ничего несправедливѣе и жесточе того плана, по которому добродѣтельные и порочные уничтожились бы вмѣстѣ. Такимъ образомъ добрый тѣмъ больше терялъ бы, чѣмъ ревностнѣе слѣдовалъ законамъ разумной природы своей; а порочной тѣмъ больше выигралъ бы, чѣмъ сильнѣе заглушалъ свои разумныя чувствованія?... И такъ не имѣютъ права называть меня наемникомъ корыстолюбивымъ за то, что питаю въ сердцѣ моемъ надежду сію. — Правда, вѣчность есть главная цѣль всѣхъ моихъ желаній, главная причина всѣхъ моихъ усилій и трудовъ; дѣйствуя изъ повиновенія и любви къ Богу я не теряю изъ виду и ми-

лостиваго ко мнѣ благоволенія Его. Однакожъ естьли бы я здѣсь предполагалъ рай чувственныхъ удовольствій, и думалъ получить его рабскимъ послушаніемъ, внутренно ненавидя добродѣтель; въ такомъ случаѣ я былъ бы самое недостойнѣйшее, самое презрѣнное твореніе; и такою надеждою я оскорбилъ бы Высочайшее существо. Но я при семъ представляю себѣ такое щастіе, какого единственно умъ мой надѣяться можетъ; я представляю себѣ вѣчной переходъ отъ совершенства къ совершенству, сообразной разумной моей природѣ. И такъ не уже ли желаніе—наслаждаться симъ вѣчнымъ щастіемъ, болѣе и болѣе познавать совершенства и дѣла Творческія, вѣчно расти въ любви къ нему, вѣчно дѣлаться подобнѣе совершенствамъ Его; не уже ли и то усиліе—безпрестанно содержать душу въ такомъ состояніи, что бы она была способна къ сему блаженству: не уже ли, говорю, все сіе можно почесть тою великою низостію, которой разумное твореніе стыдиться долженствуетъ? — Богъ есть и пребудетъ навсегда моимъ единственнымъ, высочайшимъ благомъ: но это потому, что я не могу Его иначе себѣ представлять, какъ существомъ премудрымъ и преблагимъ. Естьлижъ бы Онъ не былъ такое Существо; естьли бы я во всѣхъ Его безпредѣль-

мыхъ свойствахъ не могъ найти для себя ничего благодѣтельнаго; естьли бы почиталъ Его существомъ нечувствительнымъ, для котораго добродѣтель и порокъ стоятъ наравнѣ, и которое на искреннюю жертву любви покорнѣйшихъ твореній своихъ взираетъ съ жестокою холодностію: былъ ли бы Онъ тогда моимъ благомъ высочайшимъ?..О нѣтъ! сей Богъ не попуститъ мнѣ умереть на вѣки, не доказавъ на самомъ дѣлѣ своей премудрости и благости.... Настоящее устроеніе міра и имѣющая быть перемѣна въ теперешней моей природѣ не могутъ ослабить сего упованія. Нѣтъ нужды, что я здѣсь умираю: живъ Господь — и надежда моя непоколебима. — Я умираю, но не для Него; для Него смерть моя не есть смерть; для Него время и вѣчность суть одно *цѣлое*; — и я во всю вѣчность предъ очами Его такъ предстою, какъ теперь.

Слѣдственно естьли бы душа моя даже и вовсе не была отлична отъ тѣла моего; естьли бы я весь совершенно обращенъ былъ въ прахъ и въ самое ничто: всемогущество Его не имѣетъ нужды въ прахѣ для сотворенія. Онъ вскорѣ, или хотя и чрезъ нѣсколько милліоновъ лѣтъ, оживитъ прахъ мой, или вторично воззоветъ изъ ничтожества и возвратитъ мнѣ снова мое познаніе, что бы тѣмъ изъявитъ мнѣ свое

благоволеніе, естьли я любилъ Его чистосердечно.

4. Безсмертіе души доказываютъ дѣйствія ея и духовная природа.

Но упованіе мое тѣмъ тверже становится, когда усматриваю, что я дѣйствительно сотворенъ для вѣчности. Ибо, естьли всѣ понятія мои не обманываютъ меня, мысленная моя натура существенно отлична отъ частей, тѣло мое составляющихъ; слѣдственно она по простотѣ своей уже нетлѣнна. Ибо я чувствую, разсуждаю, свободную волю имѣю. Я представляю себѣ не одно настоящее, но соединяю его съ прошедшимъ и будущимъ; я раздѣляю мои понятія и опять соединяю; воображаю себѣ возможное, и даю ему сколько видовъ, сколько хочу; я обращаю ихъ въ нравственное представленіе; въ оное вмѣшивается какая нибудь страсть моя; сія страсть начинаетъ спорить о немъ съ разсудкомъ моимъ; первая описываетъ мнѣ предметъ красками самыми прелестными, второй представляетъ его гнуснымъ. Сравниваю описанія и признаю, что представленіе разсудка есть самое благороднѣйшее и надежнѣйшее, а представленіе страсти самое низкое, опровержительное. Я хочу повиноваться разсудку; но мнѣ стоитъ большаго труда вы-

полнишь желаемое. Я осуждаю страсть, но всегда нахожусь въ опасности любишь ее. Какъ изъяснишь теперь сей споръ и сей выборъ, естьли то, что называю душею есть не что иное, какъ необходимое дѣйствіе чистаго механизма?

Дѣйствіе души не есть дѣйствіе механизма.

Механизмъ! обворожающее слово, которымъ многіе думаютъ все объяснить. Какъ происходятъ въ тѣлѣ моемъ жизненныя силы и движенія,—я понимаю; началомъ ихъ суть всѣ врозь взятыя частіи и мудрое ихъ между собою соединеніе. Но какъ симъ объяснишь дѣйствія души? Можно ли думать, что бы мысль, сужденіе, свободной выборъ и отвращеніе зависѣли отъ количества силъ моихъ фибровъ и нервъ? Такимъ образомъ мысль и сужденіе были бы раздѣлены по всѣмъ моимъ нервамъ, и каждой атомъ, изъ которыхъ нервы сіи состоятъ, содержалъ бы въ себѣ особливую частицу сей мысли. Откудажъ послѣ сего приходятъ отвлеченныя идеи нравственнаго отношенія и порядка? Откуда болѣзненныя чувствованія души, отъ тѣла вовсе независящія? Что такое Я, которое судитъ о семъ нравственномъ отношеніи, приводитъ въ порядокъ чувствованія, отвлекаетъ изъ нихъ общія понятія, ощущаетъ отъ

шого удовольствіе и неудовольствіе, и всѣ сіи чувствованія соединяетъ въ одной простой нераздѣльной мысли?

Вся страна, которую я теперь вижу предъ собою, со всѣми своими отдаленными, большими и малыми предметами, изображается на зрительномъ нервѣ глаза моего. Отъ чегожъ я каждой предметъ себѣ представляю въ истинной его величинѣ и отдаленіи?.. Скажутъ: это суть заключенія изъ *опыта*. — Но естьли мысль моя есть только ощущеніе тронутаго нерва, то откуда происходитъ такой опытъ?—Что такое образуетъ во мнѣ идеи о различныхъ разстояніяхъ и научаетъ, что въ дали стоящее, взору моему малымъ кажущееся дерево, есть гораздо больше, нежели перо, въ рукѣ моей теперь находящееся? Уже ли такое сужденіе происходитъ только отъ различнаго соединенія и движенія моихъ фибровъ, подобно гармоніи или живописи, не заключающимся порознь въ каждомъ тонѣ или частицѣ цвѣта? — Но такимъ образомъ я дѣйствительно уже допущаю въ себѣ чувствующую силу, отличную отъ моего механизма. Ибо безъ сей силы, гармонія была бы вѣчно не другое что, какъ только разные тоны, а живопись—смѣшанныя безъ разбору краски. И такъ естьли сія сила не содержится въ частяхъ тѣла моего, а вн[illegible]

ихъ дѣйствіе ея ощутительно: то сіе чувствующее Я отъ механизма тѣла моего необходимо должно быть отлично.

Сколь нѣжнымъ и тонкимъ ни представлялъ бы я себѣ сей *механизмъ*, но тѣмъ не выигрываю ничего. Поелику я назначенъ жить въ семъ тѣлѣсномъ мірѣ, то и чувства тѣлѣсныя получилъ; поелику нервы мои назначены быть орудіемъ души моей, то и должны быть чрезвычайно тонки: но естьли бы сила мыслящая была дѣйствіе тонкаго механизма, то она могла бы быть и въ грубѣйшемъ. Словомъ, я не вижу никакой возможности изъяснить силу сію изъ организаціи тѣла моего; и такъ не имѣю ли довольной причины допустить въ себѣ мыслящее существо, отъ машеріи отличное? Одна только трудность состоитъ здѣсь въ томъ, что я не могу имѣть подробнаго понятія о натурѣ сего мыслящаго существа.

Здѣсь-то авторъ философскаго словаря превосходитъ себя самаго въ *мнѣніи о душѣ*. Онъ говоритъ: „естьли должно допустить душу отличную отъ тѣла потому только, что мы мыслимъ; то и растѣніе имѣло бы также растительную душу, и тюльпанъ тогда могъ бы сказать: я и моя растительность суть два различныя существа.“ — Какъ замысловато! удивительно, какъ онъ

еще не прибавилъ къ сему, что и въ мельничномъ камнѣ должно быть особливое вершящееся существо? Вотъ плоды ума сихъ мнимыхъ философовъ! — Естьли бы мыслящая способность зависѣла отъ организаціи, говоритъ Г. Бюффонъ; то и обезьяна также мыслила бы, какъ человѣкъ. Ибо чувства ея и строеніе мозга совершенно одинаковы съ человѣческимъ. Такъ; поелику организація чувствъ ея и мозга совершенно похожа на организацію человѣческую; поелику наружные предметы такія же въ ней дѣлаютъ впечатлѣнія, и она даже производитъ механически дѣйствія, человѣку приличныя:—слѣдовало бы изъ сего заключить, что она есть только небольшое отступленіе отъ человѣческой природы. При всемъ томъ она еще гораздо менѣе имѣетъ ума, чѣмъ прочія животныя, которыхъ организація вовсе не похожа на человѣческую. Бюффонъ прибавляетъ къ сему, что Божественное вдохновеніе, le souffle divin (*), даетъ человѣку сіе преимущество. Естьли бы получило его отъ Бога какое либо малѣйшее животное; о! какъ скоро содѣлалось бы оно соперникомъ человѣку.

(*) И вдуну въ лицѣ его дыханіе жизни. Быт. гл. 11. ст. 7.

Мы не имѣемъ подробнаго понятія о сущности души нашей.

Вотъ все, что могу достовѣрно сказать о моемъ мыслящемъ существѣ! Внутренняя сущность его, способъ понятій, способъ соединенія съ тѣломъ — суть для меня такія тайны, которыхъ изъяснять не дерзаю; хотя ищу ихъ со всею бодростію.

Сущность духа сего состоитъ ли въ одной только мысли; или онъ есть существо особенное, невещественное, въ которомъ мыслящая сила обитаетъ? — Есть-ли первое, то какъ могу себѣ представить бытіе одной мыслящей силы, — дѣйствіе безъ существа? — Естлижъ допустить, что онъ есть существо особенное, невещественное; то что мнѣ разумѣть подъ существомъ невещественнымъ, которое не имѣетъ силы мыслящей? Далѣе;—мыслитъ ли духъ сей обо всемъ самъ отъ себя, а тѣло движется сообразно его представленіямъ; или душа есть только пустая доска, которая имѣетъ способность — принимать впечатлѣнія? Нервы мои дѣйствительно ли суть орудія духа сего, сообщающія ему перемѣны, внѣ меня происходящія и получающія отъ него опять впечатленія для движенія тѣла? — Темнота со всѣхъ сторонъ.

Мыслитъ ли душа моя только сама изъ себя? Всѣ представленія и мысли, какія во всю жизнь мою были, и какія во всю вѣчность будутъ, храняться ли въ ней дѣйствительно? Не много ли такъ думать о существѣ ограниченномъ? Да и для чего же при семъ изображается напередъ въ глазѣ моемъ предметъ, которой я долженъ чувствовать въ своей душѣ? Все это кажется мнѣ замысловатою сказкою. — Но съ другой стороны, какъ я могу представить себѣ духъ, которой имѣетъ только способность чувствовать? И когда говорю, что онъ чувствуетъ только помощію нервъ, то что это значитъ? Какъ могутъ служить тѣлесныя орудія духу неосязаемому, и какое сродство между потрясеніемъ нервъ и понятіемъ, которое душа себѣ изъ того дѣлаетъ? Здѣсь опять прежняя система кажется для меня правдоподобнѣе.

Еще; — духъ сей есть ли такое существо, которое можетъ состоять само по себѣ, хотя бы и отдѣлено было отъ тѣла? Могу ли я представить ограниченной духъ, которой бы безъ чувствъ представлялъ тѣлесный міръ? Когда мыслящая натура моя такъ тѣсно соединена съ организаціею моею; то не долженъ ли я себя въ ряду существъ почитать тѣмъ среднимъ твореніемъ, которое соединяетъ міръ тѣлесный съ ду-

ховнымъ? Естьли мой духъ, столь тѣсно теперь съ моею органическою природою соединенный, будетъ чувствовать безъ всѣхъ чувствъ; то не перемѣнится ли вся Его сущность, и съ сею перемѣною классъ человѣческаго рода не истребится ли вовсе изъ чина природы?—На всѣ сіи непоняшности я взираю окомъ спокойнымъ и мужественнымъ.

Смерть не изпровергаетъ надежды моей на безсмертіе.

Не оставляя доказательства о духовной натурѣ души моей, я впрочемъ не почитаю оную единственнымъ основаніемъ надежды моей на безсмертіе. Не потому я надѣюсь жить вѣчно, что имѣю безсмертной духъ; но потому, что *я безсмертенъ*; — и основаніе надежды моей не то собственно, что моя душа есть существо мыслящее, но что *я есмь твореніе разумно-нравственное.* И такъ хотя бы моя мыслящая натура съ тѣломъ моимъ составляла никогда-нераздѣлимое *одно*; но я осмаюсь твердо увѣренъ въ вѣчномъ бытіи моемъ. Какъ человѣкъ, я могу вѣчно переходить отъ одного совершенства къ другому; и когда Богъ, по безконечной благости своей, позоветъ меня въ высшую, свѣтлѣйшую сферу, тогда по всемогуществу своему просвѣ-

шить и тѣло мое, какъ надобно ему быть для сей высшей сферы; — такъ притомъ, что я такойже буду человѣкъ, какъ теперь, однакожъ членъ онаго святаго града Божія, имѣющій съ моими прославленными согражданами вѣчно прославлять величество, премудрость и благость Творца своего, при моемъ непрестанно возрастающемъ блаженствѣ.

Таковое преобразованіе ни мало для меня не удивительно, естьли вникну, сколь отмѣнно уже и теперь тѣло мое отъ перваго своего начашка. Можетъ быть зародышъ сего прославленнаго тѣла и теперь уже сокрытъ подъ моимъ грубымъ покровомъ; можетъ быть смерть моя есть только разрѣшеніе сего тлѣннаго тѣла, а гробъ — машь, гдѣ всемогущество Божіе пріуготовитъ меня къ рожденію въ сію новую жизнь. Се! гробъ отверзается! — Можетъ быть это уже и для меня! Смерть! гдѣ твои ужасы?... Но естьли бы они и были; я и тогда все въ рукѣ Творца моего; и тогда я премудрости его предоставляю время, въ которое онъ меня воззоветъ. Гласъ, которой рекъ свѣту: *да будетъ*! и которой повелѣлъ хаосу: *да будетъ Міръ*!— сей гласъ проникнетъ и въ мой гробъ, возбудитъ конечно отъ сна и меня. Его премудрость, которая ничего уничтожаетъ

не можетъ; Его вѣчная благость, которая еще больше не можетъ разрушить твореніе разумнаго, способнаго вѣчно усовершенствоваться; сія благость, которая не могла дать мнѣ для мученія моего способности и желанія такой вѣчности; Его правда, которая никогда допустить не можетъ — вѣчно мнѣ потеряться, когда я столь усердно, вѣрно послѣдовалъ святому его закону и все, все мнѣ есть порука въ новой моей жизни. — О! какое нещастное былъ бы я твореніе, естьли бы еще и сей надежды не имѣлъ!.. Какой врагъ былъ бы я самъ себѣ, естьли бы захотѣлъ ослаблять основанія ея!... Какое ужаснѣйшее, чудовищное твореніе былъ бы я въ собственныхъ моихъ глазахъ, когда бы сталъ принуждать себя къ отверженію мысли сей, которая столь существенно принадлежитъ къ природѣ моей, которая подтверждается всею натурою, всѣми свойствами Божества; когда бы сію восхитительную перспективу изъ страха самъ себѣ заграждалъ!..

Мои погрѣшности и несовершенства не препятствуютъ мнѣ полагаться на благость Божію.

Признаюсь, есть нѣчто, отъ чего я, при всѣхъ сихъ доказательствахъ, не могу приближаться къ вѣчности съ полною ра-

достью. Совѣсть моя говоритъ мнѣ, что я не столько совершенъ, сколько долженъ быть, сколько могъ бы быть. Боже! сколь совершеннѣе могъ бы я быть, не оправдываясь слабостями природы моей, яко дѣломъ твоимъ! По крайней мѣрѣ, Твоя Божественная воля всегда для меня долженствовала быть безконечно свяшѣе воли смертныхъ человѣковъ; по крайней мѣрѣ, Твоя милость для меня долженствовала быть безконечно важнѣе благоволенія непостоянныхъ человѣковъ. Увы! я могъ своимъ покоемъ, своими силами, своими пріятнѣйшими пожеланіями жертвовать тамъ, гдѣ требовали того глупыя предразсудки свѣта, суетная похвала его, моя гордость, мое честолюбіе: Праведный Боже! какъ же оправдаюсь я слабостью моею тамъ, гдѣ часто требовали отъ меня малѣйшихъ усилій Твоя честь, Твой святой, вѣчной законъ, твои благодѣтельныя намѣренія?.. Ты святъ, о мой Боже! можно ли мнѣ быть свободну отъ обязанности къ Твоему вѣчному закону, къ повиновенію, какое долженъ я воздавать Тебѣ, какъ Творцу своему? Правда Твоя, по которой Ты не можешь не изъявить своего неудовольствія за худое, а благоволенія за доброе, для меня есть первымъ доказательствомъ, что меня ожидаетъ еще другая жизнь. Сколь мрачною

послѣ сего кажется мнѣ вѣчность!.. И не долженъ ли я желать себѣ вѣчной смерти?— Нѣтъ, мой Боже! Ибо ты вмѣстѣ и любовь. При всѣхъ моихъ грѣхахъ, Ты видѣлъ и мое раскаяніе, Ты слышалъ тайныя вздохи мои, сердечное желаніе — болѣе доказать Тебѣ мою покорность. Естьли бы даже это было самое первое искреннее побужденіе любви моей къ Тебѣ; естьли бы даже и съ сей только минуты началъ я чувствовать, коликое есть блаженство познавать Тебя, Всевысочайшее Благо! Тебя любить, тебя вѣчно совершеннѣе познавать и любить: возможно ли Боже мой! чтобы Ты отвергъ твореніе съ такovыми чувствованіями?.. Чувствованія сіи суть дѣло Твое: возможно ли, что бы Ты не довершилъ дѣла, благостію Твоею начатаго?.. Знаю, что я нечистъ предъ очами Твоими: — но освободи духъ мой отъ узъ сей грубой чувственности, препятствующихъ мнѣ приближиться къ Тебѣ; пресели меня въ вѣчность, — и тогда я могу совершеннѣе познавать Тебя, Твою волю исполнять точнѣе, уподобляться Тебѣ болѣе!.. Твоя святость и правда безконечны; но когда Ты назначалъ меня къ вѣчности, тогда предвидѣлъ и всѣ мои слабости. И такъ не уже ли Твоя вѣчная премудрость и благость не изыщутъ средства — довести меня къ моему назна-

ченію, не оскорбляя чести закона Твоего и святости Твоей. О! конечно средство сіе уже есть. Твоя любовь поможетъ мнѣ узнать его. Сей даръ благости Твоей будетъ для меня самый драгоцѣннѣйшій; онъ успокоитъ меня совершенно; я приму его съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ II.

о нравственной натурѣ человѣка.

Три главныхъ начала Вѣры.

Знаемъ мы теперь три великія истины, на которыхъ вся Религія основаніе свое имѣетъ. *Есть Богъ,* Существо безконечно совершенное, премудрое, преблагое, пресвободное, отъ котораго міръ и всѣ твари, въ союзѣ ихъ, получили первое свое начало. *Есть Провидѣніе,* которое все сохраняетъ, которое на всѣ особенныя части природы простирается, и наконецъ всѣ частныя ея перемѣны и случаи управляетъ съ такимъ же всевѣденіемъ, премудростью и благостью, съ какою устроены и всеоб-

щіе естественные законы. *Настоящая наша жизнь есть только первая степень нашего бытія*, которая приведетъ насъ къ жизни совершеннѣйшей, гдѣ способности наши больше разовьются, и гдѣ притомъ увидимъ мы развязку тѣхъ кажущихся безпорядковъ, которые, по видимому, здѣсь противорѣчатъ Премудрому и Преблагому Провидѣнію.

Что такое нравственное существо.

Не приступая къ изслѣдованію великой истины, изъ сего вытекающей, надобно намъ прежде узнать свою собственную натуру. Для сего только два вопроса нужно намъ рѣшить, вопервыхъ; *дѣйствительно ли мы свободны*; вовторыхъ, *есть ли истинное различіе между тѣмъ, что мы называемъ добромъ и зломъ*, которое могли бы мы *принять твердымъ* и обязательнымъ *правиломъ* нашихъ *дѣйствій*?

Оба сіи изслѣдованія существенно принадлежатъ также къ опредѣленію нравственной нашей натуры. Ибо естьли бы мы дѣйствовали по такимъ же необходимымъ, но только таинственнымъ законамъ, какъ и прочія существа въ семъ мірѣ; тогда нравственная натура наша была бы пустое слово, и мы тогда были бы изъяты всякой отвѣтственности, какъ бы дѣла

наши ни происходили; потому что тогда мы дѣлали бы то, что посредствомъ всеобщаго механизма Природы назначилъ намъ Творецъ. Дѣйствовали ли бы мы тогда своимъ разсудкомъ, или нѣтъ; всегда бы на вѣрное происходило то, что должно произойти.

Съ другой стороны если бы мы были и свободны, но не имѣли для своихъ дѣйствій надежнаго, различительнаго правила; то также спокойно могли бы предаваться своимъ вѣтренымъ наклонностямъ, не опасаясь за то никакой отвѣтственности; потому что если нѣтъ нигдѣ правила, изъясняющаго намъ Божественную волю, то мы смѣло могли бы изъ того заключить, что воображаемое нами добро или зло, въ очахъ Божіихъ совершенно равно. Слѣдственно тогда и все изслѣдываніе о Религіи было вовсе излишне; не было бы для насъ ни обязанностей, ни должностей; и намъ нечего было бы опасаться отъ нашего Бога, нечего и надѣяться.

Система недопускающаго свободы.

Доказывать, *дѣйствительно ли мы свободны*, столькожъ было бы излишне, какъ и то, свѣдущи ли мы о себѣ самихъ. Но поелику многіе лучше хотятъ выдумы-

вать нелѣпыя гипотезы, и отъ одного софизма перелѐпать къ другому, чтобы только хотя на нѣкоторое время отдалить отъ себя обязанность добродѣтели и грозную мысль о Божіемъ судѣ; то и находятъ довольно словъ къ отверженію даже самыхъ первыхъ и натуральныхъ чувствованій.

Двумя совсѣмъ различными способами хотятъ отвергнуть сію истину. Одни умствуютъ такъ: „ мы видимъ, что всеобщіе, совершенные законы Природы до человѣка не касаются; это значитъ, что Богъ не печется о свободныхъ особенныхъ дѣйствіяхъ человѣческихъ; слѣдственно все, что говорятъ о Божественныхъ законахъ и будущихъ воздаяніяхъ, есть только одинъ безсмысленной бредъ: потому и нѣтъ никакихъ границъ для нашей свободы.“ — Другіе напротивъ изъ страха хотятъ отрещись отъ всего достоинства своей натуры, и быть не больше ,какъ машинами. Сіи размышляютъ такъ: „ въ цѣлой видимой Природѣ все происходитъ по непремѣннымъ законамъ; это доказываетъ, что чего Богъ хочетъ, то и бываетъ, и что мы подвержены такимъ же небходимымъ, только таинственнымъ законамъ; по этому и мнимая свобода наша не иное что есть, какъ одна гордая мечта, которою мы льстимъ себя безъ всякаго основанія.“ — Не-

лѣпость перваго софизма показана въ четвертомъ разсужденіи; разкроемъ теперь несправедливость другаго.

Что такое свобода.

Подъ свободою разумѣемъ мы такую способность, по которой можемъ размышленіе о какомъ нибудь предметѣ начать, продолжить, окончить; или тѣло свое двигать и не двигать, не имѣя къ сему никакой другой причины, кромѣ воли своей. Вотъ въ чемъ только можетъ она обнаруживать свое дѣйствіе. Слѣдственно сущность ея существенно состоитъ въ рѣшительности, которою она отличается отъ представленій и движеній непроизвольныхъ и необходимыхъ. Само собою разумѣется, что способность сія имѣетъ свои границы. Творецъ положилъ ихъ и уравнялъ съ такою же Премудростью, съ какою вообще уравнены всѣ прочія силы натуры нашей и всѣхъ ограниченныхъ твореній, по разной ихъ связи съ *цѣлымъ*.

Доказательства свободы.

Разсмотримъ теперь: есть ли у насъ такая свобода.

Я вижу вопервыхъ, что мы имѣемъ способность чувствовать, судить о нашихъ чувствованіяхъ, и сравнивать ихъ между

собою: вотъ основаніе нашей разумной натуры. — Но сія способность была бы безъ всякой цѣли, и не больше, какъ изображеніе въ мертвомъ зеркалѣ, естьли бы мы вмѣстѣ не имѣли способности избирать одно представленіе предъ другимъ, и одно предпочитать другому. Сила сія не состоитъ въ одной способности судить; онѣ обѣ суть различныя между собою способности; но такъ тѣсно одна съ другою соединены, что границы ихъ едва примѣтны. Я думаю, представляю себѣ двѣ различныя вещи, сравниваю ихъ между собою, нахожу въ представленіи одной больше удовольствія, и *люблю ее*: и вотъ уже дѣйствительная воля; вы видите, сколь тѣсно она соединена съ первою мыслящею силою.

Когда Богъ далъ намъ сіи двѣ способности, то какъ же можно Ему не дать способности — волю нашу приводить въ исполненіе? Онѣ не иначе могутъ быть полезны, какъ только въ соединеніи. Разумѣніе безъ выбора, выборъ безъ свободы — напрасны; онѣ всѣ три вмѣстѣ составляютъ разумную природу. Мыслящая машина, — что можетъ быть глупѣе сего? Камень съ разсудкомъ и волею; — онъ никогда не могъ бы падать скорѣе, никогда медлительнѣе, никогда въ разныхъ направле-

ніяхъ. Слѣдственно, если я имѣю способность одну, долженъ имѣть и другую; и какъ скоро я увѣренъ объ одной, необходимо долженъ быть увѣренъ и о другой.

А что я имѣю способность мыслить и хотѣть, это знаю по чувствованію; это извѣстность самая высшая, къ какой только я способенъ; она одинакова съ тою извѣстностію, что я существую; и кто захочетъ Метафизическими доводами оспоривать сіе предъ мною, тотъ долженъ вмѣстѣ доказать, что я не существую.

Такъ же я чувствую и свободу свою; на примѣръ: я хочу теперь двигнуть свою руку — и движу; хочу оставить ее въ покоѣ — и она покоится; хочу о семъ, или другомъ предметѣ подумать, хочу продолжать свое размышленіе, хочу отложить выполненіе своей рѣшительности: все это дѣлаю по одной только внутренней своей рѣшительности. Естьли сіе сомнительно, то надобно бы мнѣ сомнѣваться и о томъ, что я чувствую; по крайней мѣрѣ дѣйствительной свободы чувствовать иначе не могу; и всѣ люди чувствуютъ ее по такимъ же признакамъ.

Различныя впечатлѣнія, производимыя ошибками и нещастными случаями.

Всѣ одинакимъ образомъ различаютъ произвольныя ошибки отъ случаевъ не-

шаошныхъ; въ первыхъ они обвиняютъ самихъ себя и раскаиваются въ нихъ, ни мало не стараясь успокоить себя хитрымъ умствованіемъ, или невѣденіемъ; о другихъ печалятся, но ни мало себя за нихъ не упрекаютъ. Фаталистъ, принимающій систему необходимости, не полагаетъ никакого различія между сими двумя случаями; онъ старается только усилить свой софизмъ, чтобъ оправдать свои безпорядки, и чтобъ выказать свое остроуміе. Посмотримъ на ещотъ сильной его софизмъ.

Побудительныя причины не уничтожаютъ свободы.

Всѣ разумныя творенія, говоритъ онъ, необходимо дѣйствуютъ по причинамъ побудительнымъ; но какъ сила, или слабость ихъ, состоятъ не въ нашей волѣ, а внѣ насъ — въ природѣ вещей, которыя наша душа принимаетъ не иначе, какъ страдательно; то и всѣ наши дѣйствія, которыя мы почитаемъ свободными, не другое что суть, какъ необходимыя назначенія, которыхъ мы избѣжать не можемъ.

Въ слѣдующемъ умствованіи еще больше замысловатости:„ воля наша, говоритъ онъ, такъ устроена, что мы необходимо

должны того желать, что разсудокъ представляетъ намъ лучшимъ: но какъ представленія разсудка нашего необходимы, и не въ нашей волѣ состоитъ — иначе чувствовать вещи, нежели какъ онѣ встрѣчаются; то мы истинной свободы и не имѣемъ; а всѣ наши дѣйствія и рѣшительности необходимы."

Разными способами опровергали оба сіи софизмы; но ихъ можно допустить безъ всякой опасности. *Мы не имѣемъ свободы*, — это также изъ нихъ не слѣдуетъ, какъ естьли бы я умствовалъ: „я не имѣю „способности судить, потому что ея нѣтъ „ни въ моей памяти, ни въ воображеніи."

Особливо нѣкоторые силились доказать, что воля, узнавши лучшее благо, можетъ желать противнаго. — Но это вовсе противъ природы разумнаго существа.

Свобода равновѣсія.

Правда, пока я еще не знаю вещи, до тѣхъ поръ хотѣніе и нехотѣніе моей воли состоятъ въ равновѣсіи; естьли только нѣтъ внутренней, или внѣшней какой нибудь необходимости, нудящей меня слѣпо избрать одно предъ другимъ. Но если бы такое равновѣсіе во мнѣ оставалось еще свободно, и я могъ бы избрать то, или другое

даже и тогда, когда уже одно представляю себѣ добромъ, а другое худомъ, одно лучшимъ, а другое худшимъ: то это было бы большое несовершенство, болѣзнь природы моей точно такая же, какъ если бы я, при ясномъ математическомъ доказательствѣ, противное почиталъ истиннымъ. Здѣсь наша воля необходимо рѣшается по представленію послѣднему, и человѣкъ, могущій дѣлать противное ему, былъ бы въ человѣческомъ обществѣ вовсе безполезенъ, не имѣлъ бы никакаго характера, не чувствовалъ бы никакой обязанности; разсудокъ, истина, законы—были бы для него ничто; онъ все дѣлалъ бы по слѣпому случаю, гдѣ нѣтъ истинной свободы; онъ былъ бы въ состоянія сумасшествія, гораздо худшемъ состоянія скотскаго.

Я выхожу на поле: камни, лежащіе предъ глазами моими всѣ для меня равноцѣнны; я могу взять изъ нихъ, какой хочу; когда же беру сей имянно, а не другой, — это происходитъ только отъ положенія моего тѣла, отъ механическаго движенія руки моей; или отъ того, что тотъ камень въ глаза мнѣ первой бросился. Но естьли я тутъ же усматриваю драгоцѣнный камень и узнаю его цѣнность; то тутъ равновѣсіе уже теряется; я былъ бы сумашедшій, если бы взялъ себѣ кремень вмѣсто его.

Діогенъ, можетъ быть, при свидѣтеляхъ это сдѣлаетъ; потому что для него случай—показать свое Философское безкорыстіе, драгоцѣннѣе алмаза. Слѣдственно мы можемъ избирать только то, что лучшимъ напослѣдокъ себѣ представляемъ. Вотъ первой законъ разумной нашей природы, основаніе всего нашего достоинства, первой узелъ человѣческаго общества, основа всего нравоученія и всѣхъ законовъ.

Отъ чего иногда самая сильнѣйшая побудительная причина производитъ слабое впечатлѣніе.

Но отъ чего случается столь часто, что мы, кажется, поступаемъ совсѣмъ въ противность сему закону? Мы видимъ, что многіе умнѣйшіе люди занимаются дѣтскими бездѣлками; свое щастіе, свою честь, свой покой—во всю жизнь приносятъ въ жертву страсти, которую сами столь часто осуждали. Какъ можно самое низкое, минутное удольствіе предпочитать мирной, постоянной радости добродѣтели? — Хотя, къ сожалѣнію, это и неоспоримо; но не меньше истинно и то положеніе, что человѣкъ въ своей рѣшительности всегда слѣдуетъ послѣднему представленію лучшаго блага. Здѣсь двусмысленность въ томъ, что мы смѣшиваемъ благо, по его существенной цѣнѣ лучшее, съ

шѣмъ, которое, по настоящимъ чувствованіямъ нашимъ, кажется самымъ лучшимъ. По устроенію души нашей, величайшее благо для насъ есть то, которое въ настоящемъ времени доставляетъ намъ больше удовольствія. Оно по существенной цѣнѣ своей, можетъ быть, и несравненно меньше, нежели какъ намъ кажется; но удерживаетъ преимущество свое потому, что есть настоящее. Ибо такова наша природа, что настоящее всегда сильнѣе и живѣе дѣлаетъ на насъ впечатлѣніе, нежели отдаленнѣйшее. Такъ Творецъ произвелъ насъ. Домъ, стоящій вблизи, кажется намъ больше высочайшей, но отдаленной горы.

Таковое Творческое устроеніе премудро.

Устроеніе сіе весьма согласно съ Премудростью Творца, и притомъ не нарушаетъ ни нравственности нашей, ни вѣрности нашихъ познаній? Подлинно, сколь многихъ лишились бы мы удовольствій, большую часть жизни нашей услаждающихъ, когда бы довольствовало насъ только то благо, которое мы, по зрѣломъ разсужденіи, таковымъ признали! Наши чувствованія суть собственная мѣра всего, что мы называемъ добромъ, или зломъ: но какъ мы настоящее чувствуемъ гораздо живѣе и

сильнѣе, нежели отдаленнѣйшее; потому и малѣйшее по цѣнѣ своей, но настоящее добро гораздо больше имѣетъ на насъ вліянія, нежели дѣйствительно большее, но отдаленнѣйшее. Къ тому же сіе послѣднее всегда еще тѣмъ меньше насъ трогаетъ, что оно ослабляется пріятнымъ чувствованіемъ настоящаго добра, или что большихъ стоитъ будетъ непріятностей нам его пріобрѣсть. Ибо если мы никакихъ пріятныхъ чувствованій имѣть не можемъ, не удаливъ прежде непріятныхъ; то удалить настоящую скорьбь, всегда есть первой шагъ къ щастію.

Почему люди избираютъ иногда худшее за вѣдомо.

Сіе замѣчаніе Локка; и оно разрѣшаетъ ту загадку, почему люди видятъ добро и признаютъ таковымъ, но тутъ же избираютъ худшее. Порочной какъ ни ослѣпляется, однакожъ признаетъ красоту добродѣтели и ея преимущественнѣйшее, прочное щастіе. Малодушной и лѣнивецъ всегда чувствуютъ, что преимущества и почтеніе лучше неизвѣстности и презрѣнія: но они съ скотскою чувственностію, безъ размышленія, остаются при настоящихъ своихъ чувствованіяхъ. Имъ по привычкѣ не примѣт-

на низость состоянія ихъ и мерзость ихъ пороковъ; хотя для добродѣтельнаго, привыкшаго къ нѣжнѣйшимъ, благороднѣйшимъ чувствованіямъ, это было бы ужаснѣйшимъ мученіемъ. Они не знаютъ мирнаго и прочнаго удовольствія добродѣтели; видятъ лучшія ея послѣдствія, видятъ также и худыя отъ своего порока: но закрываютъ глаза отъ того и другаго, и коснѣютъ въ порокахъ; потому что страшатся трудностей, какихъ имъ на первой разъ стоить будетъ содѣлаться добродѣтельными. И такъ поелику мы, по ограниченности нашихъ способностей, не можемъ вдругъ съ равною живостію чувствовать двухъ благъ; то по сему и самая малѣйшая приманка настоящаго удовольствія, равно и самое малѣйшее безпокойство, достаточны сдѣлать насъ нечувствительными къ благамъ безконечно совершеннѣйшимъ, и содержать въ такой нечувствительности до тѣхъ поръ, когда уже мы, съ твердостію и живостію разсудивъ о несовершенствѣ и суетности настоящаго нашего удовольствія и объ опаснѣйшихъ слѣдствіяхъ отъ него, станемъ сколько нибудь безпокоиться; а напротивъ отдаленнѣйшее величайшее благо, посредствомъ частаго и живѣйшаго представленія, столько къ себѣ приближимъ и столько въ немъ

увѣримся, что безъ него будемъ считать себя нещастными; чувствованіе же настоящаго добра мало по малу чрезъ то ослабимъ, и тѣмъ облегчимъ для себя побѣду надъ нимъ. Слѣдственно все нерушимъ остается тотъ, Творцемъ съ безконечною премудростью въ природѣ нашей устроенный законъ, по которому наша воля должна всегда утверждаться на послѣднемъ представленіи добра.

Представленіе предметовъ не нарушаетъ свободы.

Сколь же истинно, и сколь же необходимо второе начало, что не въ нашей волѣ состоитъ—чувствовать вещи иначе, нежели какъ онѣ намъ по натурѣ своей представляются, такъ что разсудокъ нашъ понимаетъ ихъ *страдательно*. Ибо иначе не было бы для насъ ничего истиннаго; иначе мы не знали бы, сходны ли чувствованія наши съ природою вещей; напрасно имѣли бы у себя разсудокъ и чувства; это были бы руки безъ осязанія. Слѣдственно оба сіи положенія равно справедливы. Противорѣчущее былъ бы я твореніе, если бы не того желалъ, что представляю наилучшимъ въ настоящемъ времени; столь же слѣпое и безполезное твореніе былъ бы

при всемъ своемъ разсудкѣ и чувствахъ, если бы могъ представлять себѣ вещи иначе, нежели какъ ихъ чувствую. Но не имѣю ли я по сему свободы? . . Это было бы все тоже, какъ я уже выше сказалъ, если бы заключилъ, что не имѣю способности судить, потому что она ни въ памяти моей, ни въ воображеніи не заключается. Я вѣрнѣе заключу такъ: „ поелику я чувствую въ себѣ способность судить, а способность сія не есть свойство ни памяти моей, ни воображенія; слѣдственно она есть особливая способность моей души.„ Для чего мнѣ также не умствовать и о свободѣ своей, которую столь же ясно въ себѣ чувствую? Есть по крайней мѣрѣ во мнѣ способность размышлять, или *передумывать*; на это не можетъ не согласиться и самой упорной фаталистъ; или вмѣстѣ онъ долженъ отвергнуть во мнѣ и весь разсудокъ. Такъ безъ сомнѣнія, есть во мнѣ способность, по которой могу осмотрѣть вещь пристально или бѣгло, могу при первомъ представленіи остановиться, могу опять разсуждать о ней со всѣхъ сторонъ, могу проникнуть въ ея слѣдствія и потомъ остановить свою рѣшительность. Ибо иначе мое самосвѣденіе и хотѣніе были бы вовсе излишни, и разумъ мой былъ бы подобенъ мертвому зеркалу. Представленія пред-

мешовъ въ душахъ нашихъ необходимы, и въ семъ случаѣ чувства мои никогда меня не обманываютъ, когда я сужу о качествѣ вещей; ибо иначе чувствованія мои для меня были бы безполезны. Мое желаніе такжe должно необходимо согласоваться съ сими чувствованіями. Слѣдственно, чтобъ обѣ силы были полезны, Творецъ по своей премудрости иначе и произвесть ихъ не могъ. Но дабы, при недальновидности нашей, мы не ошибались въ выборѣ истиннаго и лучшаго добра, Онъ съ такою же премудростію далъ намъ способность размышлять, то есть, поудерживать выполненіе своего желанія и рѣшительность свою отлагать, пока разсмотримъ со всѣхъ сторонъ кажущееся намъ добро, и пока пріятныя настоящія чувствованія сравнимъ въ умѣ своемъ съ послѣдствіями.

Въ чемъ состоитъ совершенство свободы.

И сіе-то собственно есть то великое преимущество всѣхъ разумныхъ ограниченныхъ существъ, которое мы свободою называемъ; которымъ отличаемся отъ скотовъ, сумасшедшихъ и дѣтей; которое растетъ съ зрѣлостью нашихъ лѣтъ, нашего разумѣнія и нашей опытности; которое вообще съ совершенствомъ твореній, по

мѣрѣ быстроты, проницательности и основательности ихъ разсудка, восходитъ даже до Существа высочайшаго, гдѣ хотѣніе, зрѣніе, и рѣшительность—есть только одно вѣчное, непремѣняемое дѣйствіе; ибо Всевѣдущій въ размышленіи нужды не имѣетъ.

Какимъ образомъ усовершается свобода.

Опытъ меня научилъ, что кажущееся мнѣ на первой взглядъ добромъ, не всегда бываетъ таково въ продолженіи своемъ и послѣдствіяхъ. Почему я, при первомъ представленіи его, останавливаюсь, размышляю о немъ, испытываю его со всѣхъ сторонъ, разсуждаю о его послѣдствіяхъ, совѣтуюсь съ своею опытностію; изслѣдываю, не могу ли отъ того потерять другаго добра важнѣйшаго, и не получу ли неудовольствія гораздо большаго; и если я признаю величайшимъ благомъ благо отдаленнѣйшее, то стараюсь, чрезъ живѣйшее представленіе, сколь можно его приближать къ себѣ. Если же, послѣ всего размышленія, я признаю за лучшее добро настоящее; то останавливаюсь на немъ, и со всѣмъ спокойствіемъ рѣшаюсь на него: ибо я все сдѣлалъ, что можно было по моей разумной природѣ. Если же и за симъ въ послѣдствіи усматриваю, что я ошибся;

тогда сожалѣю только о недальновидности своей, но упрекнуть мнѣ себя не за что. Бываютъ случаи, что предметъ всегда остается такъ, какимъ на первой взглядъ показался, сколько бы впрочемъ я его ни разсматривалъ; коль скоро я знаю это изъ опыта, то уже и не размышляю о немъ, но привожу его въ исполненіе въ тоже время, какъ сужу.

Тоже самое дѣлаю, когда предмѣтъ имѣетъ одну сторону, и не возможно разсматривать его съ разныхъ сторонъ; или когда и послѣ самаго величайшаго вниманія нахожу, что послѣднее мое о немъ понятіе таковоже, какъ и первоначальное. Не возможно, на примѣръ, мнѣ представить шаръ иначе какъ круглымъ, огонь иначе какъ горячимъ, солнце иначе какъ свѣтлымъ. Таковы вообще первыя основанія человѣческаго познанія. Прилично было премудрости Божіей дать намъ нѣкоторыя всеобщія понятія и чувствованія, безъ коихъ не было бы между нами никакого разумнаго обхожденія.

Напротивъ сего мнѣ ежедневно встрѣчаются тысячи другихъ вещей, о которыхъ могу судить больше, нежели съ одной стороны. Разгоряченный лѣтнимъ жаромъ, я прихожу къ холодному источнику; здѣсь представленіе, что мнѣ пріятно будетъ въ немъ

прохладиться, необходимо. Но вовсе ли необходимо для меня остановиться на этомъ первомъ представленіи? Не могу ли я умомъ своимъ размыслить о другихъ послѣдствіяхъ? Не могу ли произвести въ себѣ совсѣмъ противныхъ представленій, которыя могутъ меня отъ того воздержать?

Какъ предупредить ошибки, происходящія отъ поспѣшности.

Подивимся здѣсь щастливымъ дѣйствіямъ нашего воображенія, возбуждающаго въ насъ по обстоятельствамъ множество идей, даже противъ воли нашей. Творецъ природы нашей во всѣхъ случаяхъ пекся о насъ съ безконечною премудростію. Онъ всѣ способности души нашей, сколь онѣ впрочемъ ни независимы и различны одна отъ другой, такъ тѣсно между собою соединилъ, что онѣ всѣ и всегда предстаютъ предъ насъ со всею дѣятельностію; а потому и наша память и воображеніе, при самомъ малѣйшемъ сходствѣ вещей, съ вѣрностію доставляютъ намъ запасъ хранящихся въ нихъ свѣденій и опытовъ. Изъ сего слѣдуетъ только то натуральное нравоученіе, что мы тѣмъ безопаснѣе бываемъ отъ гибельныхъ опромѣтчивостей и ослѣпленій; чѣмъ больше стараемся вообще обогащать память свою полезнѣйшими

истинами; чѣмъ внимательнѣе бываемъ къ нашимъ и другихъ людей дѣламъ съ ихъ послѣдствіями; чѣмъ больше увѣряемся въ чрезвычайной благодѣтельности добродѣтели; чѣмъ важнѣйшею для себя оную представляемъ и сколько ею воодушевляемся, что она, при каждомъ случаѣ тотчасъ предстаетъ предъ насъ со всѣми своими щастливыми послѣдствіями.

Справедливо и то, что различная степень раздражимости нашихъ страстей, медленной или пылкой духъ, доброе или худое воспитаніе, господствующія обыкновенія, особенное расположеніе нашей души, различныя, каждой разъ встрѣчающіяся съ нами обстоятельства,—все это большое имѣетъ вліяніе на нашу рѣшительность, и выполненіе ея или облегчаетъ, или затрудняетъ; однакожъ и здѣсь ничто не дѣйствуетъ на насъ съ необходимостію совершенною. Всѣ сіи случаи могутъ насъ развлекать, и притомъ очень сильно, до опасности: но за то опять при семъ правила нравственныя становятся для насъ тѣмъ важнѣе, дабы мы всегда старались сохранить свое присутствіе духа; дабы особенно учились познавать нашу собственную слабость, устремляли на нее все свое вниманіе, тщательно избѣгали всѣхъ случаевъ, могущихъ подать ей нѣкоторую пищу или раз-

драженіе; дабы предварительно страшились всѣхъ грѣховныхъ, но въ послѣдствіи почти непреодолимыхъ обыкновеній, и для того старались бы всегда удерживать въ душѣ своей со всею живостію однѣ сильныя представленія о Богѣ, о Его благодати, о вѣчности.—Здѣсь во всемъ своемъ величіи обнаруживается нравоученіе *нашего Спасителя*, Который одинъ хорошо зналъ сердце человѣческое.—Но какъ мы правила сіи пренебрегаемъ; то никакого не имѣемъ права жаловаться на необходимость случаевъ, на неизбѣжность развлеченій. Мы можемъ тогда заслужить сожалѣніе, но не можемъ быть правы. Весьма рѣдки бываютъ случаи сильно ослѣпляющіе, очаровательные, увлекающіе до того, чтобъ мы не могли о нихъ размыслить. Но естьли по особенному Божію попущенію имъ и подвергаемся; то по слабости натуры нашей разсудокъ насъ изнинитъ, а милосердый Богъ проститъ.

Отъ чего происходитъ въ насъ раскаяніе послѣ худаго дѣла.

И такъ *отложеніе нашей рѣшительности, пока мы вещь разсмотримъ со всѣхъ сторонъ, есть собственно наша свобода*; есть то великое преимущество разумной нашей природы, которое отъ прочихъ животныхъ насъ отличаетъ, на которой ос-

новывается вся наша нравственность, и которая дѣлаетъ насъ нѣкоторымъ образомъ властелинами своего щастія. И это-то есть собственное основаніе чувства свободы у всѣхъ человѣковъ. Ибо всѣ мы одинаково различаемъ, какъ я уже сказалъ, чувствованія и дѣйствія, не въ нашей волѣ состоящія, отъ произвольныхъ ошибокъ. Первыя мы оплакиваемъ, о послѣднихъ раскаеваемся. Отъ чего же раскаеваемся?—Не отъ того, что послѣдовали худому, потому что оно намъ показалось добромъ; но что свободу свою неправильно употребили, то есть: что поспѣшили, не внимательно разсмотрѣли предметъ насъ ослѣпившій, что смотрѣли на него съ одной только стороны, и, не совѣтуясь съ умомъ, не вникнувъ должнымъ образомъ въ слѣдствія, скоро послѣдовали первому впечатленію.—Вотъ наша разумная природа!

Превосходство разума и существъ разумныхъ.

Остановимся здѣсь на минуту, и къ славѣ Творца нашего, еще разъ бросимъ взглядъ на превосходство нашего разума. Ахъ! что можетъ быть важнѣе его и величественнѣе! Онъ есть самое благороднѣйшее, самое превосходнѣйшее твореніе, какое только могъ произвесть Богъ Всемогущій, Премудрый,

Преблагій. Разумное существо имѣетъ яснѣйшее свѣденіе о самомъ себѣ; оно посредствомъ чувственныхъ органовъ наслаждается всею природою; оно можетъ приводить себѣ на память все, что когда либо чувствовало, видѣло и слышало; оно дѣлаетъ вещественнымъ, что было только возможно; оно мысленно само творитъ новые міры; прошедшее и будущее соединяетъ въ одну точку зрѣнія; отъ настоящаго перелетаетъ въ будущность; своимъ воображеніемъ переносится въ самую вѣчность; до безконечности разширяетъ границы своихъ собственныхъ способностей; острыми мыслями своими проникаетъ въ самыя сокровеннѣйшія таинства Природы, разрѣшаетъ ее на свои первыя начала; солнечной лучь развиваетъ, какъ нить; взвѣшиваетъ воздухъ и планеты; бывъ заключена въ тяжкомъ шѣлѣ, мысленно возносится превыше небесъ; изъ немногихъ частныхъ наблюденій изъясняетъ всеобщіе законы природы; изъ немногихъ линій опредѣляетъ разстояніе самыхъ отдаленнѣйшихъ небесныхъ шѣлъ; вычисляетъ положенія ихъ другъ къ другу отъ края міра до другаго; спутниковъ Юпитеровыхъ дѣлаетъ проводниками въ путешествіи своемъ здѣсь на землѣ. — Духъ Лейбница, Невтона! — Великій Боже! сотворитъ безконечные Міры

есть дѣло Твоего всемогущества: но сотворить натуру ограниченную, съ способностями неограниченными; натуру, которая сама въ себѣ есть безконечна,—что величественнѣе сего? Здѣсь есть больше, нежели цѣлый міръ; здѣсь есть сродство съ самимъ Божествомъ. — Существо само себя ко всему вдругъ опредѣляющее; которое всѣ свои силы, всѣ способности имѣетъ въ полной своей власти; которое въ нуждѣ созываетъ ихъ, могущія ему мѣшать, въ покоѣ оставляетъ; которое каждую изъ нихъ по своему разсмотрѣнію ограничиваетъ и распространяетъ. Существо, которое само себѣ щастіе творитъ, само себя движетъ, само себя покоитъ, все изпытываетъ; по собственному выбору само себя опредѣляетъ къ тому, что чувствуетъ лучшимъ; само себѣ совѣтуетъ, само себѣ повелѣваетъ, охотно себѣ повинуется, и послѣ каждаго новаго представленія сохраняетъ свою полную свободу. Что міры, что вся тѣлесная природа предъ природою такого духа? Она можетъ имѣть безчисленныя степени; но вообще выше ея никакой представить не возможно. „Что Божественнѣе разума на небеси и на землѣ!„ говоритъ Цицеронъ.

Превосходство разумныхъ существъ доказываетъ, что Богъ взираетъ на поведеніе ихъ.

Послѣ сего, можетъ ли Творецъ природы сей оставить безъ вниманія поведеніе разумныхъ существъ? Онъ есть Богъ порядка. Сей порядокъ есть великій законъ неба, великій законъ земли; онъ господствуетъ надъ природою безчувственною, господствуетъ надъ животными. Если бы мнѣ при семъ точно не показано было добро и зло, котораго желать и котораго удаляшься; я, при всемъ величественномъ устроеніи моей природы, никогда не былъ бы обезпеченъ въ своемъ совершенствѣ.

Послѣдствія дѣйствій человѣческихъ показываютъ, что онѣ должны имѣть правила.

Сверхъ того я посредствомъ сихъ способностей со всѣмъ міромъ нахожусь въ такой связи, что весьма много могу содѣйствовать къ сохраненію и возвышенію всеобщаго порядка и совершенства. Я богомъ быть здѣсь могу. Но никакое твореніе не можетъ надѣлать здѣсь столько и безпорядка, какъ я. Совокупная ярость всѣхъ кровожадныхъ звѣрей, смѣщеніе всѣхъ стихій, не столько сильны потрясти и разрушить Свѣтъ, сколько человѣкъ беззаконный.

Человѣку нужны правила къ достиженію совершенства.

Есть вещи, которыми я обманутъ быть не могу. Въ разсужденіи физическаго свойства моего, чувство удовольствія или неудовольствія ясно показываетъ мнѣ, что я долженъ дѣлать. Въ умозрительныхъ истинахъ разсудокъ мой также имѣетъ разныя общія начала, на которыя соглашаются всѣ люди, какъ скоро только они говорить умѣютъ. Сколь несовершеннымъ оставилъ бы Богъ Свое дѣло, если бы сотворилъ насъ безъ надежнѣйшихъ правилъ къ познанію истиннаго нашего совершенства.

Мы естественно любимъ добродѣтель и ненавидимъ порокъ.

Съ первымъ взглядомъ мы замѣчаемъ въ себѣ внутреннее чувство, которое внушаетъ намъ наклонность и любовь ко всему, что понимаемъ подъ именами *справедливости, честности, невинности, благодѣтельности и великодушія*; но которое напротивъ возбуждаетъ въ насъ непреодолимое отвращеніе и омерзеніе ко всему, что имѣетъ видъ *обмана, лжи, злобы* и *жестокости*. Чувство сіе однакожъ не имѣетъ ничего общаго съ удовольствіями плотскими. Ибо что значатъ всѣ таковыя удоволь-

ствія противъ одной, напримѣръ, той радости, когда мы нещастному помогли?

Порокъ производитъ угрызеніе, а добродѣтель удовольствіе.

Плотскими удовольствіями я никогда не могу насладиться вполнѣ; я только хочу вкусить ихъ, а онѣ отъ меня уже удаляются; хочу ими насытиться, но онѣ вкуса не имѣютъ; среди самаго наслажденія я ничего не нахожу, что меня дѣлало бы довольнымъ самимъ собою, отъ чего я чувствовалъ бы себя благороднѣе, величественнѣе. Кромѣ сего, еще чувствую при этомъ несносное безпокойство, ненавижу себя, гнушаюсь собою какъ скотомъ, и весь шумъ чувственныхъ увеселеній не можетъ заглушить во мнѣ мучительныхъ внутреннихъ упрековъ, что я поступилъ безсовѣстно, несправедливо, безчеловѣчно. Но какъ я доволенъ напротивъ того бываю самимъ собою, когда совѣсть моя мнѣ говоритъ, что я не удалился отъ справедливости, что дѣйствовалъ какъ другъ человѣчества! Иногда одно безкорыстное, благородное дѣйствіе услаждаетъ всѣ дни моей жизни; я всегда воспоминаю о немъ съ новыми удовольствіями; и въ старости, даже въ послѣдній смертный часъ,—тогда какъ почувствую отвращеніе ко всему мірскому,—я увѣренъ,

что и тогда мнѣ вспомнить о немъ будетъ весьма сладко. Правда, таковыя дѣйствія требуютъ отъ меня нѣкоторыхъ усилій; но чѣмъ больше я для нихъ жертвую, тѣмъ совершеннѣе чувствую себя; даже при потери всего міра я почелъ бы себя самымъ щастливымъ человѣкомъ, если бы могъ быть благодѣтельнымъ столь часто, какъ желаю.

Удовольствія, доставляемыя добродѣтелью, не зависятъ отъ корысти.

Чувство сіе отнюдь не зависитъ и отъ *корысти* моей. Оно во мнѣ есть безъ сомнѣнія коренное начало, внушающее мнѣ вообще любовь къ добру, и посредствомъ котораго я очень ясно различаю справедливость, доброхотство и великодушіе отъ своекорыстныхъ страстей. Когдажъ еще присоединяется къ тому и моя польза, тогда во мнѣ наклонность къ добродѣтели бываетъ тѣмъ сильнѣе; я гораздо живѣе хвалю великодушіе, въ такой степени мнѣ оказанное: однакожъ главная причина моего уваженія отъ частныхъ моихъ выгодъ весьма отлична. Я къ незнакомцу и постороннему чувствую полное уваженіе и любовь, какъ скоро слышу, что онъ есть другъ человѣчества. Хотя бы онъ былъ и непріятель мой, я на это не смотрю, а тѣмъ болѣе предъ нимъ тогда смиряюсь. Порокъ

напротивъ, несправедливость, безчувственность,—отвратительны для меня, хотя бы они были въ самыхъ блестящихъ видахъ. Хотя бы я и ничего не могъ страшиться; однакожъ при всѣхъ благахъ міра, при всѣхъ ласкательныхъ его хвалахъ, гнушался бы самимъ собою, когда бы совѣсть моя мнѣ упрекала, что они суть плодъ измѣны, или скрытнаго обмана и хищенія.

Сіи начала добродѣтели не происходятъ ни отъ воспитанія, ни отъ законовъ гражданскихъ.

Гораздо сильнѣе, глубже вкоренено такое чувство въ сердцѣ нашемъ, нежели чтобъ оно могло быть только плодъ *воспитанія* или *законовъ*. Справедливо, что посредствомъ воспитанія можно усилить, или ослабить чувство къ худому и доброму; даже можно посредствомъ его возбудить такія чувства, которыя не основываются на природѣ нашей, какъ-то: мрачныя впечатлѣнія ужаса и суевѣрія. Но сіе чувство непосредственно происходитъ изъ первоначальнаго образованія души, изъ яснѣйшаго созерцанія ума нашего. Чѣмъ яснѣе познаемъ мы отношенія различныхъ вещей; тѣмъ сильнѣе бываетъ въ насъ и чувство сіе. Впечатлѣнія воспитанія и законовъ столь глубоко не вкореняются. Сверьхъ того воспитаніе и законы не вездѣ одинаковы; но чув-

ство, о которомъ говоримъ, одинаково у всѣхъ; слѣдственно оно основывается на природѣ человѣческой. Возмите самаго грубѣйшаго дикаря, какой только есть на землѣ, вы увидите, что онъ также знаетъ различіе добра отъ зла. Хотя климаты и разные образы правленія произвели величайшее различіе въ нравахъ народовъ; но сіи начала въ существѣ своемъ нисколько не измѣнились, кромѣ не многихъ случаевъ, гдѣ спекались двѣ противуположныя должности. Нѣтъ; никакой народъ въ Свѣтѣ, при одинакихъ обстоятельствахъ, однѣхъ и тѣхъ же дѣйствій не почитаетъ справедливыми и несправедливыми, благородными и низкими.

Не многіе примѣры, которые Локкъ противополагаетъ сей повсемстенности, не доказываютъ ничего. У Лакедемонянъ могло быть закономъ позволено воровство, потому что другой законъ запрещалъ имѣть всякую собственность. Между дикими народами, безсильные, больные и престарѣлые родители, умерщвляются голодною, или другою какою—либо смертію; сынъ убиваетъ дряхлую мать: чему это вы припишите?—Грубому чувству ихъ нѣжности; они думаютъ скорою смертію прекратить страданіе своихъ любезныхъ. У Римлянъ въ первыя времена позволено было бросать

дѣтей, не обѣщавшихъ, что могутъ сами себя пропитать. Народъ сей находился тогда въ непрестанныхъ войнахъ; жестокіе нравы его кроткою Вѣрою смягчены не были; онъ не имѣлъ никакихъ учрежденій, для сохраненія жизни и воспитанія дѣтей оставленныхъ. И такъ казалось имъ лучше, или по крайней мѣрѣ не столь жестоко, прекратить жизнь сихъ нещастныхъ твореній, прежде нежели они ея почувствуютъ, чемъ подвергать ихъ всѣмъ бѣдствіямъ нещастнѣйшей жизни. Сіи обыкновенія суть погрѣшность времени, и отнюдь не дѣлаютъ изключенія изъ сего правила.

Самой злодѣй чувства сего истребить въ себѣ вовсе не можетъ. Страсть заглушаетъ въ немъ иногда сей Божественный гласъ; но послѣ самъ онъ своимъ дѣйствіемъ гнушается, мучится; онъ внутренно всегда больше любитъ добродѣтель, и всегда лучше желалъ бы достигать своей цѣли безпорочно. Если бы чувствованія сіи не имѣли другаго основанія, кромѣ гражданскихъ постановленій; то, по словамъ Цицерона, почли бы добрыми дѣлами прелюбодѣяніе и варварство, когда бы только какой-нибудь ширанъ ушвердилъ ихъ закономъ. Въ такомъ случаѣ я все позволилъ бы себѣ, что только не противно законамъ гражданскимъ; ширанъ, не имѣющій надъ

собою никакихъ законовъ, искалъ бы погубить меня, я тайно его, а всѣ другъ друга. Такимъ образомъ коварство содѣлалось бы единственною добродѣтелью, глупость единственнымъ порокомъ: ужаснѣйшее ученіе!..Если бы оно когда - либо появилось въ свѣтъ, тогда весь человѣческій родъ долженъ бы былъ противъ него вооружиться и истребить. Мы всегда окружены людьми, которые насъ сильнѣе, которые могутъ намъ вредить тысячью различныхъ способовъ; но какое спокойствіе для насъ, что всѣ сіи люди имѣютъ въ сердцѣ чувство—жить съ нами въ любви; что чувство такое и тирану напоминаетъ о правахъ человѣчества, не попускаетъ и ему совершить своихъ жестокихъ намѣреній безъ угрызенія! Безъ сего, мы другъ отъ друга прокрадывались бы такъ, какъ прокрадывается тигръ отъ льва въ Африканскихъ степяхъ, когда несетъ свою добычу; никто не былъ бы безопасенъ ни въ своей жизни, ни въ собственности, ни въ чести.

Источникъ законовъ гражданскихъ и начало ихъ.

Конечно, польза учреждаетъ законы, польза даетъ цѣну и справедливости, такъ какъ она даетъ и истинѣ. Также обязан-

ность зависитъ собственно вопервыхъ отъ закона, или какой-нибудь вышшей власти; по поводу сему говорится, что страхъ производитъ законы; поелику наказанія, которыхъ мы боимся, усиливаютъ нравственныя побужденія наши, и по крайней мѣрѣ побуждаютъ насъ къ тишинѣ и лучшему размышленію о предметѣ. Но если бы слѣдовало изъ сего, что вся нравственность зависитъ отъ учрежденій законныхъ, то можно было бы и каждую истину утвердить закономъ; послѣ сего и въ натурѣ вещей не было бы вообще никакого различнаго отношенія; закономъ можно было бы постановить, что конечное съ безконечнымъ находится въ обратномъ содержаніи, что Творецъ не есть величественнѣе творенія, и что человѣкъ съ другимъ одинакихъ съ нимъ чувствованій человѣкомъ не долженъ поступать такъ, какъ ему хочется, чтобы съ нимъ поступали.

Нравственность дѣйствій не зависитъ отъ воли Божіей, но отъ натуры вещей и ихъ отношенія.

Не такъ же льзя сказать, чтобы сіе моральное чувство зависѣло собственно отъ воли Божіей; что Онъ, естьли бы захотѣлъ, могъ бы намъ внушить такое же

чувство къ пороку, какое теперь мы имѣемъ къ добродѣтели.—Воля сія только осуществила тѣ различныя природы, отъ которыхъ чувство сіе зависитъ. Богъ по Всемогуществу своему могъ бы произвесть совсѣмъ другой міръ, въ которомъ не было бы между людьми такихъ отношеній, не было бы такихъ обществъ, такихъ взаимныхъ потребностей; въ которомъ сама природа удовлетворяла бы всякимъ зашейливымъ нашимъ желаніямъ: или міръ, подобный благоустроенному семейству, въ которомъ царствуетъ согласіе и дружба, котораго всѣ члены стараются оказать другъ другу взаимныя услуги, и гдѣ слѣдственно не было бы нужды ни въ собственности, ни въ договорахъ; — все дѣлалось бы по одной общей добротѣ. Но всѣ міры, нынѣ существующіе, необходимо отъ вѣчности въ разумѣ Божіемъ представлялись такъ, какъ они теперь суть; коль же скоро Творецъ далъ имъ бытіе, то и отношенія, — непремѣнныя слѣдствія натуры ихъ, — необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ произошли. Иначе слѣдовало бы, что Богъ могъ сотворить міръ, въ которомъ *часть* была бы болѣе *цѣлаго*, *сынъ* не зависѣлъ бы отъ *отца*, *твореніе* отъ *Творца* своего. По сей же причинѣ въ разумѣ Божіемъ отъ вѣчности не было бы ничего истин-

нато, ничего добраго; въ сей высочайшей Натурѣ не было бы и справедливости, любви къ совершенству и добру; по этому мы не могли бы себѣ и Бога представить.

Нравственность дѣйствій не зависитъ отъ слѣдствій ихъ, добрыхъ или худыхъ.

По сей же причинѣ сіе внутреннее отношеніе предшествуетъ добрымъ или худымъ слѣдствіямъ дѣйствій. Конечно не возможно, чтобы связь между существами, получившими бытіе отъ премудраго и благаго Существа, въ цѣломъ была безъ добрыхъ слѣдствій; сія мысль столькожъ была бы нелѣпа, какъ и та, еслибъ кому вообразилось, что познаніе связи вещей можетъ ввести насъ въ заблужденіе. Всеобщая польза справедливости, добросердечія, человѣколюбія, всегда мнѣ представляется наровнѣ съ ихъ благородствомъ. Добродѣтель безъ пользы не важнѣе была бы для меня, какъ и холодная истина; я имѣлъ бы къ ней обязанность; но она не больше возбуждала бы во мнѣ чувствованія, какъ и то представленіе, что три меньше пяти. Пылкое, дружелюбное къ ней чувство происходитъ въ насъ отъ ея благодѣтельности; и чѣмъ она больше имѣетъ влія-

нія на щастіе человѣчества; шѣмъ выше мы ее цѣнимъ, шѣмъ сильнѣе она насъ къ себѣ привязываетъ. Но если бы мы поставили единственными побужденіями къ справедливости и добродѣтели добрыя и худыя ихъ слѣдствія, изключивъ все натуральное отношеніе, или внутреннюю нравственность: тогда человѣчество опять было бы въ большой опасности. Самолюбіе наше очень часто смѣшивало бы нашу личную, настоящую пользу, — цѣль всѣхъ вообще нашихъ страстей, — съ благомъ всеобщимъ. Благо человѣчества оставалось бы тогда каждому на произволъ; оно всегда находилось бы въ опасности, — быть поглощеннымъ частными выгодами государства, а сіи отъ корыстолюбивыхъ его чиновниковъ; тогда личный нашъ интересъ и настоящее удовольствіе были бы единственымъ правиломъ нашей нравственности. Крашко, тогда уловчивой и расчотливой обманъ содѣлался бы величайшею добродѣтелью; а великодушіе и человѣколюбіе, безъ вѣрной прибыли, считались бы за смѣшное, нравственное рыцарство.

Трудно иногда познать отношеніе вещей.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ сшекаются двѣ противоположныя должности, тру-

дно бываетъ вдругъ познать сіе различное отношеніе между вещьми: однакожъ различіе сіе существуетъ; нерѣшимостью нашею въ выборѣ одной изъ двухъ должностей оно столь же мало уничтожается, сколь мало уничтожается различіе между цвѣтами, бѣлымъ и чернымъ, когда непримѣтно смѣшиваютъ тѣнь со свѣтомъ. Притомъ и случаи такіе бываютъ очень рѣдки; а еще были бы рѣже, если бы самолюбіе наше дозволяло намъ всегда разсматривать истину такъ ясно, какъ только можно ея разсмотрѣть съ чистымъ разсудкомъ. Также, что многіе люди поступаютъ противъ сихъ чувствованій, или что законодатели издали законы, противные симъ истинамъ, — это доказываетъ только то, что страсти сильны подавить на нѣкоторое время даже самыя яснѣйшія понятія разсудка. Лейбницъ говоритъ: „если бы Геометрія столькожъ противна была страстямъ нашимъ, сколько нравственность: тогда мы и отъ Евклидовыхъ демонстрацій такъ же стали бы увертываться, какъ увертываемся теперь отъ главныхъ началъ нравственности.“

Нравственность дѣйствій зависитъ отъ врожденнаго чувства и отъ натуры вещей.

И такъ неоспоримо, что ни воспита-

ніе, ни законы, ни выгоды наши—не льзя считать кореннымъ основаніемъ нашей нравственности; она непосредственно находится въ устроеніи разумной нашей природы. Но какъ раждается въ насъ сіе чувство добродѣтели? Собственно ли изъ отношенія вещей, одобряемаго умомъ нашимъ; или отъ внутренняго чувства красоты добродѣтели и врожденной склонности *доброхотства?*—Философы донынѣ еще въ этомъ несогласны. Да и изслѣдывать сіе вовсе было бы ненужно; добродѣтель всегда осталась бы безопасна, когда бы всѣ люди раждались съ такимъ сильнымъ разсудкомъ какъ *Кларкъ*; или съ толь нѣжными чувствованіями, какъ *Гутжезонъ*; или одушевлялись бы столь пламеннымъ желаніемъ, дѣлать добро человѣчеству, какъ *Юлій*. Но сіи великіе мужи выходятъ изъ круга обыкновенныхъ людей, и правиломъ для нихъ служить не могутъ. Для такой души, какова *Кларка*, довольно познать свое натуральное отношеніе къ человѣку, дабы съ жаромъ устремиться къ добродѣтели. Для ней истина прекраснѣе всего; она почла бы себя униженною, когда бы слѣпое, непреодолимое чувство необходимо влекло ея къ добродѣтели. Такъ же люди, подобные *Гутжезону* и *Юлію*, дѣлая другимъ добро по одному внутренному побужденію,

почли бы себя вовсе нечувствительными, когда бы одно только отношеніе вещей обязывало ихъ любить и исполнять добродѣтель.

Нравственность дѣйствій основывается на врожденномъ чувствѣ и разумѣніи совокупно.

Но умъ посредственный гораздо простѣе и вѣрнѣе будетъ судить о природѣ человѣческой. Она не состоитъ ни изъ одного только разума, ни изъ одного чувства, или инстинкта; въ ней соединено то и другое. А посему ни истина одна, ни красота и благодѣтельность добродѣтели, каждая врозь, не дѣлаютъ ее для насъ привлекательною. Подобно солнцу, она въ одно и тоже время и свѣтитъ, и плѣняетъ, и согрѣваетъ. Она ясна и истинна; ибо согласна съ природою человѣка. Она прекрасна и плѣнительна; ибо все прекрасно, что находится въ порядкѣ. Она согрѣваетъ; ибо имѣетъ цѣль наилучшую — благо-человѣчества. Если принять за основаніе сихъ чувствованій одно отношеніе вещей, безъ всякаго сильнѣйшаго побужденія; то не возможно будетъ изъяснить причину того жара, которымъ отличается чувство добродѣтели отъ чувства прочихъ истинъ.

Если же напротивъ оставишь ихъ одному врожденному инстинкту; въ такомъ случаѣ добродѣтель у людей нечувствительныхъ содѣлалась бы слишкомъ скудною и незначущею. Какимъ образомъ возбудили бы вы тогда чувство человѣколюбія въ тѣхъ, которыхъ сердце никогда нечувствовало ни къ кому ни сострадания, ни дружбы; или въ которыхъ распутство, скупость, гордость-погасили всѣ человѣческія чувствованія; которые въ цѣлой природѣ видятъ лишь себя однихъ; которые на друга человѣчества смотрятъ неиначе, какъ на энтузіаста? Какимъ образомъ, говорю, возбудите въ таковыхъ человѣколюбивыя чувствованія? Какимъ образомъ заставите ихъ почувствовать свое человѣчество, если не пронетъ ихъ живѣйшее представленіе сходства чувствъ ихъ съ чувствами своего ближняго?

Да и для чегожъ намъ совсѣмъ исключать разсудокъ и натуральное отношеніе вещей отъ красоты и благодѣтельности добродѣтели? Разсудокъ есть самая высшая и благороднѣйшая сила разумной природы нашей, по которой мы собственно человѣки. Почему же предметомъ его должны быть только однѣ умозрительныя истины; а важнѣйшія нравственныя, на

тѣсно соединено съ должностью моею, непосредственно изъ того проистекающею, и онѣ вмѣстѣ иногда столь сильно на меня дѣйствуютъ, что я прежде устремляюсь исполнить должность, не разсмотрѣвъ побуждающихъ къ тому причинъ. Но положимъ, если бы я могъ упрекнуть себя, что въ должности сей былъ лѣнивъ предъ ближнимъ моимъ; тогда разсудокъ мой, основываясь на семъ началѣ, представилъ бы мнѣ, что нещастной, противъ котораго я былъ столько нечувствителенъ, такой же человѣкъ, какъ и я, и что онъ одинакихъ чувствованій со мною. Этого вовсе не было бы, когдабъ познаніе натуральнаго отношенія вещей не было собственнымъ основаніемъ чувства сего. Это познаніе есть также и единственное средство, удержать въ прямомъ направленіи наше *доброхотство*. Ибо сколь ни благородно чувство сіе само въ себѣ, но безъ сего руководства всегда можетъ принять что-нибудь несправедливое отъ чувственныхъ наклонностей; или не распознать различныхъ степеней, каковыхъ требуетъ разность предметовъ и отношенія. Оно можетъ сдѣлаться пылкимъ тамъ, гдѣ должно быть умѣренно; и слабымъ тамъ, гдѣ должно дѣйствовать съ живостію. Но коль скоро всегда управляетъ имъ сіе познаніе отношеній, оно не можетъ

подвергаться такимъ крайностямъ; тогда оно будетъ добродѣтель истинная, освѣщенная разсудкомъ, управляемая мудростью.

Чувство сожалѣнія не можетъ быть единственнымъ основаніемъ нравственности.

Г. Юмъ столь предубѣжденъ о семъ врожденномъ побужденіи доброхотства, что отношеніе вещей отвергаетъ съ негодованіемъ. Онъ удивляется, какъ Монтескю, мужъ великаго Генія, могъ принять столь отвлеченную теорію, которая, по мнѣнію его, вовсе несогласна съ здравою философіею. Отецъ Малебраншъ первой изъ новѣйшихъ принялъ начало сіе, а за нимъ Кларкъ и другіе. — Но Платонъ и Цицеронъ не тоже ли говорили, гораздо еще прежде ихъ?

Но и размышленіе не можетъ быть единственнымъ основаніемъ нравственности.

Впрочемъ мы слишкомъ ослабили бы чувство сіе, почитая его только дѣйствіемъ размышленія. Оно гораздо сильнѣе, горячѣе, проницательнѣе, нежели холодное одобреніе. Я чувствую совсѣмъ другія движенія; чувствую радость, иногда восходящую до изступленія; раскаяніе, стыдъ —

до отчаянія. Неспорно, что весь свѣтъ происходитъ отъ разсудка; но дѣйствіе отъ сильнѣйшаго побужденія — отъ *инстинкта*, если можно такъ его назвать. Но *онъ отъ инстинкта скотскаго тѣмъ отличенъ, что* управляется разсужденіемъ; чрезъ то мы остаемся всегда существами свободными, способными всегда приходить въ большее совершенство; остаемся властелинами своего щастія, сами избирающіе средства къ его достиженію. Сей инстинктъ самъ по себѣ слѣпъ, и вообще побуждаетъ насъ только то любить, что дѣлаетъ насъ совершенными, а того отвращаться, что вредить можетъ; выборъ же самаго добра остается дѣломъ разсудка, — сего отличительнаго нашего совершенства. Только Творецъ устроилъ этотъ инстинктъ непреодолимымъ, такъ какъ и во всей Природѣ; онъ такъ глубоко вкоренень въ нашей природѣ, что иногда сильнѣе еще бываетъ любви къ самой жизни. И отсюда-то происходитъ первой законъ нашей природы, законъ обязательнѣйшій, непреодолимѣйшій: — *любить все то, что разсудокъ намъ представляетъ добромъ; ненавидѣть, что представляетъ вреднымъ.* И по мѣрѣ, сколь великимъ представляемъ мы себѣ наше щастіе или нещастіе; по мѣрѣ сего бываетъ у насъ радость, или неудовольствіе и раскаяніе.

Почему трогаютъ насъ особенно извѣстныя добродѣтели и извѣстные пороки.

Вотъ вообще основаніе нашей горячайшей любви ко всякой добродѣтели, и отвращенія отъ всякаго порока; а вмѣстѣ основаніе и особеннаго различія чувствованій, — почему мы при справедливости и вѣрности бываемъ холоднѣе, нежели при человѣколюбіи и великодушіи; почему человѣколюбіе и великодушіе для насъ привлекательнѣе и благороднѣе; почему несправедливость, невѣрность чернѣе, гнуснѣе, нежели одна только нечувствительность и своекорыстіе; почему прошивъ разбойника, убійцы, измѣнника вся натура наша волнуется; почему мы на корыстолюбца смотримъ съ презрѣніемъ, на справедливаго съ равнодушіемъ, а на друга человѣчества съ восхищеніемъ. Основаніе здѣсь тоже, какое Творецъ и въ чувственной природѣ нашей устроилъ; то есть, что мы неудовольствіе всегда чувствуемъ живѣе, нежели удовольствіе; поелику побужденіе — убѣгать вреднаго себѣ, необходимо должно быть сильнѣе. Радость безмѣрно больше для насъ имѣетъ прелестей, нежели спокойное только состояніе, въ которомъ мы никакой непріятности не чувствуемъ; а при болѣзни страждетъ непо-

средственно вся наша природа; между тѣмъ какъ безъ радости мы чувствуемъ только, что мы меньше совершенны. Сужденіе разсудка, хотя мы и не всегда ясно его ощущаемъ, всегда нераздѣльно съ этимъ; онъ испытываетъ, разсуждаетъ, сравниваетъ, всегда представляя намъ мѣрою отношеніе вещей, и побуждаясь къ тому нашимъ *самолюбіемъ*, симъ главнѣйшимъ инстинктомъ чувственной нашей натуры.

Наше самолюбіе и любовь къ ближнему должны быть управляемы разсудкомъ, для произведенія добродѣтели.

Однакожъ сей инстинктъ самолюбія отнюдь не внушаетъ намъ жить только самимъ для себя, въ одиночествѣ. Ибо, если мы назначены къ большему совершенству, нежели сколько могли бы сдѣлаться сами по себѣ чрезъ натуру совершеннѣйшую; то съ такимъ побужденіемъ мы той цѣли не достигли бы, если бы Творецъ не соединилъ съ нимъ другаго столь же сильнаго, но дружественнѣйшаго побужденія. Такое побужденіе есть: *любить себѣ подобнаго*, или *къ общежитію*.

Нѣкоторые Философы силились произвесть и сіе побужденіе изъ перваго; говорили, что оно есть дѣйствіе расчетливаго

го самолюбія, или тайнаго чувствованія натуральной нашей слабости. Но оно въ самомъ дѣлѣ независимо. Самолюбіе всегда въ немъ участвуетъ; и Творецъ, кажется, посредствомъ слабости нашей природы, хотѣлъ только сдѣлать насъ гораздо внимательнѣйшими къ сему побужденію, для большаго обезпеченія общаго нашего блага. Ибо если самолюбіе само по себѣ не терпитъ никакихъ границъ; то такое необщительное и неограниченное побужденіе, безъ сего чувствованія слабости, только разрушало бы все намѣреніе нашей природы, и всякую дружелюбную помощь дѣлало бы невозможною.

Любовь къ подобнымъ намъ есть въ насъ врожденна; она есть источникъ сожалѣнія.

Но по существу своему сія любовь къ подобнымъ себѣ, кажется, столькожъ независима, какъ и самолюбіе. Подобно сему, она простирается по всей природѣ, и существуетъ даже въ животныхъ. Ибо они, не чувствуя никакой нужды, другъ съ другомъ ходятъ, другъ съ другомъ живутъ, другъ друга защищаютъ. Каждое животное видитъ себя въ другомъ, съ нимъ однородномъ. Тоже самое основаніе и въ насъ. Человѣкъ для насъ есть величайша

красота; а щастливой человѣкъ — самое трогательнѣйшее зрѣлище въ природѣ. Безъ людей самая прелестная страна, самое прекраснѣйшее жилище въ коротkое время сдѣлалось бы намъ тягостно. Въ раю, гдѣ бы всѣ мои желанія выполняли Духи, гдѣ бы я не чувствовалъ никакого недостатка, не зналъ бы никакихъ нуждъ,— тамъ увидѣвъ человѣка, я бы обрадовался безмѣрно и тотчасъ бы съ нимъ подружился. Ибо онъ есть плоть отъ плоти моей. Съ такимъ дружественнымъ чувствованіемъ увидѣлъ первой человѣкъ свою помощницу, не знавъ еще, чѣмъ быть ей для него Творецъ назначилъ. Тайное сочувствіе сказало ему, что это существо, съ которымъ онъ будетъ дѣлить всѣ чувствованія, всѣ движенія его сердца; онъ видѣлъ въ ней себя. Точно такъ мы видимъ себя въ каждомъ человѣкѣ; мы чувствуемъ себя въ немъ, любимъ себя въ немъ, и изъ его лица смѣхъ и слезы заимствуемъ. Что я говорю? Даже на картинѣ видя изображеніе чувствованій человѣческихъ, мы не можемъ удержаться отъ подобныхъ движеній; въ сердцѣ нашемъ попеременно возраждаются чувствованія радости, печали, гнѣва, отчаянія, точно такъ, какъ онѣ перемѣняются на лицѣ актера.

Все, что мы ни видимъ, производитъ

въ душѣ нашей радостное или печальное чувствованіе человѣческаго щастія и нещастія. На примѣръ, я смотрю на великолѣпное зданіе; изящность архитекшуры взоръ мой плѣняетъ, восхищаетъ; но мнѣ говорятъ: здѣсь содержатся нещастные; въ шу минуту сострадательной трепетъ меня отъ него отвлекаетъ. Опять мнѣ говорятъ: внутренность сего дома прекрасна, наполнена богатыми, любопытными рѣдкостями; нѣтъ ни малѣйшаго недостатка въ содержаніи; всѣ изысканы способы къ облегченію страданія нещастныхъ: шутъ, когда я чрезъ тайную симпатію раздѣляю съ ними чувствованія, тотъ домъ опять становится для меня прекрасенъ. Сколь ясно отличается сіе чувство отъ сжатаго чувства самолюбія! Оно съ нимъ всегда вмѣстѣ течетъ, и чрезъ благодѣтельное устроеніе природы нашей всегда способствуетъ нашему благу. Такимъ образомъ оба сіи побужденія всегда дѣйствуютъ дружески вмѣстѣ, но по чувствованіямъ ясно отличаются.

Какимъ образомъ наше самолюбіе и любовь къ ближнему дѣйствуютъ, при руководствѣ разсудка.

Наше самолюбіе имѣетъ въ предметѣ свою выгоду, а любовь къ ближнему одну

услугу другому; но разумъ долженъ ихъ руководствовать и освѣщать, сообразуясь съ отношеніемъ вещей. Для усмотрѣнія сего отношенія, глубокой Метафизики не нужно; съ одного взгляда разсудокъ мнѣ все говоритъ. Въ каждомъ человѣкѣ я чувствую себя, и увѣренъ, что онъ также понимаетъ, также чувствуетъ, какъ я; слѣдственно я только ставлю себя на его мѣсто, и такое отношеніе изъясняетъ мнѣ всѣ должности, ихъ предѣлы и степени. Я чувствую, что для продолженія жизни моей необходимо нужно, чтобъ самопроизвольно никто не могъ лишать меня моей собственности, чтобъ вѣрно выполняемы были всякія обѣщанія, условія, договоры; чувствую, что я ни на минуту не могу быть увѣренъ въ своемъ спокойствіи и щастіи, коль скоро позволительно воровство, обманъ и измѣна; что съ каждымъ днемъ будетъ увеличиваться нещастіе мое, коль скоро таковыя преступленія будутъ оставаться ненаказанными, а я безъ вознагражденія. И такъ здѣсь побужденіе самолюбія оказывается во мнѣ во всей своей силѣ; природа моя чувствуетъ на то свое право; я требую выполненія моихъ договоровъ, какъ должнаго; стараюсь всячески защитить свою собственность; присвоиваю ее себѣ опять, какъ скоро

нахожу; прибѣгаю для пособія къ законамъ; и коль скоро здѣсь ничего не получаю, то почитаю себя въ правѣ — употребить всю силу, какая есть во мнѣ, дабы только получить справедливость. Ближній мой имѣетъ такіяже чувствованія, такое же побужденіе къ сохраненію себя; онъ въ такой же мѣрѣ чувствуетъ оскорбленіе, при нарушеніи блага своего и спокойствія, какъ я; слѣдственно я долженъ и въ немъ такоеже право признать: а если бы я дошелъ до такой несправедливости, что не призналъ бы его чувствованій; то тѣмъ подалъ бы ему самъ право, принудить меня къ тому силою. Здѣсь природа моя сама вѣщаетъ мнѣ первой законъ всякаго человѣческаго общества: *чего я не хочу, чтобъ другой мнѣ дѣлалъ, того и самъ другому дѣлать не долженъ.* Истинный законъ! Ничего не могу представить натуральнѣе его, святѣе, обязательнѣе.

Между тѣмъ я чувствую, что если будутъ сохранять ко мнѣ одну только справедливость, я все оставался бы еще очень нещастливъ; надобно еще, чтобъ выполняемы были въ разсужденіи меня обязанности дружбы и человѣколюбія. Справедливость конечно не допуститъ, чтобъ меня оскорбляли; но не рѣдко, не смотря на такое спокойствіе

положеніе мое бываетъ самое горестное. Сколько облегчаетъ меня иногда одна сострадательная душа, принимая участіе въ печали моей, соединяя свои слезы съ моими слезами? Когда я бываю униженъ непостоянною судьбою, сколь утѣшителенъ для меня тогда одинъ привѣтливый взглядъ, одно ласковое слово! Но когда я щастливъ, то дружеское участіе дѣлаетъ для меня щастіе мое чувствительнѣе; мое благо, мой покой, мое удовольствіе безмѣрно могутъ быть возвышены ласковостію, великодушіемъ, человѣколюбіемъ.

Какъ удовлетворить самолюбію своему, не нарушая любви къ ближнему.

Многаго я при семъ не требую. Я не хочу, что бы ближній мой раздѣлялъ со мною всѣ свои преимущества, что бы для меня оставилъ всѣ свои ближайшія связи, для моей радости жертвовалъ всѣмъ своимъ спокойствіемъ. Желательно мнѣ только, чтобъ онъ вникнулъ, что и я такой же человѣкъ, какъ онъ; чтобъ онъ облегченіе моей печали, умноженіе моего довольства, мою радость сравнилъ съ небольшимъ уроном своего удовольствія, какаго стоила бы ему такая любовь; словомъ: чтобъ онъ со мною такъ обошелся, какъ ожидалъ бы того и отъ

меня во всѣхъ подобныхъ сему случаяхъ. Я вижу, что я по праву сего требовать отъ него не могу, такъ какъ требовалъ отъ него справедливости; я не сталъ бы съ нимъ за то судиться: но тѣмъ больше сталъ бы его презирать, съ тайнымъ омерзеніемъ сталъ бы смотрѣть на него, какъ на безчеловѣчнаго. Напротивъ самою малѣйшею ласковостію онъ дружески меня къ себѣ привязалъ бы: и чѣмъ нѣжнѣе, искреннѣе онъ раздѣлилъ бы со мною мою радость, или печаль; тѣмъ больше бы и я его возлюбилъ, тѣмъ больше сталъ бы его почитать, ему удивляться; тогда я взиралъ бы на него, какъ на Ангела, какъ на Бога. Я забылъ бы тогда себя самаго, забылъ бы щастіе чрезъ него полученное, — и въ восторгѣ мыслилъ бы только о семъ щастливомъ человѣкѣ, имѣющемъ столь благороднѣйшія чувствованія.

Мой ближній, всякой человѣкъ находится со мною въ одинакомъ отношеніи. Всякой такія же имѣетъ чувствованія, всякой хочетъ умножить удовольствіе свое также сильно, какъ я. Отсюда еще вытекаетъ новой для меня законъ: *какъ мнѣ хочется, чтобы со мною обходился другой; также точно долженъ обходиться съ нимъ и я.* Правда, не чувствую я здѣсь строгой обязанности, такъ какъ при первомъ законѣ я ничемъ ближ-

нему моему не долженъ: но я былъ бы недостойнѣйшая тварь, если бы онъ закона сего отговариваться тѣмъ сталъ. Чѣмъ точнѣе напрошивъ я его выполняю, тѣмъ довольнѣе бываю; и чѣмъ больше, чѣмъ продолжительнѣе могу я сдѣлать щастіе другаго, тѣмъ больше бываетъ и мое собственное довольство. Не смотрю я при этомъ ни на благодарность, ни на дружество, ни на другія какія либо-связи. Къ симъ я чувствую дѣйствительную въ себѣ обязанность; я также почелъ бы себя недостойнѣйшимъ человѣкомъ, если бы прошивъ сего былъ нечувствителенъ: а здѣсь я ничего не чувствую, кромѣ одного человѣчества; я смотрю только на великую услугу, на великую нужду, на великое благо, какое могу доставить тѣмъ ближнему моему. И чѣмъ меньше чувствую въ себѣ къ тому обязанности, тѣмъ больше ощущаю въ себѣ благородства, великости; такъ точно, какъ я больше имѣю уваженія и удивленія къ иностранцу, которой оказалъ мнѣ свое великодушіе, нежели къ брашу моему, руку помощи мнѣ подавшему. И сіе чувствованіе границъ почти не имѣетъ; оно можетъ быть столь живо, сильно, дѣятельно, что мы иногда принуждены бываемъ прошивопоставлять всѣ силы разума сему сладкому изступленію,

дабы оно не овладѣло нами совершенно, и мы не пренебрегли бы самыхъ ближайшихъ и важнѣйшихъ своихъ отношеній. Чѣмъ обширнѣе, повсемстненнѣе представляется намъ при семъ благодѣяніе, которое оказать можемъ; тѣмъ сильнѣе бываетъ въ насъ и чувство сіе. Сей-то сильной геройской энтузіазмъ изторгъ Гектора изъ объятій своей Андромахи, отъ нѣжныхъ лобзаній своего Астіанакса; онъ побудилъ Кодра и Леонида, изъ любви къ своему отечеству, пойти на извѣстную смерть; онъ на конецъ воодушевлялъ и васъ, Государь, когда вы, презирая видимыя опасности, совершали великія дѣла для щастія вашихъ подданныхъ!

При справедливости такихъ чувствованій у меня не бываетъ; не бываетъ такаго огня — когда хочу сдѣлать справедливость; не чувствую такой радости — сдѣлавши. Я почитаю ее своею обязанностію; и сію обязанность чувствую въ себѣ въ обращномъ содержаніи къ доброхотству. Ибо справедливость степеней не имѣетъ: никакимъ представленіемъ я не могу ее возвысить; я и меньше быть не могу, какъ только справедливъ; это только одна степень непремѣнная. Потому-то она всегда совершенно меня обязываетъ; — обязываетъ со всѣми свойствами истиннаго

закона; обязываетъ съ угрозами, которыя могутъ довести меня до отчаяіня, по мѣрѣ моей несправедливости, (сія опять степени имѣетъ) большей или меньшей, и по мѣрѣ причиненнаго мною чрезъ нее кому либо вреда. Ибо пока еще я думаю, что моей обиды другой не чувствуетъ, или что я могу ее вознаградить; до тѣхъ поръ остаюсь нѣсколько спокоенъ: но чѣмъ невозвратнѣе почитаю вредъ, чѣмъ больше я обидѣлъ человѣка, нещастнымъ сдѣлалъ; тѣмъ больше и безпокойство мое становится; оно преслѣдуетъ меня всюду. Потому-то я призналъ бы себя предостойнѣйшимъ казни, когда бы сдѣлалъ несправедливость, измѣну цѣлому обществу, моему отечеству. Ибо я знаю, сколь необходима для всего общества справедливость, вѣрность, и что всѣ члены онаго безъ различія имѣютъ право не отложно требовать ихъ отъ меня. Великодушія съ такою строгостію общество отъ меня не требуетъ; ему извѣстно, что оно больше зависитъ отъ врожденныхъ, нѣжныхъ чувствованій, и отъ благородныхъ побужденій, нежели чтобъ можно было его возбудить, или утвердить законами; потому-что оно не имѣетъ для его ни судовъ, ни вознагражденій собственныхъ. Напротивъ того оно увѣрено, что и самое низкое

сердце ощущаешь въ себѣ чувство справедливости, и во всей строгости обязанность ее чувствуешь. Потому-то оно требуетъ ее отъ всѣхъ, и притомъ съ равною строгостію; имѣетъ для нее суды, и для большей ея безопасности не довольствуется одними только вознагражденіями, но присоединяетъ къ тому дѣйствительныя наказанія: темницы, ссылки, даже самую смерть.

Совѣсть происходитъ отъ разумѣнія и инстинкта. Дѣйствія оной.

Вотъ вмѣстѣ основаніе и совѣсти нашей; мѣра ея радости, спокойствія, тоски, отчаянія! Я радуюсь, когда сдѣлалъ дѣло благородное; почитаю себя великимъ, щастливѣйшимъ, нежели когда бы царства имѣлъ подъ собою; и тѣмъ величественнѣе я тогда бываю самъ для себя, чѣмъ больше собою жертвовалъ; подобно воину, которой, возбудясь болью раздробленныхъ членовъ своихъ, взираетъ на нихъ всегда съ новымъ къ себѣ самому уваженіемъ, вспомнивъ, что они раздроблены за его отечество. Да естьли бы я и не былъ столько щастливъ; если бы Провидѣніе и не назначило меня благословеннымъ орудіемъ улучшить свой вѣкъ, возвысить общ

благо моего отечества, благо всего человѣческаго рода: и тогда бы (можно ли человѣческому чувствованію быть столько бѣдну?) мнѣ оставалось, чѣмъ усладить жизнь свою; я бы дружески помогъ тогда такому же безпомощному, каковъ я. О радость мирная, кроткая!!! возможно ли промѣнять тебя на шумное, ослѣпляющее щастіе? ... А если бы я былъ уже столько бѣденъ, что помощи никому подать не могъ; по крайней мѣрѣ я тогда съ спокойствіемъ могу воспоминать о протекшей жизни своей; по крайней мѣрѣ не буду содрогаться слезъ, на меня пролитыхъ; я закрою глаза свои съ спокойною мыслію, что никого не оставлю, кто плакался бы на меня предъ Творцемъ моимъ, и проклиналъ бы мое бытіе въ самомъ прахѣ моемъ. Если же напротивъ сія совѣсть начнетъ мнѣ упрекать, что я съ гордостію, съ нечувствительностію презиралъ радость и щастіе ближняго моего, которое иногда стоило мнѣ очень небольшаго труда, иногда только одного привѣтливаго слова, одного ласковаго взгляда; если начнетъ упрекать, что я чрезъ безчеловѣчныя правила старался сдѣлаться еще жесточе; что для меня несносенъ былъ даже одинъ видъ нещастнаго; или что я дѣйствительно дѣлалъ людей нещас-

шными, принося ихъ въ жертву моимъ порокамъ; а что своимъ коварствомъ, своими обольстительными правилами разстроилъ цѣлыя семейства, цѣлыя области, сего вознаградишь мнѣ уже никакъ невозможно. — Ахъ! куда сокроюсь я тогда отъ угрозъ страшнаго сего судіи?.. Положимъ, что я не буду имѣть при семъ противъ себя свидѣтелей; положимъ, что моя великость сдѣлаетъ меня безопаснымъ отъ всякаго мщенія; положимъ, что я не вѣрю и бытію самаго Бога!!! — Такъ; можетъ быть я не буду чувствовать угрызеній ея, можетъ быть буду еще смѣяться надъ нею—доколѣ въ состояніи буду себя разсѣять и усыпить! Но когда и сіе средство сдѣлается уже недѣйствительно; увы! тогда совѣсть пробудится во мнѣ гораздо съ сильнѣйшими еще ужасами. Тщетно тогда буду я прибѣгать къ прежнимъ разсѣяніямъ; угрозы ея проникнутъ сквозь самые гармоническіе концерты; она съ ужасными своими мечтами будетъ преслѣдовать меня на зрѣлищахъ, на моемъ ложѣ; она возмутитъ все мое воображеніе.

Напрасно я тогда стану прибѣгать и къ системѣ своей. Совѣсть моя возвѣститъ мнѣ того Бога, Котораго я признавать не хотѣлъ; тогда я повсюду усмотрю мстящую мнѣ руку сего Всемогущаго; въ каждомъ облачкѣ буду страшиться грома

Его надъ собою; всѣ твари тогда представятся мнѣ Его мстителями; всѣ нещастныя приключенія — приговоромъ Провидѣнія. Тогда я не въ силахъ буду смотрѣть ни назадъ, ни впередъ: позади встрѣтятся мнѣ страшныя картины моей несправедливости и безчеловѣчія; впереди я буду ожидать новыхъ фурій для себя. Жизнь содѣлается тогда для меня несносна; смерть — ужасна. Все мое раскаяніе при этомъ меня уже не успокоитъ; ибо я не видалъ бы нигдѣ возможности къ удовлетворенію. О! какое было бы для меня благодѣяніе, если бы открылось при семъ средство (разсудокъ мой не находитъ его) мнѣ успокоиться; если бы любовь Божія не предала меня моему отчаянію!..

Вотъ совѣсть! — Она не есть ни одинъ только разумъ, ни одинъ только инстинктъ; но то и другое вмѣстѣ. Она есть дѣйствіе всей разумной нашей природы. Разумъ есть — власть законодательная, инстинктъ — исполнительная.

Заключеніе.

Теперь, кажется мнѣ, достаточно рѣшенъ вопросъ: имѣемъ ли мы *твердое основаніе нашей нравственности?*—Какое доказательство ясиѣе, убѣдительнѣе сего вздумать

можно! — Утверждаютъ ее наши натуральныя чувствованія, вся наша разумная природа, законы всей вселенной; обязываютъ насъ къ ней опять — все строеніе нашей природы, наши натуральныя побужденія, наше собственное благо, устроеніе всего человѣческаго общества. Слѣдственно обязанность здѣсь есть точная, непреложная; ибо здѣсь есть воля Божія; еще болѣе здѣсь есть воля вѣчная, непремѣнный законъ Неба, отъ котораго и самая свобода Божія не удаляется, по которому сіе Высочайшее Существо само есть Существо Премудрое, Преблагое: что больше сего можетъ насъ обязать? Гласъ совѣсти нашей слѣдственно есть гласъ Творца нашей природы; какой же еще гласъ можетъ говорить намъ ясньѣе, сильньѣе, выразительньѣе?

РАЗМЫШЛЕНІЕ. III.

О сущности Религіи.

Что есть Богъ въ отношеніи къ намъ.

Теперь знаемъ мы Бога, знаемъ и себя. Разсмотримъ то отношеніе, какое есть между нами и симъ Существомъ Высочайшимъ.

Онъ есть Господь, Творецъ и Правитель міра; нашъ также Творецъ, нашъ Господь, нашъ Отецъ; Виновникъ нашей природы, Источникъ всякаго блага, какое только имѣемъ и какимъ наслаждаемся; Правитель нашей судьбы, Свидѣтель и Судія нашихъ дѣлъ, Господь нашей вѣчности; Всевысочайшее и совершеннѣйшее Существо, безпредѣльное во всей своей натурѣ, вездѣсущее со всѣми своими совершенствами; неограниченное въ познаніи всего возможнаго добра; непремѣняемое и безпредѣльное въ любви къ добру; вѣчное, несотворенное, высочайшее Добро. — *Вотъ нашъ Богъ!* Душа наша ничего не можетъ представить величественѣе, важнѣе. — Предъ сею мыслію все исчезаетъ; — міры прахомъ становятся.....

Что мы въ отношеніи къ Богу.

А мы кто?—мы предъ Нимъ до безконечности малы; но въ очахъ Его, по нашему назначенію, велики. Мы, по своимъ побужденіямъ и способностямъ, безконечно выше всѣхъ прочихъ, окружающихъ насъ твореній. *Мы Его образъ, разсудкомъ и свободою одаренный;* — разсудкомъ, которымъ познаемъ Его самаго, Его намѣренія, наше назначеніе, средства къ достиженію сего славнаго нашего назначенія; — свободою, посредствомъ которой средства тѣ съ разсужденіемъ избираемъ и употребляемъ, посредствомъ которой можемъ доставлять совершенство себѣ и ближнимъ нашимъ. Намъ для сего отданъ цѣлой Свѣтъ; а для возвышенія въ своемъ совершенствѣ, вѣчность назначена. — Знать Бога и себя яснѣе сего, намъ не нужно!

Мы имѣемъ отношенія къ Богу, ближнему и себѣ самимъ.

Устремимся теперь, всѣми силами души нашей къ разсмотрѣнію того отношенія, какое изъ сего для насъ происходитъ. Это заслуживаетъ все наше вниманіе. Ибо исполненіе того отношенія есть вся цѣль разумной нашей природы, есть

основаніе всѣхъ нашихъ должностей и нашего спокойствія, есть *наша Религія*. — Собственно же мы по теперешней природѣ нашей состоимъ въ троякомъ отношеніи: *во отношеніи къ Высочайшему Существу, какъ Творцу нашей природы; къ нашимъ ближнимъ, и къ нашей собственной разумной природѣ*. Отношенія сіи въ исполненіи суть нераздѣльны, суть одно; и чѣмъ свяшѣе для насъ ихъ связь, тѣмъ совершеннѣе выполняемъ мы цѣль нашей разумной природы; или, что все одно, тѣмъ совершеннѣе наша Религія. Но для ясности разсмотримъ теперь каждое отношеніе порознь.

Мы обязаны предъ Богомъ 1е благоговѣть и Ему покланяться.

Съ перваго взгляда мы видимъ, что предъ Высочайшимъ Существомъ мы обязаны вести себя такъ, какъ требуютъ Его совершенства и та связь, въ каковой находимся съ Нимъ по сотворенію и провидѣнію. Мы называемъ это Бого-поклоненіемъ, Бого-почитаніемъ, Вѣрою, Бого-служеніемъ, любовію; но это только разные способы, которыми мы на самомъ дѣлѣ доказываемъ наши чувствованія сего великаго и щастливаго отношенія.

Живо чувствуя безпредѣльное величество сего Существа, (а можетъ ли въ жизни нашей пройти хотя одна разумная минута, когда бы чувствованіе сіе въ насъ не возбуждалось?) мы не можемъ не исполняться глубочайшаго къ Нему благоговѣнія, не можемъ съ смиреннымъ сердцемъ не повергаться предъ Его Высочайшимъ Величествомъ; разсуждая о Его безконечныхъ совершенствахъ, не можемъ не почесть пріятнѣйшимъ и важнѣйшимъ занятіемъ нашимъ—съ благоговѣніемъ, въ восторгѣ сердца прославлять Его, и для единодушнаго съ нами поклоненія стараться возбуждать и собратій нашихъ.

Мы обязаны 2е воздавать Ему публично Богопочтеніе.

Хотя сіе Высочайшее Существо чрезъ наше Богопочтеніе къ блаженству Своему ничего не присоединяетъ; но отношеніе, въ которомъ мы съ Нимъ находимся, остается при семъ непремѣнно. Ибо твореніе, которое отъ Него Самаго разсудокъ получило, для познанія сихъ совершенствъ; для котораго совершенства сіи каждую минуту суть новыя, непосредственныя благодѣянія;—и которое оставляло бы должность сію по одной лѣности, нечув-

ствительности: такое твореніе было бы скотъ. А разумное твореніе, которое съ низостью ползаетъ предъ подобнымъ себѣ смертнымъ, тиранновъ боготворитъ; но которое при всемъ этомъ постыдилось бы имѣть сіи благоговѣйныя къ Богу чувствованія, заглушало бы ихъ у себя, изъ подлой угодливости другимъ оставалось бы праздным свидѣтелемъ презрѣнія къ сему Высочайшему Существу: такое твореніе было бы чудовище, измѣнникъ своему собственному Творцу.

Наружное Богопоклоненіе и служеніе не довлѣютъ.

Но въ этомъ еще не состоитъ все наше отношеніе къ Богу. Честь, состоящая въ одномъ только бездѣйственномъ удивленіи Его величеству, есть для Него безчестіе. Суетные человѣки почитаютъ для себя довольною почестью пустыя похвалы, низкіе поклоны; самолюбію ихъ это пріятно; гордость ихъ тѣмъ удовлетворяется. Честь такая была бы самая высочайшая и для Эпикурейскаго божества, которое, гордо погрузясь въ собственной своей великости, не удостоиваетъ и узнать — есть ли человѣки на землѣ, или нѣтъ; которое предоставило всеобщимъ

законамъ или слѣпому случаю — существовать ли имъ когда на землѣ, и насѣкомыми ли быть или человѣками. Но познаніе Существа, которое всѣми своими совершенствами дѣйствуетъ для щастія Своихъ твореній, должно произвесть въ насъ совсѣмъ другія чувствованія.

Мы обязаны 3е Бога любить и на Него уповать.

Богъ, Которой избралъ васъ еще въ той вѣчности, когда опредѣлялъ сотворить міръ; Которой избралъ васъ быть первымъ надъ всѣми тварями; Которой далъ вамъ щастливѣйшія способности, проницательной умъ, благородное сердце; Которой, назначая еще привести васъ въ бытіе, избралъ уже для васъ щастливѣйшую связь; Которой позвалъ васъ на театръ міра, какъ все уже для васъ особенно было пріуготовлено; Которой каждой день жизни вашей ознаменовываетъ новыми доказательствами Своего объ васъ попеченія; Которой во время недальновидной юности вашей отечески васъ руководствовалъ; Которой при всѣхъ опасностяхъ, какимъ подвергало васъ такъ часто ваше геройство, столь милостиво вамъ покровительствовалъ; Которой при всей

вашей пылкости юношеской, при всѣхъ сильныхъ прелестяхъ, васъ окружающихъ— хранить ваше сердце, чтобы не угасло въ немъ уваженіе къ истинѣ и добродѣтели, чтобы не уничтожились въ васъ никогда чувствованія къ Его совершенствамъ, къ Его провидѣнію, къ достоинству вашей природы, къ вашему будущему назначенію, чтобы въ сердцѣ вашемъ вѣчно оставались важныя, святыя, Божественныя истины: такаго Бога вы не можете иначе почитать, если при всякихъ случаяхъ любовь Его не будете прославлять изъявленіемъ чувствованій благодарности вашей; такаго Бога не можете вы почитать, если, при всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ, не будете съ благоговѣніемъ испрашивать Его благословеній, и если совершеніе ихъ съ искреннимъ упованіемъ не будете предоставлять мудрому, благодѣтельному Его провидѣнію; такаго Бога не можете вы почитать, если не будете Его любить, если совершенно Ему себя не поручите, и если высочайшее щастіе ваше не будете поставлять въ увѣреніи о Его благодати и въ соединеніи съ Нимъ.

Мы обязаны 4е Богу повиноваться.

Но можно ли, чтобы сіи чувствованія у насъ были истинны и живы, если мы

не одушевлены желаніемъ выполнять Его мудрыхъ намѣреній, Его святой воли? Истинная любовь состоитъ единственно въ сходствѣ чувствованій и понятій; а безъ сего всякая радость о Богѣ, всякое стремленіе — соединиться съ Нимъ, ничто иное есть, какъ слѣпой, опасной фанатизмъ. Всѣ чувствованія совершенствъ Его раждаютъ въ насъ повиновеніе къ Его законамъ, которое единственно клонится къ нашему щастію.

Мы обязаны повиноваться Богу, поелику онъ есть Правитель Премудрый и Преблагій.

Выполненіе воли Его должно бы быть первымъ священнѣйшимъ нашимъ долгомъ и тогда, когда бы между симъ Всевысочайшимъ Существомъ и нами не было никакого другаго отношенія, кромѣ что Онъ по сотворенію есть нашъ верховнѣйшій Господь. Отношеніе сіе такъ же остается вѣчно; все разсужденіе о Его благости ни на минуту не можетъ ослабить въ насъ сего чувствованія нашей зависимости. Но при щастливомъ союзѣ, въ какомъ мы находимся съ Творцемъ нашимъ по Его безконечной премудрости и благости, было бы низко и Его недостойно одно слѣпое

съ нашей стороны повиновеніе, къ которому бы возбуждало насъ единственно познаніе неограниченнаго Его владычества. Недостойно сего Бога; потому что такимъ образомъ мы служили бы Ему и тиранну по одинакимъ побудительнымъ причинамъ. Но низко было бы такъ же и для насъ; ибо такъ мы служили бы Ему только какъ рабы, которыхъ Господь не удостоиваетъ открытія мудрыхъ намѣреній Своихъ повелѣній. Такое повиновеніе не было бы никогда чисто, никогда совершенно; при немъ могла бы еще таиться въ насъ ненависть къ добру; для каждой должности мы ожидали бы особливаго повелѣнія; наши добродѣтели никогда не имѣли бы благодѣтельной гармонической повсемстности; мы притомъ никогда не чувствовали бы въ сердцахъ своихъ спокойствія, исполняющаго насъ радостію. Тогда толпы обманщиковъ, воспользовавшись нашею робостью и страхомъ, спали бы унижать разумную нашу природу, налагая на насъ нечувствительно, подъ именемъ Божескихъ повелѣній, несносные и безполезные законы. Сколь унизительно такое состояніе для людей, сотворенныхъ по образу Божію и по подобію!

Не считайте сего однимъ пустымъ наборомъ словъ. Подобіе сіе есть первѣйшее доказательство всѣхъ преимуществъ

нашей природы, основаніе всего нашего назначенія. Ибо нашъ разумъ есть разумъ Его; наши чувствованія суть непремѣнная воля Его; *наше добро и Его добро* есть *одно*: Его законъ и наша природа суть одно и тоже; законъ, которой вы въ себѣ чувствуете, есть отпечатокъ Его собственныхъ, Всевысочайшихъ совершенствъ.

Повиновеніе, какое обязаны мы воздавать Богу, состоитъ въ подражаніи совершенствамъ Его.

Слѣдственно придать повиновенію нашему истинное достоинство можетъ одно желаніе — быть подобнымъ Богу нашему въ Его совершенствахъ, въ Его любви къ добру. Подобіе сіе имѣетъ есть совершеннѣйшее правило наше, вѣрнѣйшій законъ для насъ. При всякихъ другихъ заповѣдяхъ, кои давали бы намъ подъ именемъ священности и закона Божія, но въ которыхъ сіе подобіе не было бы яснымъ основаніемъ, мы всегда находились бы въ опасности, быть обманущими. Тогда суевѣріе могло бы удобно ввергнуть насъ въ оковы; а вольнодумство напрощивъ и невѣріе разторгало бы всякія для насъ преграды. Первое возлагало бы на насъ, какъ на рабовъ, всякое бремя, подъ которымъ стонала бы

наша разумная природа; второе, подъ предлогомъ защищенія правъ нашей природы, истребило бы въ насъ все чувство добродѣтели, унизило бы до сходства съ скотами.

Всякія другія правила также неопредѣленны. Воспитаніе, обыча, господствующее вѣроисповѣданіе, общественное благосостояніе, политика, — все сіе можетъ мало по малу ослабить и самые священнѣйшіе законы, можетъ дать блестящій видъ самому черному пороку, можетъ къ самымъ безчеловѣчнѣйшимъ несправедливостямъ сдѣлать столь нечувствительными, что наконецъ даже и неогрубѣвшее еще сердце хладнокровно будетъ ихъ производить; нещастный невольникъ по привычкѣ не будетъ ничего чувствовать. Но когда вы имѣете образцомъ для дѣлъ вашихъ Бога самаго; когда ему стараетесь уподобиться: тогда закоренѣлость въ порокахъ имѣть мѣста не можетъ; съ симъ руководителемъ вы будете безопасны отъ всѣхъ соблазновъ рабскаго фанатизма и тиранской политики.

Мы уподобляемся Богу всеобщимъ доброхотствомъ.

Не подумаете ли вы, что сіе уподобле-

ніе еще хорошо не опредѣлено, не объясне-но? — Оно напротивъ такъ ясно, какъ не льзя больше. Всѣ совершенства въ Богѣ соединяются въ непремѣняемой всеобщей любви къ добру. Слѣдственно стóитъ только намъ имѣть такую любовь, стóитъ оказывать ее ближнимъ нашимъ, такъ какъ вся прочая природа столько совершенна, сколько возможно; стóитъ такъ быть благодѣтельными, какъ Богъ, быть мудро-благодѣтельными: и мы тогда будемъ такъ совершенны, какъ Богъ совершенъ. Сія мудрая благодѣтельность есть великой законъ Небесъ, и единственный законъ на землѣ. Одинъ взглядъ на все сотворенное, одно представленіе многообразности, красоты и гармоніи природы, должно насъ въ этомъ увѣрить. Каждой солнечной лучь содержитъ въ себѣ всѣ возможныя красоты цвѣтовъ; лилія пригожимъ убóромъ своимъ помрачаетъ всю пышность, все великолѣпіе Царей; каждое насѣкомое въ своемъ родѣ столько совершенно, сколько возможно по его способностямъ

Но центръ всѣхъ сихъ совершенствъ есть — человѣкъ. Ибо человѣкъ только имѣетъ обширную щастливую способность, ихъ чувствовать, ими къ умноженію щастія своего наслаждаться. Однакоже не одно-стороннее только, чувствен-

ное наслажденіе, вся цѣль сего великаго назначенія. Такимъ образомъ человѣкъ наслаждался бы сими преимуществами только какъ прожорливое, ненасытнѣйшее животное, при разнообразіи своихъ вкусовъ, при множествѣ предмѣтовъ, услаждающихъ его чувства. Нѣтъ! онъ носитъ въ душѣ своей величественный образъ Создателя своего; онъ долженъ быть, какъ Богъ на землѣ. Онъ долженъ обладать всѣмъ для своего щастія, но и все притомъ употреблять для общаго блага своихъ ближнихъ; онъ имѣетъ къ тому возможность, и во всякомъ случаѣ можетъ найти къ тому способы. И такъ вотъ высокое званіе его! Если онъ его исполняетъ, то образъ Творца своего носитъ въ себѣ достойно.

Благожелательство составляетъ сущность Божію, и творитъ ея достопокланяемою.

По сей только всеобщей благодѣтельности и самъ Богъ есть предмѣтъ нашего поклоненія, нашего упованія, нашей любви. Отдѣлите мысленно свойство сіе отъ Его Величества; всѣ наши чувствованія къ Нему тогда останутся мертвы, бездушны. Представте напротивъ себѣ Его духомъ безконечно-мудрымъ и благодѣтельнымъ, и

Религія ваша снова въ васъ оживится во всей своей полнотѣ. Неограниченной умъ, безконечная свобода, безпредѣльная сила — что страшнѣе сего? Я мысленно старался бы удаляться столь ужаснаго могущества. Въ семъ безпредѣльномъ существѣ я благоговѣю только предъ Его благостію. Я не могу благоговѣть ни предъ чѣмъ другимъ. Она единственно всѣмъ вещамъ придаетъ цѣну. Если мы ее усматриваемъ въ существѣ разумномъ, оно тогда привлекаетъ къ себѣ все наше уваженіе и любовь; если находимъ ее въ существѣ бездушномъ, любимъ въ немъ его художника; да и мы кромѣ сего ни къ какому другому совершенству неспособны. Нашъ разсудокъ, наши способности, наше познаніе, всѣ силы наши сами по себѣ никакой цѣны не имѣютъ; онѣ могутъ заслуживать какъ уваженіе, такъ и презрѣніе. Облагородствуетъ ихъ единственно мудрая, разсудительная благодѣтельность. Безъ сей добродѣтели самой святой человѣкъ есть — фанатикъ, философъ — шарлатанъ, превосходный Геній — комедіантъ; безъ ней герой значитъ не больше, какъ только сильный человѣкъ. Но когда сей Герой устремляетъ великую душу свою и мужество для покровительства человѣчеству, для сохраненія свободы, для защищенія

собственности, для возстановленія всеобщей тишины; когда философъ своимъ остроуміемъ и прилѣжаніемъ старается утвердить истину и добродѣтель, озаритъ людей полезнѣйшими науками и художествами, обогатить землю, разпространить всеобщее спокойствіе, нравственность, благосостояніе, дружелюбіе: тогда — и единственно только тогда — достойны они всеобщаго уваженія и любви.

Всеобщее доброхотство составляетъ истинную Религію, и дѣлаетъ ее любви достойною.

Самая Религія и добродѣтель — сіи священныя наши обязанности — священны для насъ единственно по своей благодѣтельности. Ибо Религія, которая не дѣлаетъ насъ въ нашемъ званіи честными, въ нашихъ обязанностяхъ вѣрными, начальству покорными, къ нижшимъ насъ ласковыми, къ нещастнымъ сострадательными, къ оскорбившимъ насъ снисходительными, къ безпомощнымъ соболѣзнующими, ко всѣмъ благодѣтельными; Религія, которая не научаетъ насъ чувствовать каждаго человѣка въ себѣ самихъ, любить Бога нашего посредствомъ любви къ нашему ближнему: такая Религія есть энтузіазмъ — энтузі-

азмъ самой пустой, самой опаснѣйшій, самой страшнѣйшій. Онъ разрушаетъ въ Природѣ премудрыя намѣренія Божія, унижаетъ достоинство человѣка, разрываетъ священнѣйшія узы общежитія, человѣка предъ человѣкомъ дѣлаетъ тигромъ, Алтари — театромъ суетности, или ужаснѣйшимъ мѣстомъ кровопролитія.

Всеобщее доброхотство составляетъ также истинную добродѣтель, и дѣлаетъ ея любви достойною.

Такъ точно и все то, что мы добродѣтелью называемъ. Добродѣтель, не облегчающая бѣдствій человѣческихъ, не утверждающая между людьми безопасности, спокойствія, дружелюбія—есть слово пустое. Благодѣтельность должна быть существеннымъ характеромъ и ея. Безъ ней мудрость есть — лукавство, щедрость — расточительность, великодушіе — мздоимство, ласковость — жеманство.

Настоящее понятіе о справѣдливости.

Безъ ней и справѣдливость не добродѣтель. Въ истинномъ ея значеніи, когда бы страсти наши не дѣлали насъ криводушными; когда бы мы о чувствованіяхъ нашего ближняго съ истиннымъ чувст-

томъ человѣческимъ всегда судили по себѣ; когда бы все то ему оказывали, чѣмъ по нашимъ чувствованіямъ должны ему, какъ человѣку: въ такомъ значеніи она был. бы добродѣтель совершеннѣйшая. Но въ смыслѣ тѣсномъ, какъ мы обыкновенно понимаемъ это слово, разумѣя подъ нимъ только тѣ должности, которыхъ другой можетъ отъ насъ требовать по праву, и которыхъ мы безъ наказанія законнаго оставишь не можемъ — справѣдливость добродѣтелію назвашься не можетъ. Въ обществѣ гражданскомъ мы пробавляться ею должны; но она ни мало тѣмъ не споспѣшествуетъ еще къ умноженію всеобщаго спокойствія и щастія. Ея законы — только для сохраненія наружной тишины, только противъ необузданной дерзости, противъ низкаго, лукаваго корыстолюбія; только противъ злодѣевъ, непосредственно спокойствіе общественное нарушающихъ. Что я, если только сихъ законовъ не нарушаю? — Я не воръ, не убійца, не обманщикъ; но при семъ я еще могу быть самымъ недостойнѣйшимъ человѣкомъ. Это степень человѣчества самая нижшая; ниже ея — я уже меньше, нежели человѣкъ; я извергъ, звѣрь, котораго человѣческое общество для безопасности своей должно запирать, связывать, истреблять. Я толь-

ко не дѣлаю вреда; — какая постыдная для человѣка похвала! Такъ я хвалю собаку, ручнаго волка: не уже ли симъ я долженъ выполнить всѣ то обширное отношеніе, въ какомъ нахожусь съ разумнымъ человѣчествомъ? Не уже ли симъ достигнута и та цѣль безчисленныхъ способностей, которыя далъ мнѣ Богъ для споспѣшествованія благу и щастію моихъ ближнихъ? Нѣтъ! Сіи способности, сія связь, сіе сходство чувствованій, общихъ мнѣ со всѣми, безъ сомнѣнія требуютъ отъ меня больше; — требуютъ, что бы я былъ добръ; и доколѣ я не таковъ, доколѣ не вхожу въ чувствованія ближняго моего, доколѣ не сужу объ нихъ по чувствованіямъ моимъ, до тѣхъ поръ я не человѣкъ. Я не стою быть человѣкомъ, когда чувствую не по человѣчески. Не познавъ конца моей природы, я живу какъ скотъ, только для себя самаго; умираю, не сдѣлавшись достойнымъ въ жизни моей ни малѣйшей благодарности. Ибо за то, что я каждому только свое воздавалъ, ожидать ея безъ стыда могу ли отъ кого? До тѣхъ поръ не могу я также съ радостнымъ чувствованіемъ помыслить и о Творцѣ моемъ. Ибо если я справедливъ въ такомъ тѣсномъ значеніи, — это не изъ любви къ Нему, это изъ своекорыстія, изъ боязни безчестія и *палача*. Я не могу ли

бишь Бога; не любя его твореній, не принимая участія въ общемъ ихъ благѣ и радости. А это зависитъ только отъ всеобщаго доброхотства. Отними его, останется одно своекорыстіе, которое бѣдствіе человѣчества еще болѣе увеличиваетъ, болѣе распространяетъ; съ которымъ сильнѣйшій, наименѣе страшащійся законовъ, стремится обижать слабаго; а слабому для своего сохраненія не остается другаго средства, кромѣ обмана и лукавства.

Доброхотство должно быть управляемо мудростью.

Истинная справедливость въ существѣ своемъ есть благость, и названіе справедливости она принимаетъ только тогда, когда мудрость блюдетъ ея истинное направленіе. Слѣдственно справедливость не будетъ ограничивать благотворности, а только наклонять ее къ лучшей цѣли, къ достойнѣйшимъ предмѣтамъ. Она должна только у натуральной добросердечности отнимать слѣпое своенравіе, неправильную оскорбительную расточительность; (ибо мы можемъ быть благодѣтельны и съ жестокостію;) дабы большая бѣдность, или большая заслуга ближайшее

право на благодѣяніе имѣющія, всегда и получали его преимущественно; дабы полезнѣйшая услуга — всегда имѣла отличительное свое достоинство, добродѣтель — нужное себѣ ободреніе. Вмѣстѣ съ симъ она должна умѣрять еще сію натуральную добросердечность, что бы съ таковою мудростію мы всегда могли быть благодѣтельны, подобно Богу, которой въ природѣ раздѣляетъ дары съ такою справедливостію, какъ они могутъ быть полезны по времени года, по климату, по мѣрѣ чувствованій и способностей твореній; которой, не оставляя безъ корму младаго врана и насѣкомое, лучшія богатства природы блюдетъ для человѣка, потому что онъ имѣетъ способность быть чрезъ то щастливѣйшимъ и для подобныхъ себѣ благодѣтельнѣйшимъ.

О умѣренности наказаній.

Съ сею благостію совмѣстна и наказательная справедливость. Праведная власть съ такимъ же человѣколюбивымъ сердцемъ опредѣляетъ наказаніе преступнику, съ какимъ старается соблюсти благо прочихъ подданныхъ. Наказанія, какъ печальныя средства, она употребляетъ только тогда, когда всеобщій порядокъ и спокойствіе

съ пощадою злодѣя соблюдены быть не могутъ; по сей цѣли она и великость ихъ измѣряетъ съ заботливою осмотрительностію.

О кротости при справедливомъ самозащищеніи.

Сія мудростію управляемая благость опредѣляетъ и самозащищеніе. Самой другъ человѣчества долженъ себя защищать; но онъ не дѣлаетъ сего никогда въ первомъ жару своего оскорбленія, которое самолюбіе всегда увеличиваетъ. Онъ всегда напередъ старается охладить разгоряченную свою страсть, принимаетъ на себя все положеніе мнимаго своего врага, выслушиваетъ безпристрастно спокойныя представленія разсудка, въ защищеніе себя предлагаемыя, взвѣшиваетъ съ тщательною справедливостію полученное оскорбленіе противъ того, какое непріятель можетъ получить отъ защищенія, и радуется, если можетъ его пощадить, или вовсе оправдать; по крайней мѣрѣ онъ всегда терпѣливо перенесетъ малую несправедливость, съ мудростью будетъ защищать свое право, и то тогда только, когда принужденъ къ тому будетъ важностью обиды, для сохраненія собствен-

наго своего благополучія, а не для того, чтобъ вредить другимъ.

О благости на войнѣ.

Воодушевясь сею мудрою и благою справедливостію и Герой извлекаетъ свой мечь. Онъ извлекаетъ его только для сохраненія большаго, ужасныя послѣдствія войны превышающаго блага; извлекаетъ для защищенія свободы, всеобщей безопасности и спокойствія. На полѣ брани слезы его мѣшаются съ кровью его враговъ. И онъ какъ скоро достигнетъ цѣли, кладетъ свое оружіе, опять дѣлается такимъ же кротkимъ, милымъ другомъ человѣчества, каковъ былъ и прежде.

Хвала всеобщему доброхотству.

Вотъ наше званіе, званіе благороднѣйшее, до какого только можетъ возвыситься разумная наша природа; единственный законъ, которой заключаетъ въ себѣ всѣ прочія добродѣтели, которой подаетъ намъ право именоваться истинно добродѣтельными, и точно уподобляетъ насъ нашему Творцу; всесвященѣйшій и обязательнѣйшій законъ, соединяющій въ себѣ отношенія, въ какихъ мы находимся по своимъ спо-

собностямъ съ Богомъ и нашими ближними; самой первой, коренной законъ цѣлой природы, на которомъ почіетъ слава Творца, порядокъ и совершенство всего творенія! Ибо состояніе людей даетъ видъ всей природѣ. Гдѣ щастливы люди: тамъ повсюду блистаетъ премудрость и благость Творца; тамъ вся природа совершенна; тамъ во всѣхъ ея частяхъ райская красота; тамъ всѣ частныя творенія дѣлаются орудіями всеобщаго совершенства. Но гдѣ человѣчество воздыхаетъ подъ игомъ тиранства, въ угнѣтеніи отъ жестокой гордости, подъ тягостію расточительной роскоши: тамъ печалится и вся природа; тамъ земля есть пространная темница; тамъ напрасно цвѣтутъ ея красоты; тамъ ея богатство есть проклятіе; тамъ она столько бѣдна, какъ не льзя больше; ибо чѣмъ больше твореній, тѣмъ больше орудій бѣдствія; тамъ наконецъ забытъ и самъ Богъ, погашены о немъ всѣ радостныя чувствованія; — тамъ человѣчество не узнаетъ болѣе себя самаго.

Всеобщая благотворность основана на натурѣ нашей.

На сей-то всеобщей благотворности основана и наша собственная натура и

ися экономія человѣческаго общества. Звѣрь къ содержанію себя не имѣетъ надобности въ помощи подобныхъ себѣ. Его нужды столь ограничены, что онъ самъ можетъ сыскать все для себя потребное. Берлога, трава, червь—вотъ все, чѣмъ оно изъ всего богатства природы наслаждается; желанія его далѣе не простираются, и для удовлетворенія ихъ достаточно собственныхъ его силъ и инстинкта.

Но человѣкъ, господинъ земли, приходитъ въ Свѣтъ нагой и безпомощной; для него и на тронѣ, на вершинѣ своего общества, помощь сочеловѣковъ столько же нужна, сколько и въ колыбели. И сіе-то есть доказательство нашего назначенія великаго! Для щастія нашего назначена вся природа; но для сего должно трудиться все человѣческое общество совокупно; всеобщая бѣдность есть надежнѣйшее и дѣйствительнѣйшее къ тому побужденіе. Если бы мы не столько были бѣдны, то не столько были бы и благодѣтельны, не столько были бы и щастливы. Мы бы, какъ звѣри, одинъ въ другомъ нужды не имѣли; но, какъ звѣри же, были бы и скудны, не наслаждались бы всѣми преимуществами природы.

Неравное раздѣленіе способностей и богатствъ очевидно имѣетъ основаніемъ

сіе же благодѣтельное намѣреніе. Одинаковая мѣра ихъ прервала бы всякую связь между нами, умертвила бы въ насъ всѣ благодѣтельныя чувствованія; мы вовсе не знали бы дружелюбнѣйшихъ, нѣжнѣйшихъ расположеній. Но чрезъ сіе мудрое неравенство мы для всеобщаго совершенства составляемъ только одно *цѣлое*; весь человѣческій родъ есть машина, состоящая изъ милліона колесъ различной величины; есть тѣло, сложенное изъ безчисленныхъ мускуловъ различной крѣпости, которые всѣ, по мѣрѣ ихъ силъ и ихъ связи, нужны для сохраненія тѣла. Если нѣкоторые изъ нихъ перестаютъ двигаться, тогда тѣло умираетъ отъ безсилія; если иные силою своею нарушаютъ равновѣсіе, тѣло умираетъ отъ конвульсій. Малая и большая сила равно необходимы; и сколь ни слѣпо, кажется, онѣ раздѣлены, сколь напротивъ мудро избрана различная мѣра ихъ крѣпости и раздражимости, какъ и связь ихъ другъ съ другомъ.

Всеобщее доброхотство не есть предметъ законодательства.

Раздѣляетъ дары сіи самъ Творецъ, а употреблять намъ предоставляетъ; иначе онъ чрезмѣрно ограничилъ бы наше досто-

инство. Ибо благодѣтельныя, благородныя чувствованія не могутъ быть опредѣлены никакими законами; онѣ потеряли бы тогда свою цѣну, а мы лишились бы пріятнѣйшихъ удовольствій. Его премудрость положила только границы самыя отдаленныя, представляющія намъ поле обширнѣйшее; другихъ же она и положить не могла; и онѣ пѣмъ священнѣе для насъ, что приближаютъ насъ къ Богу, и суть самыя крайнія границы человѣчества. Не требуетъ Онъ отъ насъ, что бы мы всѣ имѣли способности равныя, чувствованія равно нѣжныя, и что бы всѣ равно споспѣшествовали всеобщему благу; Онъ требуетъ только, чтобъ мы сколь возможно лучшее дѣлали употребленіе полученныхъ нами силъ, посвящая ихъ обществу; ибо если бы мы стали употреблять ихъ только для собственныхъ выгодъ, это означало бы похищеніе у общества? Не льзя всѣмъ членамъ быть — *глазомъ* или *сердцемъ*: но поелику глазъ долженъ освѣщать все тѣло, для того онъ получилъ и чувствительность тончайшую, и мѣсто высшее; сердце, поелику должно разносить жизнь по всему тѣлу, даже въ самомалѣйшіе сосудцы, для того оно и есть самый благороднѣйшій и самый сильнѣйшій изъ всѣхъ мускуловъ.

Обширность круга для нашей дѣятель-

ности такъ же не отъ насъ зависитъ. Щастливъ тотъ, кто можетъ видѣть благословенные плоды дѣлъ своихъ въ благополучіи цѣлыхъ фамилій; еще щастливѣе тотъ, кто можетъ видѣть ихъ въ благополучіи всего своего отечества; наконецъ райски щастливъ тотъ, кто можетъ способствовать просвѣщенію и исправленію нравовъ своего вѣка, можетъ непосредственно содѣйствовать благу всего человѣческаго рода. Но не долженъ лишаться бодрости и въ самомъ тѣсномъ кругу находящійся, на самой нижшей степени стоящій; онъ долженъ стараться быть столько благодѣпельнымъ, сколько силы его позволяютъ; можетъ быть гораздо послѣ, его честность и вѣрность несравненно благодѣпельнѣйшія будутъ имѣть слѣдствія для всего общества, нежели цѣлый рядъ недѣятельныхъ Государей.

Частныя отношенія не должны стѣснять всеобщаго доброхотства, которое взаимно не нарушаетъ частныхъ связей.

Не требуетъ такъ же всеобщая любовь сія, чтобъ мы чрезъ то оставляли должности ближайшія, назначаемыя намъ природою, собственнымъ званіемъ и особливыми связями общества, въ которомъ жи-

вемъ. Но и отношенія сіи не должны ограничивать нашу любовь къ человѣчеству, и дѣлать ее пристрастною; они назначены намъ Провидѣніемъ съ тѣмъ, чтобъ мы на пути семъ доказывали Свѣту любовь свою дѣятельнѣйшимъ образомъ. Доброхотство наше должно быть обращено на извѣстные какіе либо особенные предмѣты; иначе оно, будучи разсѣяно, при ограниченности способностей нашихъ, содѣлалось бы незначущимъ, уподобляя свѣту луны, которой отраженные лучи не сообщаютъ никакой теплоты.

Самые первые предмѣты нашихъ попеченій суть наши дѣти.

Самыя ближайшія отношенія наши должны быть къ тѣмъ, которыхъ дала намъ сама природа. Ибо когда мы съ ними соединены крѣпчайшими и нѣжнѣйшими узами; то и нельзя намъ оказать лучшей заслуги человѣчеству, какъ если рачительностію и добрымъ воспитаніемъ сдѣлаемъ ихъ полезными и благодѣтельными членами общества; а тѣмъ самымъ распространимъ свои чувствованія и на потомство наше, тѣмъ самымъ выполнимъ свои желанія, которыхъ слабость наша и краткая жизнь достигнуть здѣсь не дозволила. Ибо что получилъ бы Свѣтъ

отъ того, когда бы мы — оставивъ ближайшихъ къ намъ — захотѣли назидать сторонникъ? Отецъ, ревностно исполняя должность разумнаго отца, исполняетъ чрезъ то всегда первую должность, какой требуетъ любовь къ человѣчеству; и онъ не можетъ выполнить сей послѣдней, какъ скоро пренебрегаетъ первую. Вотъ самый натуральный и самый первѣйшій союзъ, — союзъ отца съ дѣтьми!

Послѣ дѣтей слѣдуютъ друзья, благодѣтели, нещастные.

За симъ непосредственно слѣдуютъ наши друзья, а далѣе тѣ, которые, по отличной своей заслугѣ, или по особеннымъ нуждамъ своимъ, большее имѣютъ право на наше къ нимъ вниманіе или любовь, по мѣрѣ разныхъ отстояній, въ какихъ Провидѣніе насъ съ ними поставило. Между тѣмъ ограниченная наша способность опять скоро сдѣлала бы насъ недѣятельными. Ибо какъ скоро мы вышли бы изъ тѣснаго круга нашей фамиліи и друзей, наша любовь, опять разсѣялась бы при множествѣ другихъ людей, не имѣющихъ къ намъ никакого близкаго отношенія; множество это ослабило бы въ насъ надежду на себя, и мы въ нерѣшимости потеряли бы въ бездѣйствіи безчисленные способы и случаи, которые для блага Свѣта чрезвычайно были бы по-

лезны. Но премудрое Провидѣніе и здѣсь опять входишъ въ посредство. Оно подъ именами — *званія, согражданъ, отечества, единовѣрцовъ, подчиненныхъ*, представляетъ зрѣнію нашему, въ видѣ одного предмета, множество особенныхъ членовъ. Ему угодно, чтобы всѣ они участвовали въ нашей благодѣтельности, даже при малыхъ нашихъ способностяхъ. Слѣдственно сіи особенныя связи не должны ограничивать нашего доброхотства, соединяющаго насъ со всѣмъ человѣческимъ родомъ. Онѣ должны его сдѣлать только дѣятельнѣйшимъ. Сіи ближайшія обязанности не истощаютъ такъ же никогда нашихъ способностей до такой степени, что бы мы ихъ не могли всегда употреблять для услугъ посторонникъ. Если мы оговариваемся такимъ исключеніемъ, это означаетъ нашу низкую, своекорыстную безчувственность; истинный другъ человѣчества всегда имѣетъ способъ и случай доказать благодѣтельныя свои чувствованія, даже и внѣ круга своихъ ближайшихъ связей. Любовь къ нашему семѣйству не должна быть вредною большему благу цѣлаго общества, въ которомъ живемъ; любовь къ отечеству не должна нарушать справедливости, какою мы обязаны всему человѣчеству. Всеобщая благодѣтельность и человѣколюбіе, съ наруше-

ніемъ обязанностей ближайшихъ, было бы блуждающее рыцарство; но и нарушеніе всеобщей справедливости и человѣколюбія, подъ предлогомъ дружества и любви къ отечеству, означало бы своекорыстіе и хищеніе. Ибо справедливость и всеобщая любовь къ человѣчеству всегда остаются священнѣйшею для насъ границею, которую преступать никогда намъ не позволительно.

Главное правило: Аще хощете да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде.

Нѣтъ человѣка, которой бы не чувствовалъ сей сугубой обязанности; почему и чувствованія у всѣхъ людей одинаковы. Ибо какъ мы для взаимнаго нашего сохраненія получили одинакія и въ одинакой мѣрѣ чувства; отъ чего и судимъ, что другіе также видятъ и слышатъ, какъ мы, хотя въ различныхъ степеняхъ тонкости: такъ точно всѣ мы получили одинаковую всеобщую мѣру справедливости и человѣколюбія, по которой можемъ навѣрное судить о печаляхъ и удовольствіи нашихъ ближнихъ. Эта мѣра есть Божественная, съ безконечною премудростію и любовію назначенная, дабы мы никому не

дѣлали несправедливостей, и видѣли, какъ намъ весши себя предъ другими. Наши чувствованія сушь правило для насъ, — мѣра, съ которою никогда не можемъ здѣлашь несправедливости ближнему нашему, которая во всѣхъ возможныхъ случаяхъ остаешся надежнѣйшимъ руководствомъ нашего поведенія. Съ нею не можемъ во зло употребить низкости или слабости другаго; не можемъ его спокойствіемъ, довольствомъ и радостію, пожертвовашь нашей роскоши, гордости, сладострастію. — Вошъ нашъ великой законъ!—но еще не самая высочайшая ступень нашего совершенства. Онъ только предохраняешъ насъ, что бы мы не были несправедливы, безчеловѣчны. Но намъ можно итти далѣе его; ибо мы можемъ чувствованія наши возвышашь, утончашь, облагородствовашь. И чѣмъ больше человѣкъ съ мудростію вдаль проширается; чѣмъ больше усовершенствуешъ свою собственную природу: тѣмъ онъ подобнѣе бываешъ Творцу своему; онъ есшь шогда Богъ въ совершенствѣ, Богъ въ блаженствѣ своемъ. Ибо чѣмъ больше, по сему благородному побужденію, отказываешъ онъ себѣ въ своемъ спокойствіи, въ своихъ выгодахъ, въ своихъ удовольствіяхъ чувственныхъ: тѣмъ больше получаешъ сего благороднаго удовольствія;

ибо тогда его чувствованія для наслажденія имъ тѣмъ болѣе возвышаются. Только на степени нижней не можемъ оставаться, не отказавшись отъ человѣчества. Ибо что можетъ быть ненатуральнѣе, какъ познавши въ ближнемъ нашемъ такія же чувствованія, не обходишься съ нимъ по крайней мѣрѣ такъ, какъ хочемъ, что бы и онъ съ нами обходился?

Законъ всеобщаго доброхотства собственно есть законъ Евангельскій.

Здѣсь мы вдругъ видимъ себя въ школѣ величайшаго *друга человѣчества*, нашего *Христа Спасителя*. Ибо заповѣдь сія собственно его. Разумъ одинъ не отважился утвердить ее закономъ выразительнѣйшимъ. Онъ угадываетъ ее, хвалитъ, удивляется; но самъ не дерзаетъ итти далѣе границъ справедливости къ симъ высочайшимъ должностямъ; ему не достаетъ къ тому довольныхъ ободреній и воздаяній. Потому-то ни одинъ изъ законодателей, даже Моисей, далѣе не простирается. Онъ запрещаетъ только другъ другу вредить, и для сего довольно было ему однихъ наказаній непосредственныхъ; отъ чего и говорится, что *законъ убиваетъ*, и производитъ только гнѣвъ и казнь. Сей высо-

чайшій законъ любви предосшавленъ былъ эпохѣ просвѣщеннѣйшей, — той эпохѣ, когда вмѣсшѣ должно было вполнѣ ошкрышься высшее назначеніе человѣка и безсмершіе. И пошому какъ скоро Божесшвенный Учишель объяснилъ сіи важнѣйшія исшины; шо и нравсшвенносшь могла и должна была облагородсшвоваться, и любовь къ ближнему заповѣдью ушвердишься, хошя по нашурѣ своей она никакой заповѣди не шерпишъ. Спасишель нашъ сшепеней для любви не назначаешъ; иначе Онъ ограничилъ бы досшоинсшво и благодѣшельносшь сей заповѣди.

Онъ обязываетъ всѣхъ равно.

Чувсшвованій и побужденій, ошъ любви происходящихъ, не льзя опредѣлишь никакими законами. Самая же нижшая сшепень любви — обходишься съ другими всегда по своимъ чувсшвованіямъ — опредѣляешся шеперь закономъ, кошорой и по разуму нынѣ есшь законъ исшинный. Ибо когда и разумъ при семъ совершеннѣйшемъ свѣшѣ Евангелія увѣрился въ безсмершіи, кошораго онъ прежде, даже когда Цицеронъ въ рукахъ имѣлъ Плашона, желалъ шолько; шо для него шеперь и законъ любви есшь законъ исшинный, ошъ кошораго не мо-

жетъ быть освобождено никакое состояніе, никакое особливое званіе, никакая политика. Правитель, почитающій себя въ правѣ не подлежать ему, есть тиранъ; герой — убійца; министръ — Махіавель, измѣнникъ человѣчеству и отечеству своему. Ни правителю, ни герою ничто не позволяется, что человѣку не позволено; потому что *и они подъ Богомъ.* Въ печальной необходимости они могутъ попустить зло, но только такъ, какъ Богъ его попускаетъ; только тогда, когда сохраненіе большаго добра дѣлаетъ это неизбѣжнымъ. Но сіе большее добро никогда не должно служить предлогомъ честолюбію, властолюбію, или другимъ своекорыстнымъ намѣреніямъ. *Киръ, Маркъ Аврелій, Генрихъ IV, Густавъ Адольфъ* доказываютъ, что по симъ законамъ безопасно можно управлять и государствами; и *Сюлли* посредствомъ ихъ Государя своего болѣе возвеличилъ, чѣмъ Италіанецъ своего *Борgіа* чрезъ политику.

Онъ дѣлаетъ насъ совершенными.

Любовь къ Богу, доказываемая всеобщею благодѣтельностію и человѣколюбіемъ: вотъ наша Религія! Не думайте, будто бы она была слишкомъ ограничена и бѣдна; будто

бы давала волю прочимъ нашимъ безпорядочнымъ пожеланіямъ; будто бы забыты въ ней были тѣ должности, какія мы, разумныя творенія, обязаны наблюдать въ разсужденіи себя самихъ. Безъ сомнѣнія мы имѣемъ должности, непосредственно до насъ и до нашей разумной природы относящіяся, которыя къ нашей Религіи также существенно принадлежатъ, какъ и первыя.

Авторъ такъ часто упоминаемой книги, въ членѣ *Vertú*, называетъ добродѣтелями только непосредственныя общественныя должности; всѣ же прочія, смѣшивая съ фанатическими добродѣтелями, изъ того названія изключаетъ, или называетъ ихъ гораздо покойнѣйшимъ именемъ благоразумія.

Это ничто другое, какъ обольстительная игра словъ. Правда, если бы я вовсе могъ отвергнуть Провидѣніе, и не признавать въ свѣтѣ Божественныхъ намѣреній: тогда конечно не было бы никакихъ должностей въ разсужденіи себя самаго, не было бы и обязанности къ нимъ; тогда все зависило бы только отъ осмотрительности и благоразумія. Да для чего бы тогда не отвергнуть обязанности и всѣхъ добродѣтелей вообще?.. Ибо такимъ образомъ обязанность и добродѣтель были бы слова пустыя, означали бы только корысто-

любіе. Но когда я Премудрое Существо признаю Творцемъ міра, то признаю столь же необходимою для себя обязанностію — жить сообразно разумной своей природѣ, сколь необходимо для меня вести себя сообразно тѣмъ отношеніямъ, въ какихъ я нахожусь съ моими разумными сочеловѣками. Ибо возможно ли, чтобы сіе Всевысочайшее Существо, при непремѣнной своей любви къ добру, и давши мнѣ способность доходить до совершенства, менѣе хотѣло его мнѣ, нежели сколько хочетъ ближнимъ моимъ.

Всеобщее доброхотство есть истинное начало всѣхъ добродѣтелей.

И такъ конечно очень недостаточна, несовершенна была бы та Религія, которая представляла бы намъ сіи должности не столько же важными, не столько обязательными. Но посмотрите на доброхотство съ истинной точки зрѣнія, и вы увидите, что оно всѣ наши способности, по назначенію природы, образуетъ къ нашему щастію. Всѣ правила ему противныя, или которыя выдало бы суевѣріе за священѣйшія, удаляютъ душу отъ истинной ея великости; благороднѣйшія ея способности оставляютъ необработанными, дѣ-

лаютъ низкими, ограниченными, фанатическими; что я говорю? — онѣ даже Бога Самаго представляютъ существомъ своенравнымъ, фанатическимъ. Сіе только всеобщее доброхотство представляетъ вамъ Творца Отцемъ Природы въ достопокланяемомъ Своемъ величествѣ, въ безконечной Своей любви къ добру: и между тѣмъ какъ васъ дѣлаетъ достойнѣйшимъ любви другомъ человѣчества, образуетъ въ васъ вмѣстѣ чистѣйшія, благороднѣйшія чувствованія, какихъ только можетъ отъ васъ требовать Религія Божественная. Такъ, если бы превосходнѣйшая нравственность сей божественной книги требовала отъ насъ только по временамъ нѣкоторыхъ добрыхъ дѣйствій, такъ что и Неронъ, и Александръ IV въ одинъ какой-нибудь день и часъ могли почестться добродѣтельными; если бы она состояла только въ своенравномъ расположеніи души, только въ холодныхъ, скудныхъ добрыхъ дѣлахъ, вынуждаемыхъ у насъ натуральнымъ чувствованіемъ тогда, когда уже мы удовлетворили совершенно своей гордости, корыстолюбію и роскоши: тогда конечно ничего не было бы скуднѣе такой Религіи; тогда она могла бы быть и въ самыхъ мрачныхъ, самыхъ нечистыхъ, самыхъ низкихъ сердцахъ. Но тогда можно было бы уже сказать, что есть разсудокъ

и въ сумасшедшихъ; ибо и они имѣютъ иногда нѣсколько хорошихъ минутъ. Истинная Религія требуетъ, чтобъ нѣкоторыя частныя добрыя дѣла, отъ времени до времени производимыя, могли наконецъ составить полную добродѣтель. *Религія и добродѣтель* по натурѣ своей *суть одно*, такъ какъ совершенства въ Богѣ суть одно; употребленіе ихъ только различно, а сущность состоитъ единственно въ непремѣняемой любви къ добру.

Доброхотство заключается въ сердцѣ и въ мысляхъ.

Потому сіе доброхотство слишкомъ было бы ограничено, если бы оно подлинно состояло только въ великодушной, даже изъ истиннаго человѣколюбія проистекающей щедрости, которою мы стараемся непосредственно облегчить бѣдствіе нашихъ ближнихъ, и тѣмъ водворить между ними радость и щастіе. Нѣтъ, сей божественный портретъ на раздаваемомъ золотѣ не выбивается. Конечно, благотворность всегда будетъ святѣйшею нашею должностію; ею можемъ мы по возможности доказывать на самомъ дѣлѣ свои благодѣтельныя чувствованія; и тотъ щастливъ, кто такимъ образомъ можетъ выполнять всѣ свои желанія. Но чтобъ истинно содѣйствовать

всеобщему благу, такая благодѣтельность, даже и при Царской щедрости, была бы слишкомъ недостаточна. Мало сего; наша слѣпая склонность, суетность и своенравіе могутъ еще обратишь ея въ несправедливость; вмѣстѣ съ нею могутъ господствовать такія чувствованія и страсти, посредствомъ которыхъ порядокъ и спокойствіе человѣческаго общества всегда больше нарушатся, нежели сохраняются.

Любовь Божія есть начало доброхотства.

Истинное доброхотство есть гораздо обширнѣйшаго свойства; оно состоишъ во всеобщей любви къ добру. По сему чувствованію всѣ устройства, Богомъ въ природѣ учиненныя для произведенія и сохраненія общаго порядка, равно святы; свято и природы нашей устроеніе, святы и всѣ наши способности и силы, потому что основаніемъ ихъ есть любовь Божія. А если Богъ въ душѣ нашей обитаетъ, если Онъ есть первая господствующая наша мысль; то и *побужденіе* — чрезъ выполненіе Его мудрыхъ и благодѣтельныхъ намѣреній—*Ему подобиться*, будетъ насъ одушевлять непрестанно.

Не думайте, что бы это былъ языкъ энтузіазма. — Всякой человѣкъ имѣетъ въ

себѣ господствующую мысль, которая раждаетъ и направляетъ всѣ прочія его мысли; и чѣмъ величественнѣе, чѣмъ благороднѣе мысль сія, тѣмъ превосходнѣе бываетъ и человѣкъ. Но какая мысль можетъ исполнить душу столь величественныхъ чувствованій, столь благороднѣйшихъ, сильнѣйшихъ побужденій, кромѣ мысли о Богѣ? Всякая другая господствующая мысль опасна для истиннаго величія души. Она помрачаетъ разумъ, всѣ предметы представляетъ въ ложномъ видѣ, унижаетъ ихъ цѣну, возмущаетъ покой души, питаетъ безпорядокъ страстей. Напротивъ идея о Богѣ есть истинный источникъ разумѣнія и бодрости; она руководствуетъ совѣтами въ кабинетѣ, укрѣпляетъ мужество на войнѣ, не попущаетъ унывать въ нещастіяхъ, обуздываетъ страсти, удерживая ихъ въ равновѣсіи; словомъ, всегда хранитъ человѣка въ его достоинствѣ. Всякая другая господствующая мысль развлекаетъ душу и дѣлаетъ ее слабою, низкою, малою. Сія только мысль ее укрѣпляетъ, ни мало не удерживая и не ослабляя ея движенія, подобно вездѣсущію Божію, хранящему все въ природѣ могущественнымъ своимъ вліяніемъ. Сія только мысль подаетъ ясной покой, наши способности съ одинакою внимательностію об-

ращаетъ на всякіе случаи, содержитъ ихъ въ правильномъ направленіи, и всегда равно великаго человѣка образуетъ. Опасаться, что мысль сія сдѣлаетъ насъ мрачными, унылыми, значитъ, что мы не знаемъ еще хорошо Бога своего. Присутствіе Его не только не отъемлетъ никакой разумной радости, но еще дѣлаетъ насъ способными, правильно наслаждаться благодѣяніями природы и прочими преимуществами жизни. Мысль о Богѣ можетъ и должна съ нами быть при всѣхъ нашихъ дѣлахъ; ибо она дѣлаетъ наши радости твердыми, не попущая раждаться никакимъ помышленіямъ, унижающимъ достоинство нашей природы, и опаснымъ истинному нашему совершенству. Чѣмъ тверже, чѣмъ постояннѣе въ насъ сія мысль; тѣмъ мы, при каждомъ взглядѣ на природу, на теченіе міра, на исторію своей собственной жизни, дѣлаемся способнѣе усматривать премудрость и благость Божію. Сіи чувствованія наконецъ обращаются въ благороднѣйшую страсть любви къ Богу, для которой нѣтъ ничего святѣе, кромѣ воли и намѣреній Его, и которая всѣ законы превращаетъ въ побужденіе — *содѣйствовать исполненію благодѣтельныхъ намѣреній Божіихъ, и усиливать добрыя чувствованія въ насъ и въ нашихъ ближнихъ.*

Вотъ что есть доброхотство! — Постоянное, равнодѣятельное побужденіе — жертвовать по намѣреніямъ Божіимъ всѣми своими силами и способностями общему благу міра, и, сколько можно, способствовать распространенію между людьми истины, добродѣтели и щастія.

Доброхотство есть душа Религіи.

И такъ не уже ли всеобщее доброхотство и теперь еще можно считать слишкомъ недостаточнымъ къ тому, что бы въ немъ поставлять всю нашу Религію? Какъ бы мы его ни понимали — главною ли нашею должностью, которой отъ насъ требуетъ любовь Божія; или тою щастливою наклонностью, которую сія любовь въ насъ произвела: но съ нимъ душа наша необходимо получитъ такое образованіе, какое предписываетъ намъ самая свящѣйшая нравственность. Тогда святы для насъ будутъ всѣ устроенія въ Природѣ, которыя премудрость Божія произвела для сохраненія всеобщаго порядка. Тогда мы свои способности, здоровье, жизнь почитать будемъ какъ свящѣйшій залогъ, по выраженію Платона, какъ собственность Божію, которую мы должны употреблять для выполненія благодѣтельныхъ Его намѣ-

реній. Тогда честность и довѣренность людей къ доброшѣ нашихъ чувствованій столь же священнымъ для насъ будутъ закономъ, сколько самое доброхотство. Оно теперь уже не есть должность, а господствующая страсть, которой добровольно подчиняются всѣ прочія наши силы и наклонности, и которая собственное наше совершенство и щастіе до безконечности больше утверждаетъ, нежели когда бы самое щастіе было у насъ первымъ побужденіемъ всѣхъ дѣлъ нашихъ. Ибо въ семъ послѣднемъ случаѣ мы всегда подвергались бы опасности — выполнять свои чувственныя пожеланія, больше всего заботились бы о своемъ здоровьѣ, о довѣренности у людей, о нашемъ собственномъ спокойствіи. Поелику всѣ прочія страсти ненасытимы; онѣ всѣ душевныя силы обращаютъ къ себѣ, обольщаютъ ихъ, ослѣпляютъ, разгорячаютъ прежде, нежели разсудокъ успѣетъ одуматься; онѣ увлекаютъ самое доброе сердце столь быстро, что оно очувствуется уже для того только, чтобы раскаиваться безполезно. Онѣ самое благороднѣйшее сердце дѣлаютъ низкимъ, самое нѣжнѣйшее — жестокимъ, самое великодушнѣйшее — суровымъ. Тогда и вся Философія есть только собраніе пустаго велерѣчія и блестящихъ

театральныхъ выраженій; а мнимая наша добродѣтель будетъ совокупность нѣсколькихъ дѣйствій, происшекающихъ изъ нашего корыстолюбія, или отъ темперамента, такъ что отъ сего всегда происходить будетъ больше зла, нежели добра.

Одно только это побужденіе надежно; одно оно производитъ въ душѣ такую гармонію, которая образуетъ человѣка добродѣтельнаго, великаго; оно сердце согрѣваетъ, разсудокъ содержитъ въ равновѣсіи; при немъ всѣ прочія наклонности — любовь къ чувственному удовольствію, къ сладострастію, къ чести — сами собою упорядочиваются. Ибо оно теперь ничто иное есть, какъ облагородствованное самолюбіе, которому всѣ прочія страсти добровольно покоряются, которое само по себѣ имѣетъ дѣйствіе живѣйшей страсти и всѣмъ прочимъ страстямъ, доколѣ само истинно и твердо, доставляетъ свои пріятности и услажденія; оно ими съ спокойнымъ разсудкомъ управляетъ, чтобъ онѣ не выступали изъ границъ порядка, на которомъ Богъ благоволилъ утвердить всеобщее благо людей. Доброхотство есть единственная благороднѣйшая страсть, которою мы можемъ наслаждаться безъ ограниченности, и всегда съ совершенною безопасностію; которая непрестанно бла-

говоритъ и никогда не оскудѣваетъ; которая никогда не мыслитъ о себѣ, заботится только о другихъ, а между тѣмъ всегда первая награду для себя получаетъ; которая никогда не удовлетворяется, никогда не насыщается, но всегда содержитъ душу въ совершеннѣйшемъ спокойствіи; не рѣдко возмущается, но и въ возмущеніи чувствуетъ крошкія, мирныя радости; чувствуетъ бѣдствія цѣлаго свѣта, но никогда не ропщетъ; она совершенно человѣческая страсть, но уподобляетъ насъ божеству; неутомимо трудясь для человѣческаго рода, всегда содержитъ душу въ чувствованіи ея высочайшаго назначенія. Если есть Богъ, то сія Религія есть самая совершеннѣйшая, какую только можетъ разумъ себѣ представить, а Богъ отъ насъ требуетъ; — *единственная Религія*, которая можетъ насъ сдѣлать Богу подобными, другимъ благодѣтельными, собою довольными, щастливыми, совершенными; — единственная, которая прилична всѣмъ временамъ, всей поднебесной, всѣмъ человѣкамъ, всѣмъ состояніямъ; которая всѣ человѣческія учрежденія хранитъ въ своемъ порядкѣ, укрѣпляетъ ихъ союзы, умаляетъ несовершенства; которая при всѣхъ несовершенныхъ плодахъ своихъ здѣсь — на землѣ — есть единственный источникъ добра; единственная Рели-

тія, которая можетъ быть и на Небѣ, и въ вѣчности нашею Религіею; которая вѣчно будетъ умножать наше блаженство, и которая, если бы слабость наша позволяла намъ уже и здѣсь выполнять ея совершенно, *на землѣ доставила бы намъ небо.*

Мы сотворены для вѣчности.

Таково по истиннѣ назначеніе наше! — Но сколь далеко простирается оно? Земля ли одна мѣсто его, или и вѣчность? — Это опять важнѣйшая для насъ задача; потому что если бы не было на сіе никакого успокоивающаго рѣшенія, то все сіе назначеніе было бы одна только пріятная мечта. Положимъ, что рѣшеніе сіе никакого не имѣло бы вліянія на наше поведеніе; но оно не можетъ быть маловажнымъ для насъ по причинѣ всего строенія нашей души. Какой бы человѣкъ почелъ оное таковымъ? Волингброкъ и С. Евремондъ при семъ признательны. Положимъ, что оно имѣло бы только самый малѣйшій видъ вѣроятія, и только казалось бы возможнымъ; — по крайней мѣрѣ разсудокъ со всѣми своими софизмами не возможнымъ его сдѣлать не можетъ. Какъ бы мы представили себѣ невозможною ту вещь, безъ которой не могли бы представить ни Бога, ни Провидѣнія, и во всей природѣ никакой цѣли разумной? Да если бы мы и

это все опвергнули, то все еще оспаѣлись бы для насъ — мы сами, наши желанія, наши способности, наши надежды, наши страхи.

Но я не хочу о семъ снова распространяться. Только увѣреніе о вѣчности разсмотрю здѣсь въ связи съ справедливостью, какъ вторую существенную часть Религіи.

Нелѣпость системы уничтоженія.

По оному назначенію, Богъ долженъ быть нашею важнѣйшею мыслію; радостное выполненіе воли Его — нашимъ великимъ званіемъ, нашимъ величайшимъ совершенствомъ, которому мы должны посвящать всѣ наши способности и наклонности. Такъ, если есть для меня вѣчность, то нѣтъ ничего величественнѣе, важнѣе такого назначенія. Пусть тогда выполненіе его стóитъ мнѣ пріятнѣйшихъ моихъ пожеланій; пусть оно требуетъ отъ меня величайшихъ отверженій; пусть требуетъ даже самой жизни моей. Но если надежды этой нѣтъ, тогда я охотно соглашаюсь на систему вашу, Философы! — Вы, которые почитаете ее только сладкою мечтою. Тогда я на свое назначеніе смотрю совсѣмъ съ другой точки зрѣнія; тогда я въ своихъ глазахъ становлюсь во-

все другимъ твореніемъ, получаю совершенно другія отношенія, другія наклонности, другія побужденія; тогда и Религія, доселѣ бывшая для меня столь истинною, есть явное противорѣчіе съ моею природою.

Вопервыхъ, совершенно престаетъ тогда отношеніе мое къ Богу. Я не могу болѣе заниматься понятіемъ о Немъ; долженъ вовсе престать думать о Немъ; или иначе всякая моя мысль будетъ только Богохуленіе. — Богъ, Который не любитъ тварей своихъ; — Который не попускаетъ имъ достигнуть совершенства, къ какому самъ далъ имъ способность; — Который внушилъ имъ стремленіе къ вѣчности, но не попускаетъ достигнуть ее; — Богъ, Который не хочетъ быть познанъ разумными своими твореніями; — противорѣчущій Богъ, Который такъ устроилъ человѣческое общество, что оно можетъ стоять только всеобщею благодѣтельностію, а порознь всѣхъ членовъ принуждаетъ къ большому корыстолюбію; — Который сотворилъ меня съ разсудкомъ, съ свободою, съ чувствомъ нравственности, и о моихъ дѣйствіяхъ вовсе не печется: — Какіяжъ послѣ этаго для меня отношенія?... Какое существо буду я себѣ представлять, которое не хочетъ быть мною познано?...

И какъ я почувствую въ себѣ побужденіе—подобиться такому существу, въ которомъ долженъ отвергнуть все нравственное совершенство? Благодарность, упованіе, повиновеніе, любовь,—все прекращается; остается одно мертвое удивленіе Его безконечности, но безконечности—и больше ничего.

При семъ ужаснѣйшемъ предположеніи перемѣняется и все прочее мое назначеніе. Мой ближній! — Это Я теперь; Я — все для себя; Я — единственное мое побужденіе. Я буду справедливъ, но только въ смыслѣ тѣснѣйшемъ. Благодѣтельность, человѣколюбіе, умѣренность — я обязанности къ нимъ больше не знаю; среди всего, вокругъ меня находящагося, почитаю *себя* среднею точкою. Я буду благодѣтельствовать, но доколѣ самолюбіе мое отъ того не страждетъ; оно теперь есть первѣйшій законъ моей природы; и что только его не оскорбляетъ, что мнѣ не столько причиняетъ безпокойства, а весьма много удовольствія, то и благо мое высочайшее; выше его нѣтъ ничего. *Варронъ* насчиталъ до двухъ тысячъ различныхъ мнѣній о семъ верховномъ благѣ; — и удивительно еще для чего не больше! Безъ вѣчности каждый человѣкъ имѣетъ свое собственное благо. Ибо гдѣ нѣтъ блага совершенно превышающаго, (а это одна вѣчность;) тамъ для каждаго

выполненіе своей господствующей наклонности, есть благо высочайшее. Тогда мы всѣ похожи на много-различныхъ насѣкомыхъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою особенную пищу; червь въ гнилости столь же щастливъ, какъ и пчела на розѣ. Чувственное удовольствіе для того, кто умѣетъ имъ наслаждаться, всегда есть удовольствіе; и доколѣ оно съ нимъ, до тѣхъ поръ есть удовольствіе истинное. Да и для меня оно есть самое высшее, если лучшаго не знаю; особливо, когда высшее стоитъ мнѣ большаго труда.

Какъ иногда и невѣрный можетъ быть добродѣтельнымъ.

Ни мало не отвергаю я симъ достоинства добродѣтели; не стану почитать *Эпиктета* энтузіастомъ, равно какъ и того, которой высочайшее благо свое поставляетъ въ роскошномъ столѣ. *Эпиктетъ*, можетъ быть, никогда не согласится быть *Апиціемъ*; а Апицій не захочетъ лишиться ни одной устрицы, чтобъ сдѣлаться Эпиктетомъ. Это зависитъ отъ различныхъ наклонностей. Одинъ высочайшее благо поставляетъ въ тихомъ спокойствіи, другой въ шумныхъ удовольствіяхъ свѣта; тотъ въ роскошномъ столѣ, дру-

гой въ славѣ: и ни одинъ не имѣетъ права хулить вкусъ другаго точно такъ, какъ если бы одному больше нравился персикъ, а другому виноградъ. Эпикуръ находилъ высочайшее благо въ своихъ садахъ, въ мирной, пріятной тишинѣ; при болѣзненномъ тѣлѣ своемъ онъ не имѣлъ живѣйшихъ страстей: но могъ ли онъ увѣрить и всѣхъ учениковъ своихъ, что нѣтъ другихъ удовольствій, какъ его? Спиноза, будучи такого же характера, искалъ для себя щастія въ безмолвіи кабинета своего; хотя, слѣдуя своимъ началамъ, могъ быть самымъ порочнѣйшимъ, когда бы имѣлъ сильнѣйшія страсти. Такимъ же образомъ и я не сталъ бы совсѣмъ отрекаться добродѣтели, не рѣшился бы сдѣлаться злодѣемъ, для того только что отвергалъ бы вѣчность. Для чего мнѣ ненавидѣть добродѣтель? Она всегда мнѣ будетъ нравиться. Природа вещей все такова же; но одна природа вещей не имѣетъ для меня никакой обязанности — по крайней мѣрѣ для нее я ничего не убавлю отъ моего высочайшаго щастія. Я и по природѣ вещей все остаюсь самъ для себя *ближайшимъ*. Какой законъ принудитъ меня оставить первое побужденіе природы моей? Если бы Самъ Богъ отъ меня этаго требовалъ, я и Его бы не послушалъ. Если нѣтъ вѣчности, или если нѣтъ Бога (что

все одно); то все клонится къ тому, чтобы я только здѣсь пожилъ хорошо. Могу я этой цѣли достигнуть добродѣтелью? — Тогда великодушіе, человѣколюбіе, умѣренность всегда будутъ имѣть для меня свою цѣну; но только въ такой мѣрѣ, какъ пріятна мнѣ будетъ казаться наклонность къ онымъ благороднѣйшимъ чувствованіямъ. Но если бы я имѣлъ сильнѣйшія страсти, которыя надлежало бы умерщвлять, дабы быть добродѣтельнымъ; тогда я лучше удовлетворялъ бы имъ безъ угрызенія. Ибо если я сотворенъ для этой только *смертной чувственной жизни*; то для чего мнѣ почитать обязанностью жить противъ природы моихъ чувственныхъ пожеланій? Да и кто бы мнѣ подалъ силы, отречься своего высочайшаго блага, не надѣясь за то никакаго вознагражденія?

Несовершенство чувственныхъ удовольствій для невѣрнаго не можетъ быть достаточною причиною къ отвращенію отъ оныхъ.

Скажутъ мнѣ: „чувственное удовольствіе несовершенно, скоро-преходяще, не „надежно.“ — Это я знаю. Но въ непостоянной жизни — такой, какова эта земная — въ мірѣ, которой по своей натурѣ есть преходящь, — я совершеннѣе, постояннѣе

блага не вижу; здѣсь то самое лучшее благо, которое меньше дѣлаетъ мнѣ безпокойства, которое несовершенство сіе дѣлаетъ для меня сносѣйшимъ; настоящая пріятная минута, — вотъ мое благо! Если все минется съ сею жизнію, то добродѣтель не есть надежное средство къ щастію моему. И самое внутреннее довольство непропорціонально съ добродѣтельными чувствованіями. При строжайшей добродѣтели малая ошибка не рѣдко сопровождается гораздо непріятнѣйшими слѣдствіями, нежели самой большой порокъ; по крайней мѣрѣ она при чувствованіи нѣжнѣйшемъ гораздо будетъ непріятнѣе, нежели для порочнаго всѣ его пороки; такъ точно какъ для здороваго малая боль не рѣдко бываетъ чувствительнѣе, чѣмъ для больнаго продолжительная, опасная болѣзнь.

Наконецъ что пользы мнѣ отъ всего постоянства добра, если не знаю: буду ли завтре имъ наслаждаться? Опасность здѣсь столько для черни; только для необдуманнаго, нескромнаго порока; только для явныхъ несправедливостей. А я, съ помощію своего благоразумія, безопасно могу удовлетворять своему корыстолюбію, своей гордости, своему мщенію и невоздержности, нимало не страшась законовъ,

или другихъ худыхъ послѣдствій! Я вижу столь же щастливыхъ порочныхъ, сколько и добродѣтель награжденную. Если нѣтъ вѣчности, то нѣтъ и Провидѣнія; все — слѣпая необходимость или случай; отъ нещастныхъ же приключеній никакая сила меня не укроетъ.

Совѣсть не можетъ быть уздою для невѣрнаго.

И свидѣтельство нашей совѣсти, которая столь мирно, сладко теперь награждаетъ насъ за всякое доброе дѣло, за всякую жертву, принесенную добродѣтели; которая обольстительный, приманчивый порокъ представляетъ намъ въ такомъ черномъ, страшномъ видѣ, — и оно не будетъ имѣть на насъ столь сильнаго дѣйствія, когда мы вѣчности въ виду не имѣемъ. — Правда, мысль о Богѣ такъ близка къ намъ, что какъ скоро только мы начинаемъ размышлять о своихъ дѣлахъ, Онъ всегда представляется нашему уму, даже когда бы мы и не знали Его ясно; мы не можемъ Его себѣ представить, не почувствуя тотчасъ въ себѣ чего-то неизъяснимо-успокоивающаго и страшнаго. Самой безбожникъ чувствуетъ сіе тайное безпокойство. Эта мысль столь сильна, что всю ложную систему его

проницаетъ; подобно солнечному свѣту, которой ощутителенъ и для закрытыхъ глазъ. Но если бы возможно было выдумать такую систему, которая бы сію мысль о Богѣ и Его провидѣніи, какъ невозможную, вовсе въ душѣ истребила; тогда бы конечно сами собою истребились сіи мирныя и вмѣстѣ безпокойныя чувствованія.

Красота добродѣтели не можетъ быть достаточною побудительною причиною для невѣрнаго.

„Но добродѣтель имѣетъ свое внутреннее совершенство и красоту.“ — Кто въ этомъ сомнѣвается? Но красота еще не есть обязанность. Она прелестна, но только для того, кто умѣетъ ее чувствовать. Что восхищаетъ меня, къ тому другой можетъ быть совершенно равнодушенъ. Наши чувствованія не столько зависятъ отъ свойства вещей, сколько отъ того расположенія нашей души, съ какимъ мы ихъ чувствуемъ. Свѣтъ всегда есть свѣтъ; но поверхность, на которую онъ падаетъ, различные изъ него дѣлаетъ цвѣты. Чтобы чувствовать красоту добродѣтели, надобно быть уже добродѣтельнымъ; по крайней мѣрѣ надобно имѣть въ душѣ совершенное уже къ тому расположеніе. Но если сильнѣйшія побужденія къ гордости,

невоздержанію, или скупости не дають мнѣ чувствовать сей мирной красоты скромности, умѣренности или безкорыстія; если я не знаю, буду ли когда нибудь ее чувствовать, предвидя по самой гробъ предстоящія мнѣ однѣ отверженія горькія, однѣ борьбы сильнѣйшія: гдѣ тогда возьму я мужества, отречься отъ настоящаго своего прочнаго удовольствія, отречься съ большимъ мученіемъ? Да и для чего? — Для мнимаго добра, котораго не знаю; для сладкаго энтузіазма, котораго никогда не чувствовалъ. Кто увѣритъ слѣпаго, что красота цвѣтовъ пріятнѣе гармоническаго концерта?

„Но не противорѣчитъ ли сему вся *Секта Стоическая*?“ — И выборъ Секты Стоической зависѣлъ отъ произвола каждаго; кто чувствовалъ въ себѣ наклонность къ ней, избиралъ ее; другіе столь же охотно ходили въ школу Эпикурову. Когда была въ модѣ Секта Стоическая, послѣдователи не могли не превозносить ея похвалами. Еслибъ возможно было, чтобъ и я еще не родившись имѣлъ волю избрать — *Кесаремъ* ли мнѣ быть, или *Антониномъ*; конечно и я избралъ бы для себя, быть послѣднимъ. Но что бы быть такимъ дѣйствительно, я долженъ бы имѣть такой же крошкой темпераментъ, такія же умѣренныя чув-

ствованія, такихъ же родителей, такое же тщательное воспитаніе, такихъ же учителей; да и при всемъ этомъ былъ ли бы я еще совершенный Антонинъ, когда бы не былъ Императоромъ?... — А вы, рожденные съ наклонностями Кесаревыми! Вы, подобно ему, не думаете ли, что несравненно благороднѣе, стремиться получить власть надъ цѣлымъ свѣтомъ, хотя бы это и еще стоило жизни нѣсколькихъ милліоновъ людей, чѣмъ писать нравственную книгу самому къ себѣ, о себѣ же самомъ? При всемъ томъ Антонинъ, какъ и всѣ Стоики, хотя темно, а предвидѣлъ вѣчность и надѣялся соединиться съ Богомъ. А я, не зная никакого соединенія съ Богомъ, отвергая по системѣ своей всякую вѣчность, прошивъ натуры поступилъ бы, когда бы, для неизвѣстнаго щастія, хотя малое что убавилъ отъ настоящаго удовольствія своего, въ чѣмъ бы его ни поставлялъ, — въ честяхъ ли, богатствѣ, или роскоши. Но еслибъ это неизвѣстное щастіе потребовало еще иногда жизни моей, — жизни, которой сохраненіе есть первый законъ натуры, и безъ которой я болѣе ничто: — что заставитъ меня тогда приносить столь великую жертву? Добродѣтель, любовь къ отечеству, благоденствіе человѣчества, — все это то-

гда для меня пустыя слова. Своенравіе, стыдъ, страхъ рабства, энтузіазмъ—могутъ, правда, побудить меня иногда, чтобъ я не дорожилъ и самою жизнію; но на сіе подвигло бы меня одно мое *Я*. Когда же прекращается оно; тогда и Богъ не силенъ ничего со мною сдѣлать. Мщеніе Его въ состояніи будетъ только взять отъ меня мою жизнь. Слѣдственно, если нѣтъ другаго во мнѣ существа, которое бы за гробомъ отъ добродѣтели чего-нибудь для себя надѣялось, мнѣ остается почитать ее добродѣтелью, что въ настоящемъ времени для меня пріятно. Ибо что за безумецъ былъ бы я, когда бы подвергалъ опасности жизнь, въ которой заключается все мое щастіе? Я посмѣялся бы надъ всякою философіею, которая совѣтовала бы мнѣ сократить жизнь, даже одною минутою. Что пользы мнѣ отъ благоденствія человѣчества, если я, содѣйствуя ему, самъ уничтожаюсь? Когда Творецъ самъ о немъ не печется; не глупо ли будетъ, мнѣ собою для него жертвовать? Строгой *Катонъ*, при всей своей энтузіастической любви къ отечеству, долженъ былъ ободриться чтеніемъ Платонова Федона, чтобъ умереть за республику.

Слава не можетъ быть достаточнымъ побужденіемъ къ добродѣтели.

Но скажутъ еще: „тебя ждетъ награда, знаменитѣйшее безсмертіе — безсмертіе имени твоего.“ — Это для *Александра*, которому завоевать свѣтъ стоило жизни милліоновъ людей. Онъ безсмертенъ; живетъ во всѣхъ монетныхъ кабинетахъ; можетъ быть и еще подъ развалинами Аѳинъ найдутъ какой-нибудь штрихъ, которой назовутъ знатоки штрихомъ его, приставятъ ему новую голову, и тѣмъ безсмертіе его возобновятъ. А *я* скромною добродѣтелью своею не пріобрѣту себѣ ни удивленія, ни монументовъ. Кто помнитъ, кто знаетъ нынѣ и васъ, Герои *Граникскіе*, Персидскими лошадьми растоптанные, когда вы снискивали безсмертіе вашему Александру?

Два главныя начала Религіи.

Но долго ли еще сплетать софизмы, которыми природа никогда оспорена быть не можетъ? — Справедливость и увѣренность въ вѣчной жизни суть двѣ существенныя истины Религіи; или ее вовсе нѣтъ. Справедливость или истинное стремленіе — подобиться Богу въ его всеобщей любви къ добру, есть первая исти-

на. Безъ нея никакой Религіи представить не возможно. Да и всякая Религія, не посредственно къ ней не руководствующая, есть комедія; и всякая добродѣтель, не внушающая всеобщаго человѣколюбія, есть фанатизмъ; всякая Религія, обѣщающая намъ благословеніе Божіе и вѣчное блаженство, безъ сей справедливости и человѣколюбія, есть обманъ. Но и всякая Религія, которая твердитъ намъ о справедливости, о любви къ человѣчеству, о побѣжденіи страстей нашихъ, а не даетъ никакого увѣренія о вѣчности, — научаетъ корыстолюбію; Философъ, убѣждающій насъ къ симъ добродѣтелямъ, не упоминая вовсе о вѣчности, смѣется надъ нашею натурою; а ослабляющій нашу надежду на вѣчность, есть самый люшѣйшій нашъ врагъ. Другихъ существенныхъ истинъ, или существеннѣйшихъ, прибавить къ истинной Религіи невозможно.

Какая Религія есть наилучшая?

Первую истину мы назвали *справедливостью*, а вторую для ясности назовемъ *успокоеніемъ* души. Обѣ онѣ могутъ имѣть свои степени. Познаніе Бога, Его совершенствъ, Его воли, можетъ быть у всякаго различно, въ разсужденіи ясности,

точности, основательности; равно и успокоеніе, или увѣренность въ благодати Божіей и вѣчности, можно представлять темно, ясно, сильно. Вообще же самая лучшая Религія есть та, которая подаетъ намъ о сей *справедливости* доказательство самое яснѣйшее, самое сильнѣйшее, самое убѣдительнѣйшее; та, которая представляетъ намъ о семъ успокоеніи увѣренность самую точнѣйшую, самую основательнѣйшую, самую надежнѣйшую; та наконецъ, которая объ сіи истины основываетъ на яснѣйшемъ познаніи Бога и Его совершенствъ. Вотъ два существенныхъ члена Вѣры! Прочіе важны по мѣрѣ ближайшей связи ихъ съ сими.

Необходимость наружнаго Богослуженія.

Но поелику оба сіи члены собственно составляютъ сущность только внутренняго Богослуженія; то да будетъ позволено мнѣ сдѣлать краткое замѣчаніе и о наружномъ.

Человѣкъ, живо тронутый совершенствами Божіими, чувствуя щастливое отношеніе, въ какомъ онъ состоитъ съ симъ Высочайшимъ Существомъ, не можетъ сихъ сердечныхъ пламенныхъ чувствованій своихъ не изъяснять и наруж-

но; не можешь не почитать важными и священными всѣ тѣ случаи, которые чувствованія сіи въ насъ возобновляютъ, возбуждаютъ, усугубляютъ; не можешь не стараться возбуждать таковыя чувствованія и въ ближнихъ своихъ, въ одинакомъ отношеніи съ нимъ состоящихъ. Вотъ три существенныя принадлежности наружнаго Богослуженія!

Начало Богослуженія наружнаго.

Начало его столь же древне, сколько Религія и самый родъ человѣческій. Ибо естественно, что всякой отецъ сѣмейства, тронутый величествомъ и благостію Творца, не только самъ по себѣ изливалъ предъ нимъ свои чувствованія; но считалъ святымъ долгомъ и сѣмейству своему внушать познаніе, благоговѣніе къ сему верховнѣйшему существу, содержа его въ страхѣ и упованіи на Него. Въ первыя времена, — времена простоты жизни и нравовъ у людей, — не могло быть у нихъ великолѣпныхъ зданій для Богослуженія. Простое поученіе премудрости и благости Божіей въ устроеніи и управленіи міра, святая съ сердцемъ согласная пѣснь и нѣсколько плодовъ, на возвышенномъ холмѣ, подъ тѣнистымъ древомъ, Божеству

въ знакъ благодарности по окончаніи работы приносимыхъ, — составляли, вѣроятно, все ихъ Богослуженіе. Конечно, при толикой простотѣ, отецъ семейства, между прочими своими дѣлами, все это исправлялъ еще самъ, — самъ былъ и служителемъ; можетъ быть, кочевая тогдашная жизнь не дозволяла имъ еще опредѣлить для такихъ собраній ни мѣста, ни времени.

Начало идолопоклонства.

Но съ продолженіемъ времени, при умножавшихся богатствахъ, въ тихой и безмятежной жизни, чувственность болѣе начинала господствовать надъ человѣкомъ, воображеніе болѣе получало пищи, и первобытная простота Богослуженія измѣнилась. Начали сплетать о существѣ Божіемъ разныя неудобопостижимыя мечты; старались чувственными представленіями сдѣлать Его для себя ощутительнѣе; вымышляли многихъ боговъ нижшихъ; умножали число ихъ умершими людьми, изъ благодарности къ нимъ, либо изъ лести; отъ чего произошли Миѳологіи и исторіи Боговъ. Вѣрили, что Боги обитали въ кумирахъ своихъ; и по мѣрѣ возвышенія искусствъ, старались обращать ихъ на сіи предметы лжесвятости.

Строили великолѣпныя капища; опредѣля-
ли праздничные дни; умножали жертвы и
пышныя церемоніи; съ тѣмъ вмѣстѣ ум-
ножались жрецы и прочіе служители. Сіи
усиливали народное къ себѣ почтеніе пыш-
ностію служенія; а дабы показать, что
они въ большомъ довѣріи у Боговъ, выду-
мывали оракуловъ, вымышляли разнаго
рода очищенія и ненатуральныя воздер-
жности. Чѣмъ пышнѣе, великолѣпнѣе и
чувственнѣе становилось Богослуженіе,
тѣмъ больше должна была затмѣваться
истинная Религія. Познаніе невидимаго Бога
и поклоненіе ему духомъ и истиною, при
химерическихъ божествахъ, начало мало
по малу угасать; а съ познаніемъ терялся
истинной путь и побужденіе ко спасе-
нію. Благочестивыя чувствованія, доколѣ
еще сохранявшіяся, погашались нелѣпыми
расказами о Богахъ; капища ихъ обраща-
лись въ театры распутства. Такимъ обра-
зомъ наружное Богослуженіе, долженствую-
щее быть средствомъ къ сохраненію ис-
тины Вѣры и Благочестія между людьми,
отъ неосторожнаго введенія столь мно-
гихъ чувственныхъ церемоній, производило
дѣйствія во-все тому противныя, такъ
что Божественная Религія никогда уже
не могла возвратить настоящаго своего
вида, пришли въ первобытную свою про-
стоту.

Однакожъ отъ злоупотребленія не можетъ и не должно прекращаться правильное употребленіе. Безъ всякаго наружнаго Богослуженія люди быть не могутъ. Тотъ не знаетъ ихъ, кто представляетъ ихъ себѣ Философами отъ природы. Безъ сомнѣнія, познаніе есть первое существенное основаніе истинной Религіи. Оно показываетъ намъ наши должности; оно раскрываетъ побудительныя причины, для чего обязаны мы ихъ исполнять. Чѣмъ чище, яснѣе, живѣе наши познанія; тѣмъ сильнѣе бываетъ и Религія. Потому сущность наружнаго богослуженія не въ другомъ чѣмъ либо можетъ состоять, какъ только въ ясномъ, къ пониманію слушателей близкомъ, трогательномъ поученіи, возбуждающемъ въ нихъ благочестивыя чувствованія; и опытъ доказалъ, что пѣніе и молитвы всего болѣе къ сему способствуютъ. Что бы познаніе сіе не лишилось своей силы и дѣйствія, необходимо образовать къ тому особливыхъ людей. Также, судя по связи, въ какой мы живемъ съ другими людьми, по чрезвычайной разсѣянности нашей, общее собраніе для сего, въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ, необходимо. Если отъ собранія сего все то удалено,

что можетъ обезпокоить душу, разсѣять мысли, и ослабить вниманіе къ важнѣйшимъ истинамъ; тогда цѣль наружнаго богослуженія почти достигнута. Прочіе обряды сколь возможно должны быть проще, значительнѣе, въ меньшемъ количествѣ. Множество ихъ и пышность всегда опасны для истинной Религіи; потому что они могутъ быть самымъ сильнымъ средствомъ къ уничтоженію прямой, спасительной цѣли наружнаго богослуженія, и къ содержанію людей въ самой низкой, глупой чувственности; между тѣмъ какъ истинное богослуженіе должно руководствовать ихъ къ разумному богопознанію, къ великому происходящему изъ того назначенію. Правда, намѣреніе чувственнаго великолѣпія сего хорошо, то есть, что бы внушить посредствомъ его благоговѣніе къ Высочайшему Существу, и возбудить тѣмъ въ сердцахъ народа святыя чувствованія. Но мысль — что великолѣпіе богослуженія должна соотвѣтствовать величеству Существа покланяемаго, и будто Высочайшее Существо вообще можно почтить чувственнымъ великолѣпіемъ — для истинной Религіи чрезвычайно опасна. Искореняйте ее сколь возможно; сердце человѣческое и безъ того очень склонно ко всему чувственному. Старайтесь сдѣлать

напротивъ для народа наружное богопочитаніе сколь возможно важнѣе, трогательнѣе; старайтесь, что бы оно было богопочитаніе разумное, достойное Существа Премудраго и Преблагаго; старайтесь внушать людямъ, что мы не можемъ иначе воздавать честь Богу, какъ если упованіемъ на него, довольствомъ своимъ, радостнымъ выполненіемъ воли Его, будемъ доказывать, что онъ есть нашъ Господь, мудрый и преблагій отецъ своихъ твореній. Раскрывайте народу высочайшую премудрость и благость, которую онъ ежедневно въ природѣ созерцаетъ, которую находитъ и въ исторіи собственной своей жизни. Такимъ образомъ онъ сильнѣйшее почувствуетъ благоговѣніе къ Богу, нежели какое можетъ въ немъ возбудить вся пышность церемоній. Такимъ образомъ и простолюдинъ съ благодарнымъ чувствомъ постигнетъ высочайшія истины Вѣры; ему ощутительна будетъ ея благодѣтельность, превосходство, божественность. Тогда утвердится благословенный союзъ между небомъ и землею; тогда честь Божія нераздѣльна будетъ отъ всеобщаго человѣколюбія, святость отъ благодѣтельности отъ чистоты и невинности сердца. Тогда наконецъ настанетъ щастливѣйшее время: нравы содѣлаются кротче и чище,

жизнь довольнѣе, труды сноснѣе, обхожденіе ласковѣе и дружелюбнѣе, связи святѣе, просвѣщеніе повсемственнѣе, истиннѣе.

РАЗМЫШЛЕНІЕ IV.

Отношеніе Религіи къ суевѣрію и невѣрію.

Теперь знаемъ мы всю свою Религію, все свое назначеніе. Мы должны быть благочестивы, то есть таковы, какъ требуетъ сего наше отношеніе къ Богу, связь съ нашими ближними, и наша собственная разумная природа. Къ сему должна быть устремлена вся наша душа, всѣ познанія, все добро, разумомъ одобряемое. Награда за сіе — наше спокойствіе, то великое спокойствіе, производимое увѣренностію, что Богъ вѣчно будетъ къ намъ милостивъ, и мы вѣчно будемъ ему пріятны.

Превосходство Религіи.

Еще разъ-обозрите теперь быстрымъ окомъ тѣ истины, на которыхъ оба сіи члены основываются. Маловаженъ ли предметъ сей? Строги ли чрезъ мѣру требованія? Не благородны ли причины побудительныя? Низка ли цѣль? — Соберите всѣ силы души вашей, и еще разсмотрите истины сіи. Мы теперь стоимъ на границахъ Христіанства; если онѣ справедливы, то вы не можете далѣе медлить—быть Христіаниномъ. Главныя начала Христіанства всѣ тѣже; только оно въ основаніяхъ своихъ яснѣе, въ требованіяхъ убѣдительнѣе, въ обѣщованіяхъ вѣрнѣе; оно не оставляетъ въ душѣ вашей никакихъ сомнѣній, слѣдственно и извиненій; оно пріуготовляетъ васъ лучше, средства подаетъ сильнѣе.

Сравненіе Вѣры съ нелѣпостью невѣрія

Есть ли тутъ какая темнота, что міръ начало свое получилъ отъ Разумнѣйшаго, Премудраго Существа? Понятнѣе ли для насъ случай слѣпой, необходимость вѣчно-мертвая? Есть ли какое прошиворѣчіе, что сей мудрый Творецъ сохраняетъ міръ въ продолженіе бытія его въ

шомъ порядкѣ, какой онъ по своей премудрости избралъ при созданіи его? Низко ли для сего безконечнаго Духа, что даже и всѣ врозь взятый творенія съ своими перемѣнами и дѣйствіями присущи въ умѣ его? Не прилично ли Ему требовать отъ нравственныхъ твореній своихъ, что бы они жили сообразно мудрымъ намѣреніямъ сотворенія, согласно съ разумною природою своею? Не уже ли разумъ нашъ имѣетъ право жаловаться на такое требованіе? Оскорбительно ли для насъ, имѣть въ виду жизнь вѣчную? Уже ли вѣчная ночь больше насъ утѣшаетъ, больше веселитъ, успокоиваетъ, — чѣмъ вѣчный переходъ къ совершенству большему, высшему? — Вѣчное уничтоженіе согласнѣе ли съ природою нашею? Внушаетъ ли оно намъ побужденія благороднѣйшія?

Общее понятіе о невѣріи и суевѣріи.

Здѣсь время намъ узнать *невѣріе* и *суевѣріе*. Невѣрный есть тотъ, который отвергаетъ истины сіи; суевѣрный, который не допускаетъ производить имъ благія свои дѣйствія.

Различные виды невѣрныхъ.

Невѣріе, преимущественно нынѣ философіею называемое, не всегда имѣетъ

видъ одинакій; оно часто перемѣняетъ маски свои. Въ прошломъ столѣтіи была мода, прямо отвергать бывшіе Божіе; а нынѣ перемѣнилась. Нынѣ говорятъ невѣрные: Богъ есть, но Онъ не входитъ въ дѣла міра сего. Они называютъ Его Творцемъ міра; но при происхожденіи его допускаютъ множество силъ посторонннихъ, независимыхъ, притягательныхъ, образующихъ, — такъ что Творецъ остается Творцемъ только по имени. Называютъ Его Творцемъ, но вмѣстѣ говорятъ, что кромѣ бытія Его, ничего нельзя знать о немъ достовѣрно. Называютъ Его Богомъ, но оспориваютъ духовную натуру Его, предполагая затерять Его въ вѣчной матеріи. Называютъ Его Творцемъ, но опредѣляютъ Ему мѣсто гдѣ-то внѣ творенія — тамъ, гдѣ и представить Его никакъ не возможно.—Смягченная, по видимому, система сія въ сущности своей остается всегда таже; она всегда расторгаетъ отношеніе между симъ Высочайшимъ Существомъ и человѣкомъ; человѣкъ остается безъ законовъ, безъ Судіи; или что все одно, онъ остается самъ полнымъ властелиномъ предписанныхъ ему законовъ.

Глупо-невѣрный.

Не станемъ здѣсь изслѣдывать, можно

ли въ наши просвѣщенныя времена человѣку съ здравымъ умомъ, съ добрымъ сердцемъ, быть невѣрнымъ. Такое изслѣдываніе мало сдѣлало бы чести человѣчеству; и мы, можетъ быть, оскорбили бы любовь, какую обязаны имѣть къ его слабости.

Говоря о здравомъ умѣ и добромъ сердцѣ, должны мы изъ сего числа изключить невѣрнаго по глупости. Разумъ такого человѣка никогда не возвышался до того, чтобъ размышлять о Творцѣ міра, или о своемъ назначеніи. Онъ только кажется невѣрнымъ, но невѣріе и богохуленіе на языкѣ его суть звуки пустые; онъ повторяетъ ихъ какъ бездушное эхо; онъ достоинъ сожалѣнія.

Порочно-невѣрный.

Другой по способностямъ своимъ могъ бы быть человѣкомъ, но онъ заглушилъ ихъ самыми низкими, грубыми пороками. Все его щастіе теперь въ томъ состоитъ, чтобы, не чувствуя разума и совѣсти, безпрестанно болѣе сближаться со скотами; для того онъ столько и изнуряетъ себя своимъ распутствомъ. Вкуса онъ давно уже лишился, однакожъ трепещетъ тѣхъ спокойныхъ минутъ, когда человѣче-

ство еще можетъ въ немъ пробудиться. Онъ не совсѣмъ надѣется на свои пороки, чтобъ они могли совершенно заглушить его совѣсть. Для сего онъ дѣлается деистомъ, и присоединяется къ Богохульникамъ. Теперь онъ спокоенъ, торжествуетъ; нѣтъ Бога, а въ немъ нѣтъ души; смерть его подобна смерти скотской. Такъ научили его думать Философы.

Невѣрный, такъ называемаго, хорошаго тона.

Отнесите къ сему классу и еще одно глупое твореніе. Это человѣкъ, желающій быть въ числѣ людей такъ незываемаго *хорошаго тона.* Одного безстыдства въ порокахъ для сего ему недостаточно; ему надобно еще быть Философомъ. Но Философъ есть человѣкъ, нѣмъ опличный отъ черни, что не вѣритъ ничему; и для того книги: *de l' Esprit, du Dictionaire portatif* дѣлаются любимымъ, единственнымъ его чтеніемъ. Умнѣе ихъ, убѣдительнѣе, сильнѣе, пріятнѣе — онъ въ жизни ничего не читалъ. Просвѣтясь ими, уже онъ начинаетъ дѣлать опыты, издѣвается надъ Религіею; видитъ свои успѣхи, самъ удивляется своему генію и талантамъ. Изрыгая хулу на Бога, нечаянно видитъ онъ

въ зеркало, что слуга его, стоя позади и слушая его, отъ объемлющаго ужаса, измѣняется въ лицѣ; — съ сей минуты онъ Философъ навсегда; онъ имѣетъ тому доказательство.

Притворно-невѣрный.

Не обманывайтесь также и надменною осанкою сего важнаго Философа. Это одна маска; голова, которую она покрываетъ, совершенно пуста; а сердце низко, черно. Между тѣмъ тонъ его всегда соотвѣтствуетъ гордой его личинѣ. Дабы вѣрнѣе найти истину, онъ ищетъ ее въ первыхъ источникахъ; читаетъ всѣхъ древнихъ авторовъ на природныхъ ихъ языкахъ; но чѣмъ больше въ нихъ роется, тѣмъ тверже увѣряется, что кромѣ матеріи ничто не возможно. Платонъ любимый его авторъ.—Сей недостойный заслуживаетъ все наше презрѣніе.

Невѣрный по убѣжденію причинъ. Источникъ заблужденія его.

Однакожъ очень возможно, не видать истины въ настоящемъ ея свѣтѣ человѣку здраваго ума и непорочнаго сердца. Гибельныя впечатлѣнія молодости, недостаточ-

ное воспитаніе, ложныя правила принятыя за истинныя, обманчивая точка, съ которой разсматривается истина, увлекающее остроуміе, очаровательныя разсѣянія, недовольно испытанная наклонность своего сердца: — но кто изчислитъ всѣ случаи, могущіе ослѣпить человѣческій разсудокъ? Только такой человѣкъ никогда не станетъ гордиться невѣріемъ своимъ, а еще меньше считать своею должностью— разсѣвать его. Для него Религія, по своей благодѣтельности, всегда будетъ священна; если же онъ другъ человѣчества, то еще и защищать ея будетъ стараться. Сомнѣнія своего онъ никому не откроетъ, развѣ самому искреннему своему другу; съ радостію будетъ онъ взирать на благодѣтельную увѣренность другихъ; и онъ почелъ бы себя самымъ недостойнѣйшимъ врагомъ человѣковъ, когда бы своими сомнѣніями нарушилъ щастливой ихъ покой. Мы судить такого человѣка не смѣемъ. Судія его есть Творецъ его; Онъ одинъ знаетъ, сколь важна вина его; Онъ съ мудростью и любовію будетъ его судить, а мы за него помолимся предъ Богомъ; Онъ можетъ еще его просвѣтить.

Характеръ невѣрнаго съ развратнымъ сердцемъ.

Но когда невѣрный начинаетъ лжеучительствовать; когда онъ считаетъ должностью своею снискивать себѣ послѣдователей; когда соблазняетъ простяковъ, будто невѣріе его есть истинная мудрость; когда всячески старается обратить въ посмѣяніе Религію, въ презрѣніе истину; когда возстаетъ противъ первыхъ основаній нравственности, питаетъ въ себѣ тайную ненависть къ добродѣтели: такое невѣріе безъ сомнѣнія происходитъ изъ испорченнаго, злаго сердца, и заслуживаетъ самое строжайшее разсмотрѣніе; ибо оно чрезвычайно вредитъ человѣчеству.

Основанія системы невѣрнаго.

Послушаемъ, что онъ говоритъ: Богъ, Провидѣніе, различіе между добромъ и зломъ, будущая жизнь, вся Религія—есть вымыслъ для обузданія лишь одной черни. Философъ, разумѣя тайну сію, глубже проникая природу вещей, не долженъ страшиться сихъ химеръ. Въ благоразуміи своемъ онъ довольно найдетъ средствъ къ достиженію своихъ намѣреній и безъ вѣры въ провидѣніе; найдетъ въ себѣ благороднѣйшія побужденія

къ добродѣтели и безъ вѣчности. Духъ, вооруженный такою Философіею, спокойно можетъ наслаждаться преимуществами своей природы; рабскія представленія будущаго Суда и вѣчности не возмутятъ его. — Вотъ языкъ высокопокорный, Философа достойный! Посмотримъ внимательнѣе на сію превосходную Философію.

Великіе Философы, просвѣтившіе вселенную, не были невѣрные.

Но изъ чего же видно превосходство такой Философіи? Научаетъ ли она насъ, съ большею проницательностію усматривать истину? Научаетъ ли лучше знать природу вещей и законы ея?—Нѣтъ; объ этомъ въ ней ни слова. Всѣмъ тѣмъ, что еще знаетъ до нынѣ Свѣтъ, обязанъ онъ единственно истиннымъ исповѣдателямъ Религіи. *Гроцій*, *Пуффендорфъ*, *Лейбницъ*, *Волфій*, *Локкъ*, *Невтонъ*, *Бойль*, *Боергавъ*, *Галлеръ*, *Голлаппъ*, *Сюлцеръ* — всѣ исповѣдывали Религію не изъ страха къ инквизиціи; не подстрекали ихъ и богатые духовные доходы, дабы содержать Свѣтъ въ суевѣріи. По крайней мѣрѣ всѣ они могли бы о семъ ничего не говорить; но они напротивъ того по собственной своей доброй волѣ, по своему выбору и вкусу признавали своею

должностью, поставляли себѣ за честь — явно защищать истину и превосходство Христіанской Религіи.

Система невѣрія ведетъ къ невѣжеству.

И такъ поелику невѣріе называютъ изящнѣйшимъ именемъ Философіи, открывающей намъ нѣкія чрезвычайныя блага: то само собою разумѣется, что блага такой Философіи прямо заключаются въ отверженіи Высочайшаго Существа, Творца, вѣчности. — Но гдѣ же тутъ просвѣщеніе, толико прославляемое? Яснѣе ли, возвышеннѣе ли становятся познанія мои, когда я не вижу нигдѣ первой причины? Идея безжизненной, вѣчно-мертвой матеріи достаточнѣе ли изъяснитъ мнѣ законы природы? Лучше ли раскрываетъ таинства ея? Уже ли искуство — все разрушать и разстроивать, гораздо благороднѣе и величественнѣе Архитектуры?

Невѣріе не предполагаетъ Геніа превосходнаго.

Я Геній превосходнѣйшій! — Но возможно ли, если я машиною себя почитаю?.. Важнѣе ли я самъ для себя, когда думаю, что моя разумная природа на вѣки уни-

что жится съ моею жизнію? Чувствую ли себя одушевленнымъ чрезъ то гораздо благороднѣйшими побужденіями? Или презрѣннѣе ли становлюсь самъ для себя, когда признаю надъ собою безпредѣльно-разумное существо? Отвергая Провидѣніе, больше ли пріобрѣтаю власти надъ участью своею; больше ли могу управить теченіе вещей и причины посредствующія къ выполненію своихъ намѣреній? И низко ли для человѣка искать благоволенія у Творца міра? Положимъ, что я Его и боюсь; но унижаюсь ли чрезъ то въ душѣ своей? Истинная Философія говоритъ, что мнѣ должно быть добродѣтельнымъ изъ благороднѣйшихъ побужденій; но и Религія тому же учитъ. Она учитъ, что изъ любви къ Высочайшему Существу я долженъ всячески стараться быть подобнымъ Ему во всеобщей любви къ добру; это долженъ я доказать моею благоразумною любовію къ человѣчеству и господствованіемъ надъ своими страстьми. Не благородно ли это?

Невѣріе не усугубляетъ свободы.

Но скажутъ: Философъ свободнѣе; съ его Философіею природа находитъ свои права; его Философія освобождаетъ человѣка отъ рабскихъ оковъ суевѣрія, нау-

чаетъ лучше наслаждаться жизнію, успокоиваетъ совѣсть, удаляетъ всѣ несносныя ея безпокойства. — Философія обѣщаетъ намъ больше свободы!... Но въ чѣмъ состоитъ свобода сія?.. Въ томъ ли, что бы слѣпо предаваться всѣмъ нашимъ страстямъ? Или въ томъ, что бы по собственному выбору стремиться къ тѣмъ только предметамъ, которыя почитаемъ для себя приличными, правильными, насъ достойными? Религія позволяетъ намъ только послѣднее.

Невѣріе не умножаетъ нашихъ наслажденій.

Говорятъ еще: Философія позволяетъ намъ лучше наслаждаться удовольствіями нашей жизни. — Тоже позволяетъ и Религія, только несравненно лучше. Вся ея сущность состоитъ въ руководствѣ къ совершеннѣйшему удовольствію. Удовольствій жизни она ни мало не запрещаетъ; она напротивъ еще обязываетъ насъ ими наслаждаться; обязываетъ, чтобъ тѣмъ возбудить въ насъ признательность къ благости нашего Бога. Она только хочетъ, что бы мы наслаждались ими непорочно, вполнѣ, безбоязненно, спокойно. Почему и полагаетъ границы сему наслажденію тамъ, гдѣ можетъ подвергаться опасности наше здоровье,

наша честь, нашъ покой, наша довѣренность у людей, большее благо ближнихъ нашихъ и наше высочайшее назначеніе.

Конечно потребны чрезвычайныя усилія, чтобь границъ сихъ никогда не преступать; и въ семъ случаѣ Религія подаетъ намъ великую помощь. Геройская Философія, правда, избавляетъ васъ и отъ пособій сихъ и отъ усилій; ибо она границъ тѣхъ не знаетъ, страстямъ даетъ свободу совершеннѣйшую; для нихъ она позволяетъ жертвовать всѣмъ — законами естественными, честью, удовольствіями другихъ. Но чѣмъ же при томъ обезпечиваетъ она вашу честь, достоинство вашего характера, спокойствіе вашей души, ваше удовольствіе настоящее и будущее? Не уже ли вы не думаете никогда пресытиться всѣми удовольствіями міра? Не уже ли чувства ваши никогда не притупятся? Не уже ли вы никогда не переживете самихъ себя? Не уже ли можете до такой степени отречься отъ собственной своей природы, что никогда не обратите взоровъ вашихъ на себя самихъ, и не ужаснетесь? Положимъ, что вы на нѣкоторое время и заглушите себя; но уже ли никогда не пробудятся въ васъ представленія о Богѣ, о вѣчности?

Невѣрный на смертномъ одрѣ.

Если сія Философія можетъ укрѣпить своего послѣдователя, то пусть снабдитъ его сими двумя потребностями: пусть ободритъ его умереть въ свое время; а прежде нежели это сдѣлаетъ, пусть ему докажетъ, (я говорю, докажетъ; произвольныя положенія, острая игра словъ, нѣсколько важныхъ изрѣченій — не значатъ здѣсь ничего) пусть ясно докажетъ ему, что Высочайшее Существо не можетъ быть Существо живущее, разумное; пусть по крайней мѣрѣ докажетъ, что хотя и есть такое Существо, но оно о твореніяхъ своихъ ни мало не печется; что оно, будучи вездѣсуще, видѣть ихъ не хочетъ; что оно не отмститъ за честь своего закона, за добродѣтель, за человѣколюбіе, которое старался невѣрный искоренять ядовитымъ своимъ ученіемъ, соблазнительнымъ примѣромъ. Пусть она въ этомъ его увѣритъ; увѣритъ такъ, что бы разсудокъ никогда его о томъ не безпокоилъ; такъ, что бы совѣсть никогда ему о томъ не напоминала; такъ, что бы онъ даже считалъ то совершенною невозможностью. Въ противномъ случаѣ онъ долженъ будетъ скоро проклинать сію Философію. Скоро — все уже настало время, когда истины

сіи должны быть рѣшены... Слабое біеніе пульса возвѣщаетъ конецъ нечестивому... Се! разверзаются предъ нимъ врата вѣчности!.... Совѣсть въ ужасномъ трепетѣ пробуждается; средства, усыплявшія оную нѣкогда, остаются недѣйствительны; она начинаетъ говорить голосомъ ужаснѣйшимъ, она заглушаетъ всѣ очаровательныя голоса прежнихъ сиренъ, она требуетъ рѣшенія; воображеніе представляетъ ужасную, черную картину жизни протекшей; насмѣхавшееся прежде надо всѣмъ остроуміе изнемогаетъ теперь въ судорожныхъ движеніяхъ; геройскія правила начинаютъ колебаться.... Мудрецъ! Теперь-то доставь обѣщанной покой ученику своему! Часъ рѣшительный насталъ; жизненный пульсъ остановляется; сердце только—одно сердце трепещетъ еще отъ отчаянія.... Докажи ему въ сіи минуты: что совѣсть есть только одно пустое воображеніе; что Творецъ никогда его не зналъ; что Онъ никогда не видалъ нечестивыхъ усилій его — изгнать изъ міра добродѣтель, сдѣлать торжествующимъ порокъ; что Онъ никогда не захочетъ отмстить за многія невинныя жертвы гордости, зависти, сладострастія; докажи ему теперь къ его утѣшенію, (ибо теперь это было бы утѣшеніе) что онъ умираетъ не лучше скота. — Но уже онъ мертвъ.

Жизнь и смерть благочестиваго.

Но посмотрите напротивъ на мудраго, Религіею образованнаго. Онъ такой же человѣкъ, какъ и тотъ. По видимому онъ чрезъ свою Религію ни мало не щастливѣе; упованіе его на Бога не освобождаетъ его отъ обыкновеннаго теченія вещей и отъ соединенныхъ съ тѣмъ превратностей; но онъ превратности сіи сноситъ великодушнѣе, бывъ увѣренъ, что все управляется рукою мудраго и благаго Провидѣнія, которое никогда его не выпускаетъ изъ виду. Онъ не только вѣритъ сему, но знаетъ и изъ исторіи своей жизни, сколь благодѣтельны бывали для него такія приключенія. Бремя, тягостящее его, заставляетъ иногда желать, освободиться отъ онаго и быть щастливѣе; но вспомнивъ прошедшее, размысливъ о большемъ щастіи, какимъ теперь наслаждается, онъ оставляетъ свое желаніе. Онъ имѣетъ такъ же и свои радости. Можетъ быть, онѣ не столь громки, какъ невѣрнаго; но за то онъ наслаждается ими съ такими чувствованіями, какихъ у того на сердцѣ никогда не бываетъ. Онъ наслаждается ими, какъ предназначенными благодѣяніями Божіими, безъ упрека, безъ страха, съ увѣренностію и во всей пол-

ношѣ. Онѣ для него всегда новы; невинность ихъ всегда придаетъ имъ новыя прелести, новыя удовольствія, при которыхъ онъ смѣетъ помыслить о Богѣ; ибо онъ наслаждается ими съ умѣренностію, какую предписываетъ ему Религія. Ограниченность сія для чувственныхъ наклонностей его столь же непріятна, сколько и невѣрующему; и для того онъ весьма не рѣдко въ безмолвіи оплакиваетъ ихъ силу, а свою слабость. Но по крайней мѣрѣ онъ непрестанно желаетъ мало по малу побѣдить ихъ совершенно; бодрость его усугубляютъ небольшія поверхности, одерживаемыя имъ надъ собою, съ помощію Религіи; а радостнѣйшее увѣреніе о благоволеніи къ нему Бога непрестанно приводитъ душу его въ то щастливое расположеніе, которое распространяетъ спокойствіе и веселость при всякихъ случающихся въ жизни обстоятельствахъ. Таковыя удовольствія не извѣстны невѣрующему при всемъ его щастіи, какимъ превозносится; онѣ не зависятъ ни отъ живости чувствъ, ни отъ обстоятельствъ жизни; онѣ никогда не наскучаютъ; онѣ всегда имѣютъ новыя прелести; источникъ ихъ находится въ насъ самихъ, между тѣмъ какъ невѣрующій непрестанно гоняется за своими радостями, ищетъ ихъ съ изнеможеніемъ

силъ;—удовольствія, которыя друга своего никогда не оставляютъ, съ нимъ шествуютъ въ поле, сопутствуютъ въ пути, при всѣхъ жизненныхъ буряхъ подаютъ новую бодрость, во всѣхъ занятіяхъ его услаждаютъ и съ новою прелестію опять принимаютъ его въ домѣ;—сіи удовольствія оставаются удовольствіями и тогда, какъ притупляются всѣ наружныя чувства; тогда, когда невѣрующій никакой радости болѣе не знаетъ, никакой надѣяться не смѣетъ. Сей охладѣвши ко всѣмъ радостямъ, ожидая съ часу на часъ смерти, или вѣчнаго уничтоженія своего, борется съ отчаяніемъ; между тѣмъ какъ благочестивый съ чрезвычайною веселостію ожидаетъ возвѣщеннаго ему перехода къ назначенію высочайшему. И се! наконецъ наступаетъ сей важнѣйшій для него часъ! Съ послѣдней ступени сей онъ еще разъ бросаетъ безпристрастный взоръ свой на протекшую свою жизнь. Но отъ горести, отъ стыда, едва можетъ разкрыть свои глаза; ибо онъ повсюду видитъ унижающіе его слѣды слабости человѣчества; въ юности — вѣтренность и распутство, въ мужествѣ — погрѣшности, въ старости — упущенія и слабости. Хотя къ утѣшенію своему не слышитъ онъ ни прокляній, ни стоновъ; но все это еще не успокоиваетъ его совер-

шенно. Онъ чувствуетъ, что онъ могъ бы любить Бога своего гораздо искреннѣе, пламеннѣе; могъ бы въ жизни своей для ближнихъ быть несравненно благодѣтельнѣе. Это огорчаетъ его. Желая во всемъ раскаяться, онъ еще строжайше испытываетъ свою совѣсть, разкрываетъ всѣ тайные изгибы своего сердца, хочетъ вспомнить, познать свои грѣхи, и омыть ихъ послѣдними слезами: но по непонятному таинству Божественной любви, всѣ грѣхи его предъ нимъ изчезаютъ. — Его печаль премѣняется въ неизъяснимое спокойствіе; онъ чувствуетъ, что онъ содѣлался другомъ Божіимъ... Въ сію минуту отверзаются предъ нимъ врата вѣчности.... — Какое восхищеніе!... Какое чудо любви!... Всѣ чувства его обнять ее не могутъ; разумъ его никогда такъ себѣ ея не представлялъ. Тутъ онъ чувствуетъ все достоинство естества своего; видитъ предъ собою степени совершенства, до которыхъ возвыситься ему слѣдуетъ; духъ его томится — желая освободиться отъ оковъ, еще его обременяющихъ. Но уже наступаетъ минута благословенная!... Настала — и онъ умираетъ. — Кто теперь изъ сихъ двухъ, по мнѣнію вашему, есть мудрѣйшій?

Что есть суевѣріе.

Столь же важно для насъ узнать и суевѣріе. Подъ симъ именемъ я разумѣю всѣ тѣ прибавленія къ Религіи, которыя не бывъ узнаны и испытаны, принимаются за существенныя ея принадлежности, и ни на справедливость нашу, ни на успокоеніе существеннаго вліянія не имѣютъ.

Суевѣріе имѣетъ степени, не такъ какъ невѣріе.

Изъ сего опредѣленія видно, что суевѣрный имѣетъ многія степени, чего въ невѣрномъ совсѣмъ нѣтъ. Сей всегда равно опасенъ и для вѣры, и для общества. Признаетъ ли онъ Бога, а отвергаетъ Провидѣніе; признаетъ ли то и другое, а отвергаетъ будущую жизнь: всегда отвергаетъ все цѣлое. Ибо онъ разторгаетъ связь между человѣкомъ и Высочайшимъ Существомъ, и тѣмъ пріобрѣтаетъ дерзость столько дѣлать зла, сколько позволяетъ гражданская безопасность. Суевѣріе напротивъ хотя можетъ состоять только изъ такихъ прибавленій, которая на сущность Религіи непосредственно вреднаго вліянія не имѣютъ; однакожъ все оно для ней опасно, хотя бы гдѣ было и самое невиннѣй-

шее; все не согласно съ достоинствомъ нашей природы.

Суевѣріе унижаетъ разумъ.

Разумъ нашъ есть первое великое преимущество нашего естества, посредствомъ котораго Творецъ поставилъ насъ выше всѣхъ прочихъ твореній; посредствомъ котораго мы уподобляемся Самому Ему; также какъ Онъ, бываемъ благодѣтельны; также какъ Онъ, совершенны; посредствомъ котораго мы вѣчно можемъ переходить къ большему совершенству и щастію.

Отвергать сіе достоинство — всегда есть важнѣйшее преступленіе; но гдѣ важнѣе оно быть можетъ, какъ не въ Религіи? Хотя суевѣріе оставляетъ въ насъ чувство Религіи; оно имѣетъ и свое спасеніе, свое успокоеніе: но что пользы отъ сего слѣпаго чувства, какъ скоро мы чрезъ эту слѣпоту подвергаемся опасности — обременишься такими положеніями, которыя не дѣлаютъ насъ ни благодѣтельнѣе, ни спокойнѣе? Противъ невѣрія разсудокъ всегда возстаетъ прежде, потому что оно лишаетъ его чувствованій, съ природою его не раздѣльныхъ: напротивъ суевѣріе, оставляя разсудку темное чувство есте-

ства своего, не примѣтно доводитъ человѣка до ослѣпленій столь же опаснѣйшихъ, и всегда оканчивается невѣріемъ.

Гибельныя слѣдствія суевѣрія.

Всѣ гнусности идолопоклонства, всѣ ужасы фанатизма произошли изъ сего слѣпаго чувства. Доброе намѣреніе отъ сего не предохраняетъ. Изъ злаго намѣренія самое безразсуднѣйшее суевѣріе никогда не выдумывалось. Обманъ тогда только начинается, когда гордость и корыстолюбіе усматриваютъ въ томъ свои выгоды и хотятъ ихъ за собою удержать. Хотя сначала прибавленія бываютъ и невинны, но всегда, рано или поздно, бываютъ опасны.

Суевѣріе препятствуетъ распространенію Религіи, затмѣвая Божественный ея характеръ.

Самый первый великій Характеръ Религіи есть ея *повсемѣстность*. Она должна приличествовать всѣмъ людямъ, всякимъ способностямъ; должна быть свойственна всѣмъ временамъ и состояніямъ; должна руководствовать ко всеобщему совершенству, сколько позволяетъ человѣческая природа и учрежденія общежитель-

ныя: вотъ ея границы! Какъ скоро человѣкъ съ дерзостнымъ суемудріемъ отваживается ихъ преступать, тогда лишаетъ ее сего Божественнаго характера ' превращая или въ безпредѣльное умозрительное пустословіе, или въ мифологію. А за симъ необходимо слѣдуетъ, что съ первымъ она лишается своей Божественной плодоносности, съ послѣднею въ глазахъ разсудка теряетъ все свое Божественное достоинство.

Средства къ предупрежденію суевѣрія.

Религія всегда оставляетъ то право человѣку, что бы онъ разсудкомъ своимъ, сколько силъ его достаетъ, повѣрялъ ея истины. Нелѣпость Религіею никогда быть не можетъ. Да и можетъ ли быть какая-нибудь заслуга для Религіи — когда отвергается то совершенство, чрезъ которое Богъ благоволилъ насъ содѣлать способными къ ней? Потому я смѣло могу пользоваться всѣми открытіями, какія къ просвѣщенію моему доставляетъ Философія, испытаніе природы, и все ученіе нашего времени. Религія не только не запрещаетъ, но еще требуетъ, что бы я пользовался сими пособіями. Требуетъ того отъ меня слава Бога моего, моя собственная природа, мои единовѣрцы и взаимная наша связь,

что бы я посредствомъ всѣхъ сихъ пособій, установленныхъ Провидѣніемъ для большаго просвѣщенія свѣта, болѣе и болѣе увѣрялся въ истинѣ и Божественности своей Религіи, и тѣмъ побуждалъ другихъ къ большей справедливости и удовольствію. Не почитаю я злоупотребленіемъ ума своего, когда въ семъ намѣреніи воспаряю воображеніемъ своимъ въ высшія сферы моего будущаго прославленнаго состоянія, стараюсь слабымъ взоромъ своимъ разпознать таинство уготованнаго тамъ для меня совершенства: однако въ семъ случаѣ для моего ума и воображенія всегда должны оставаться священными границы Религіи. Мои открытія и объясненія могутъ казаться для меня понятны, истинны, важны; но для другаго могутъ быть темны, соблазнительны: какъ было бы дерзко, если бы я, признавъ ихъ для Религіи существенными, сталъ принуждать къ нимъ и другихъ! Всякой разсудокъ имѣетъ право думать самъ о Религіи и познавать ея основаніе. Именемъ Божественныхъ повелѣній требую я отъ васъ должностей и усилій; симъ именемъ предлагаю вамъ обѣщанія; но ни чего, ни другаго причинъ вамъ объявить не хочу: какъ это жестоко! Религія безъ познанія есть тоже, что человѣчество безъ разсудка. Отъ-

нявъ послѣдній, въ чемъ состоять будетъ первое? — Такъ, если бы Религія состояла столько въ однихъ формахъ, што познаніе было бы не нужно. Но если она должна руководствовать, ободрять, побуждать человѣка къ истинной справедливости, то безъ познанія она не есть Религія; ибо гдѣ я ничего непредставляло, тамъ все перестаетъ. Отговорка, будто человѣкъ къ тому не способенъ, есть языкъ тиранства. Сдѣлай Религію столь простою, что бы ее понималъ всякой простолюдинъ; болѣе отъ него Богъ не требуетъ. Да и какой разсудокъ столь слабъ, чтобы не понялъ въ Религіи столько, сколько потребно къ его *успокоенію* и *справедливости*? Какому простолюдину не можно внушить *познанія*, *упованія*, *почитанія* и *любви* къ *мудрому* и *благому Отцу Природы*; не можно объяснить сокрытыхъ въ сердцѣ его натуральныхъ *чувствованій доброхотства* и *человѣколюбія*; а при сихъ чувствованіяхъ льзя ли ему не понять основаній и *успокоенія* своего? Если разсудокъ сначала кажется тупъ и лѣнивъ, сему причиною способъ ученія. Хотите ли оказать ему услугу? Принаровите свое ученіе къ его способности. Это самое надежнѣйшее средство, умножить силы его; ибо Религія разуму не противорѣчитъ. Еслижъ ученіе

не произведетъ такихъ чувствованій, то что помогутъ всѣ искуственныя прибавленія?

Суевѣріе подвергаетъ опасности Религію.

Кромѣ безполезности, онѣ еще подвергаютъ опасности Религію. Чѣмъ онѣ ослѣпительнѣе, тѣмъ больше бываютъ почитаемы и нечувствительно заступаютъ мѣсто существенныхъ догматовъ Религіи, или поставляются съ ними наравнѣ. Энтузіазмъ къ нимъ увеличивается; отверженіе ихъ, или непризнаніе почитается ересью, наказанія стоющее; здравый разсудокъ не смѣетъ тогда размышлять, и привыкаетъ всегда больше къ пустымъ звукамъ; а чѣмъ меньше при томъ размышляетъ, тѣмъ онѣ для него становятся святѣе. При семъ существенное, полезнѣйшее ученіе Религіи безпрестанно дѣлается маловажнѣе, и она отъ поддѣланнаго вида въ глазахъ самаго разсудка теряетъ все свое Божественное достоинство.

Суевѣріе всегда приводитъ къ преобразованію опасному.

Всякія прибавленія, даже съ наилуч-

шими намѣреніями введенныя, носятъ на себѣ печать Философіи, образа мыслей и нравовъ своего вѣка. Въ семъ случаѣ для Религіи нѣтъ ничего опаснѣе (о! какой упрекъ для разума!) какъ большее просвѣщеніе. Ибо что дѣлать тогда, если при семъ ясномъ свѣтѣ даже самому обыкновенному разсудку попадется какое либо лживое, соблазнительное прибавленіе, которое люди столь давно почитаютъ существенною принадлежностію Религіи? Подвергать ли его въ такомъ случаѣ испытанію Философіи? Но какой Философіи — Притомъ такимъ образомъ истины Религіи подвергнутся всякимъ системамъ; ибо Философія никогда не бываетъ безъ Философовъ. О! сколь опасно было бы для Религіи такое преобразованіе!

Суевѣріе оканчивается невѣріемъ.

Защищать ли всѣ сіи прибавленія, вопреки просвѣщенію времени? — Но такимъ образомъ вся Религія предается нападеніямъ разсудка; Философы самовластно начнутъ ея преобразовать; невѣріе всегда будетъ мѣшать только на суевѣріе, и ядовитыми стрѣлами своими всегда будетъ поражать самую Религію. Добродушный исповѣдатель, неприкосновенный и никогда не осмѣливающій-

ся различать существеннаго отъ сихъ прибавленій, при семъ смятеніи почувствуетъ тайное подозрѣніе ко всякому руководству Религіи, и станетъ вѣрить только тому, что разсудокъ его одобряетъ; или первымъ соблазнителемъ научень будетъ, отвергать всякую Религію. Хотя слѣпое чувство Религіи будетъ еще удерживать его отъ совершеннаго ея отверженія; но она уже не будетъ доставлять ему той радости и силы, какую онъ долженъ собственно отъ ней получать. Не имѣя точной увѣренности, онъ будетъ колебаться между небомъ и землею, будучи слишкомъ добръ для того, чтобъ вовсе ея отвергнуть, и слишкомъ слабъ для того, чтобъ совершенно признать. Непрестанно будетъ переходить отъ невѣрія къ суевѣрію, не получая никогда пользы ни отъ того, ни отъ другаго. Не смѣетъ онъ пуститься во всѣ пороки, но не имѣетъ помощи и отъ Религіи — воспротивиться самомалѣйшему искушенію. Предъ Философами своими онъ будетъ поносить Божество и предаваться самымъ постыднѣйшимъ порокамъ; а чрезъ минуту, устрашенный своею совѣстію, раскаяваясь во всемъ, терзаясь обо всемъ, — рѣшится опять всему вѣрить, будетъ умерщвлять разсудокъ свой вмѣстѣ съ тѣломъ своимъ, будетъ стыдиться себя самаго.

Суевѣріе разрушаетъ гармонію между естественными должностями.

Сколь же нещастное направленіе получаютъ и практическія прибавленія, если не будутъ умѣряемы съ крайнимъ благоразумiемъ. Религія предписываетъ намъ три главныя должности: *любовь къ Богу, всеобщую благодѣтельность и человѣколюбіе, и укрощеніе своихъ страстей*; исполняя ихъ, мы назидаемъ свое собственное совершенство. Сіи три должности суть нераздѣльны; ихъ гармонія, то есть, что они всѣ три вмѣстѣ всегда могутъ быть выполнены, не вредивъ одна другой, составляютъ въ Религіи собственно Божественный характеръ всеобщей благодѣтельности. Какіяжъ еще можетъ выдумать человѣкъ прибавленія, которыя бы не были для нее опасны? — Я согласенъ, что они сперва могутъ быть изобрѣтены съ самымъ хорошимъ, съ самымъ невиннымъ намѣреніемъ; но Религія не менѣе подвергается опасности, затеряетъ сію щастливую гармонію своихъ должностей, сіе существенное ея преимущество, для возвышенія человѣка. — Основаніе всѣхъ моихъ должностей есть Богъ, и Религія мнѣ повелѣваетъ помнить о семъ Всевысочайшемъ Существѣ при всѣхъ моихъ

жизненныхъ занятіяхъ; она повелѣваетъ еще, что бы я въ извѣстное время всего себя посвящалъ на размышленіе о Немъ. Но я хочу быть еще святѣе; — хочу оставить всѣ мірскія занятія, хочу разторгнуть всѣ связи съ людьми, что бы никто не помѣшалъ набожнымъ моимъ занятіямъ; хочу запершись молиться, и больше ничего не дѣлать. — Религія повелѣваетъ мнѣ быть столько благодѣтельнымъ, сколько имѣю возможности; повелѣваетъ съ разсужденіемъ помогать неимущимъ братіямъ своимъ, благоразумно способствовать облегченію всеобщаго бѣдствія. Но я хочу быть еще святѣе; — хочу все свое имѣніе употребить на человѣколюбивыя заведенія; хочу построить домы, въ которыхъ всякой, кто только захотѣлъ бы быть бѣднымъ, не трудясь находилъ бы себѣ довольное содержаніе; а мое семейство, лишась отъ того средствъ къ пропитанію своему, всегда можетъ найти себѣ милостыню у дверей сихъ заведеній. — Религія меня научаетъ, что я не могу выполнить должностей ни къ Богу, ни къ ближнему, коль скоро не буду укрощать страстей своихъ, не буду остерегаться мірскихъ прелестей, не буду всегда имѣть въ виду тлѣнности ихъ и своей. Но я хочу быть еще святѣе; — хочу отказать себѣ даже

Суевѣріе изпровергаетъ нравственность, подобно невѣрію.

Да и всегда ли еще въ этихъ только границахъ остается суевѣріе? Нѣтъ! Оно принимаетъ даже правила противныя истинной нравственности и общежитію; оно проповѣдуетъ ненависть къ человѣчеству; учреждаетъ *Варфоломѣевы ночи*; при небесныхъ обѣщаніяхъ вооружаетъ подданныхъ противъ Государей, а Государей дѣлаетъ мучителями своихъ подданныхъ, для славы Божіей; оно *Мармонтеля* почитаетъ ерешикомъ, а *Бузенбаума* классическимъ Авторомъ по части нравственной. Въ такомъ случаѣ суевѣріе ужаснѣе невѣрія, и сіе послѣднее для торжества своего надъ Религіею ничего больше желать не можетъ. По видимому оно будетъ вооружаться противъ суевѣрія, но въ самомъ дѣлѣ будетъ нападать на самую Религію. Сколь мало возставало оно противъ самаго безумнѣйшаго суевѣрія древней Греціи и Рима, чрезъ которое истреблены были первѣйшія основанія всей Религіи и добродѣтели! Если бы оно старалось только очистить Религію, для него ничего не было бы легче, какъ различить существенныя истины ея, которыя при всякихъ прибавленіяхъ всегда бываютъ видны! Но оно слишкомъ опасается

Суевѣріе производитъ энтузіазмъ.

Мало того, что такія прибавленія всегда быстро распространяются, они еще непрестанно возбуждаютъ энтузіазмъ; а что можетъ быть заразительнѣе сей болѣзни? Странное, ненатуральное всегда больше насъ поражаетъ, больше привлекаетъ къ себѣ и послѣдователей; особливо нравоученіе необычайное. Оно разгорячаетъ воображеніе, льститъ гордости, и душу содержитъ въ непрестанномъ напряженіи. Ибо дѣлающіе существеннымъ малозначущее, всегда дѣлаютъ малозначущимъ существенное. Всякое нравоученіе, дающее высокую цѣну произвольнымъ, необычайнымъ добродѣтелямъ, въ такой же мѣрѣ уничижаетъ предъ нами добродѣтель истинную, простую; и вмѣстѣ уменьшаетъ отвращеніе отъ пороковъ дѣйствительныхъ. Отъ того-то въ глазахъ народа бываютъ святыми фанатикъ и тартюфъ; а человѣкъ честной, доброй ремесленникъ, непрестанно находящійся въ трудахъ, дабы тѣмъ пропитать свое семейство, дѣтей своихъ сдѣлать полезными членами обществу, и такимъ образомъ сколько возможно способствовать благу общему, — остается забытъ, вовсе неизвѣстенъ.

такихъ, для которыхъ должны были приносить въ жертву людей? Карфагенцы не гораздо ли были бы щастливѣе, когда бы первымъ законодателемъ своимъ имѣли *Крицiя*, невѣрившаго ни Богамъ, ни духамъ, нежели какъ отъ своего основателя обязаны стали приносить Сатурну таковыя же безчеловѣчныя жертвы?

Полезна ли обществу Религiя? Невѣрующiе въ семъ несогласны.

Посмотримъ теперь, какое имѣетъ отношеніе Религія къ Гражданскому обществу. Ея противники несогласны еще между собою, съ какой стороны въ семъ случаѣ нападать на нее. Одни говорятъ, что Религія необходима для благосостоянія государства; другіе, что государство и безъ ней могло бы быть столь же щастливо. Не надобно думать, что бы сіи два, одно другому противныя положенія употреблялись не для одинаковой цѣли. Защищающіе необходимость Религіи для Государства умствуютъ такимъ образомъ: Религія ничто иное есть, какъ одна политическая выдумка; потому всегда надобно ее сохранять, и чернь содержать въ тѣхъ мысляхъ, что есть Провидѣніе, которое накажетъ за обманъ, за клятвопре-

ступленіе, за измѣну. Это тѣмъ лучше, что законы не столь сильны въ семъ случаѣ. Между тѣмъ Философъ не будетъ столь глупъ, чтобъ при выполненіи намѣреній своихъ устрашился призрака мстящаго Божества.—Утверждающіе же, что идея о Богѣ безполезна для общества, ведутъ къ цѣли своей кратчайшимъ путемъ; они даже предполагаютъ, что мнѣніе сіе имѣетъ особенныя свои выгоды. Общество, говорятъ они, и безъ Религіи столь же хорошо стоять можетъ: и такъ для чегожъ не избавить намъ себя отъ сихъ людей, непрестанно безпокоющихъ насъ своимъ тягостнымъ ученіемъ? Они враги общественнаго покоя. Сколь щастливо живутъ, сколь спокойно умираютъ тамъ, откуда изгнаны сіи несносныя мечты! Тамъ златыя времена, гдѣ люди не знаютъ иныхъ Боговъ, кромѣ добрыхъ, покойныхъ, которые, заключившись въ своемъ небѣ, даже и не думаютъ о земныхъ человѣкахъ. Какъ процвѣтаетъ такое государство! Оно всемъ избыточествуетъ, что только потребно къ благоденствію людей! — Первая Философія есть собственно древняя, когда еще не было никакого Беля. Но какъ скоро сей озарилъ міръ *великимъ* своимъ ученіемъ, будто общество и изъ безбожниковъ состоять можетъ; то система его нашла

болѣе приверженцевъ. Между тѣмъ, поелику для невѣрія никакое оружіе не опаро и не гнусно, оно беретъ всегда себѣ въ помощь и древнюю систему. Противники Религіи легко соглашаются въ теоріяхъ, какъ скоро усматриваютъ въ томъ хотя не большую для себя выгоду.

Польза Религіи не доказываетъ, будто она выдумана политикою.

Первая система утверждаетъ, что Религія къ сохраненію Государства необходима: мы разсмотримъ только одно изъ оной заключеніе, какъ самое странное.—Религія для Государства необходима; по сему она ничто иное есть, какъ изобрѣтеніе политики. — Это было бы все равно, еслибъ я умствовалъ такимъ образомъ: Астрономія есть наука необходимая для мореплаванія; по сему она произошла отъ страсти обогащаться. Справедливо, что всѣ древніе законодатели почитали Религію необходимою, и ни одинъ изъ нихъ столько не довѣрялъ своей политикѣ, что бы отважился презрѣть оную. Какой бы ни былъ климатъ, обычаи, образъ правленія; но Религія всегда оставалась для нихъ непремѣнною принадлежностью государства. Ибо законы могутъ обуздать только яв-

ныя преступленія, да и то очень не многія; а невоздержаніе, распутство, безсовѣстность, обманъ, жестокосердіе — отнюдъ не подлежатъ ихъ власти, хотя равно вредны человѣчеству и обществу. Сверхъ сего мудрое правительство и само никогда не отважится ограничивать многіе пороки законными наказаніями. Ибо злость отъ того сдѣлалась бы только гораздо хитрѣе; она выдумывала бы сокровенные пути и новые пороки, въ которые и самый беззаконнѣшій народъ никогда бы не впалъ. Но и при всей такой строгости законовъ, для добродѣтели не было бы еще никакого ободренія. При порокахъ пріемлются въ разсужденіе только частныя дѣйствія; а добродѣтель требуетъ награды сполна. Какія же средства найдетъ общество къ ободренію ея? — Блестящія, ослѣпляющія награды для сего не удобны; онѣ только умножили бы обманъ и лицемѣріе; а скромная, домашняя добродѣтель тысящекратно была бы помрачаема для того, чтобъ не препятствовала достигать своихъ видовъ наглому злодѣю. — Такое несовершенство конечно безпокоило первыхъ законодателей; и потому-то нѣкоторой острой головѣ—это долженъ быть *Крицій*—почастливилось представить Бога Существомъ всевѣдущимъ, вездѣсущимъ, копо-

рой правитъ Свѣтомъ, которой видитъ всѣ, даже и сокровенныя дѣйствія человѣческія, и по непремѣняемой своей любви къ добру не оставляетъ никого безъ награжденія и безъ наказанія. Такое изобрѣтеніе произвело свое дѣйствіе: люди, жившіе доколѣ какъ звѣри, слѣпо его приняли; а такимъ образомъ — продолжаютъ невѣрные — и вошло въ свѣтъ понятіе о Богѣ, о Провидѣніи и о будущей жизни! — Слѣдственно сіи понятія ни мало не основываются на человѣческомъ разсудкѣ и на природѣ вещей? — По вашей Философіи не основываются, ни мало не основываются; онѣ ничто другое, какъ выдумка. — Слѣдственно благоденствіе всего человѣческаго общества основывается на одномъ обманѣ? . . . Здѣсь вся природа превращена: — обманъ, которой производитъ повсемѣстственныя, непремѣняемыя, благодѣтельныя послѣдствія; — истина, отъ которой, если бы она была повсемѣстственною, весь свѣтъ долженъ бы былъ погибнуть! — Да и какой же законодатель осмѣлится представить себѣ, что бы выдумка, которой основанія люди не находятъ ни внутрь себя, ни внѣ, могла обуздать весь ихъ образъ мыслей, всѣ ихъ порывистыя наклонности, и притомъ съ безконечно-большею силою, нежели всѣ за-

коны? Ссылаться ли въ такомъ случаѣ на дикость первыхъ людей? Но это еще больше затрудняетъ рѣшеніе. Гдѣ уже есть вообще чувствованіе Религіи, тамъ легко, подъ симъ предлогомъ, разными суевѣрными внушеніями устрашить и на что либо склонить не размышляющій народъ: но никогда не льзя надѣяться, обуздать его выдумкою, которая не основывается на природѣ; а при возрастающемъ просвѣщеніи разума по большей части еще противнаго должно страшиться.

Религія древнѣе всѣхъ государствъ.

Замѣтимъ сверхъ сего, что Религія гораздо древнѣе всѣхъ государствъ. Самые древнѣйшіе законодатели предполагали извѣстное отечественное Богослуженіе, которому перваго начала нигдѣ въ Исторіи найти не льзя. Извѣстно время, когда начали обожать Изиду, Юпитера; но поклоненіе звѣздамъ, боготвореніе людей, и всѣ символическія представленія Боговъ предполагаютъ древнѣйшее понятіе о Существѣ Высочайшемъ, которое благотворя во всей природѣ, явственно доказываетъ свое бытіе. Древнѣйшія Египетскія божества совсѣмъ не были человѣки. Да и не натурально, что бы сначала разсудокъ

выдумывалъ многія божества; сіи ничто иное суть, какъ измѣненія первоначальнаго, совершеннѣйшаго и чистѣйшаго понятія о Существѣ Всевысочайшемъ, которое разсудокъ необходимо всегда себѣ представлялъ въ первыя времена; но которое потомъ мало по малу совершенно изкажено. Въ семъ случаѣ я ссылаюсь единственно на Г. *Вольтера*. — И такъ это собственно древняя система, какъ я уже сказалъ.

Можетъ ли общество состоять изъ безбожниковъ?

Новѣйшая система появилась съ просвѣщеніемъ послѣдняго вѣка. Предъ древнею она то особое имѣетъ преимущество, что избѣгаетъ сего труднаго возраженія: если Религія есть столь необходимая и священная тайна политики, то почему почитающіе ее такового по большой части на нее нападаютъ?... По крайней мѣрѣ первые изобрѣтатели сей тайны обманывались совсѣмъ иначе. И потому освобожденіе отъ сего стѣсненія естественно снискало сей системѣ больше друзей. Если общество можетъ столь же хорошо состоять и безъ Религіи, то для чего дѣлать и самомалѣйшее стѣсненіе?

Какъ должно судить о Белѣ.

Кажется мнѣ, что Беля, которой своимъ остроуміемъ, живостью и пылкостью мыслей столько прославился, не льзя обвинять, что бы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ врагъ Религіи. Есть въ сочиненіяхъ его многія мѣста, гдѣ онъ съ непритворною горячностью защищаетъ духовную природу Высочайшаго Существа, сотвореніе міра, Провидѣніе и будущую жизнь; даже доказываетъ Превосходство и Божественность Откровенія. Однако же какъ великъ ни былъ сей Философъ, но не могъ избѣжать низкой слабости — повсюду блистать своею остротою. Отъ чего и происходитъ, что онъ не только при всѣхъ случаяхъ, даже самыхъ важнѣйшихъ, шутитъ до омерзѣнія и не рѣдко площадно, но еще не умѣетъ наблюдать и границъ истины; что онъ по большей части старается, гдѣ только можно, съ ослѣпляющею остротою утвердить нелѣпыя положенія, а напротивъ самыя сильнѣйшія сдѣлать подозрительными; а потому для недальновидныхъ читателей онъ иногда бываетъ столь же опасенъ въ разсужденіи Религіи, какъ если бы былъ и дѣйствительный ея врагъ. Больше всего заслужилъ онъ презрѣніе безразсуднымъ своимъ поло-

женіемъ, будто *общество можетъ состоять и безъ Религіи.* Монтескю говоритъ о немъ: его книга о кометахъ начата нападеніемъ на Религію вообще, а окончана измѣною Христіанской.

Софизмы Бела.

Поелику защитники невѣрія всегда ссылаются на сего побѣдоноснаго своего героя; для того я и предложу здѣсь краткo всю связь его хитросплетеній. Онъ книгу свою начинаетъ тѣмъ, что кометы не были истолкованіемъ Божіихъ намѣреній. Доказываетъ онъ это между прочимъ тѣмъ, что Богъ такими чудесами утвердилъ бы только суевѣріе и безбожіе между язычниками; и хотя чрезъ то предотвращено было бы совершенное безбожіе; но пользы изъ того мало, когда безбожіе такое же почти есть зло, какъ и идолопоклонство. Ибо язычники при идолопоклонствѣ своемъ такія производили злодѣйства, какихъ можно ждать только отъ совершенныхъ безбожниковъ. Невѣріе напротивъ не необходимо руководствуетъ къ порокамъ. Потому что метафизическія положенія никакого не имѣютъ вліянія на дѣйствія нравственныя; сіи у людей происходятъ совсѣмъ изъ другаго источника, которой

одинаковъ какъ у суевѣрныхъ, такъ и невѣрныхъ, и котораго никакая теорія не дѣлаетъ ни лучше, ни хуже. Посему, какъ не льзя сказать о безбожникѣ, что онъ необходимо долженъ быть порочной; такъ и о порочномъ не льзя сказать, что онъ вовсе не имѣетъ никакой Религіи. Доказали это самые величайшіе злодѣи, которые оказывали великое благоговѣніе къ святынѣ своей Религіи; доказали крестовые походы и Французская исторія; поелику сей дворъ никогда не былъ столь порочень, какъ когда оказалъ жестокую свою ревность къ гоненіи *Гугенотовъ*. Слѣдственно если Религія никакого не имѣетъ вліянія на нравы; то общество можетъ состоять и изъ безбожниковъ. Безопасность общества зависитъ единственно отъ законовъ; и поелику невѣріе не истребляетъ натуральныхъ чувствованій благоприличія, чести и стыда; притомъ и понятіе о правомѣрности дѣйствій зависитъ не отъ познанія Бога, а отъ внутренней оныхъ доброты; слѣдственно для добродѣтели всегда остается довольно побужденія; а потому и не слѣдуетъ, что бы безбожникъ былъ необходимо порочень; онъ будетъ слѣдовать побужденію своего темперамента, остерегаясь между тѣмъ нарушенія законовъ.

Опроверженіе софизмовъ Бела.

Словъ куча; обманчивыхъ оборотовъ и софизмовъ множество! Онъ всѣ слова и выраженія беретъ въ трехъ, или еще и болѣе значеніяхъ, не опредѣливъ наперед изъ нихъ ни одного; онъ всемъ пользуется, чѣмъ только надѣется подкрѣпить свое положеніе.

Не стану я здѣсь изслѣдывать всѣхъ его увертливыхъ оборотовъ и повтореній, которыми онъ всегда старается ускользнуть отъ вниманія читателя. Для примѣра довольно представить нѣкоторыя мѣста. Первое его положеніе: если бы Богъ даже чудесно воспрепятствовалъ быть совершенному безбожію у народа идолопоклонническаго; то пользы не было бы отъ того никакой, потому что безбожіе и идолопоклонство ни чѣмъ не лучше одно другаго. Здѣсь главный обманъ, что онъ минуетъ всѣ степени, какіе въ идолопоклонствѣ и суевѣріи быть могутъ, и чтобъ уловить читателя, по видимому говоритъ только о высочайшей степени идолопоклонства; въ послѣдствіи же что къ нему, то къ Религіи склоняетъ рѣчь свою. Если бы онъ здѣсь лучше изъяснился, обманъ его былъ бы тотчасъ открытъ. Ибо если разумѣть, что онъ говоритъ здѣсь толь-

ко о высочайшей степени идолопоклонства; то конечно оно никакой пользы не приноситъ. Если же говоритъ онъ о меньшей степени его, то и разумъ и Исторія ему въ томъ противорѣчатъ. Когда люди доходятъ до яснѣйшаго познанія Религіи, говоритъ авторъ *разума законовъ*, тогда суевѣріе не только излишне, но и опасно. Между тѣмъ и несовершеннѣйшая Религія для общества необходима, чтобъ обезопасить честность людей; ибо законы могутъ наказывать только явныя преступленія. — Волтеръ говоритъ: по слабости человѣческой для общества всякое возможное суевѣріе, если только оно не кровожадное, всегда бываетъ лучше, нежели невѣріе. Для страстей человѣческихъ такая узда необходима. Конечно глупо, приносить жертвы Божеству фанатическому; но полезно, когда люди, боясь быть наказанными отъ божества сего за свои пороки, воздерживаются отъ нихъ. Ибо, при всемъ идолопоклонническомъ почитаніи выдуманныхъ символическихъ низшихъ Боговъ, всегда остается темное чувство Высочайшаго Божества награждающаго. Сіе доказывается святостію клятвъ и договоровъ у Грековъ и Римлянъ, пока Эпикурова Философія не истребила вовсе и сего чувства о Высочайшемъ Существѣ. И

шакъ хотя бы *Бель* подъ неопредѣленными словами идолопоклонства и не скрывалъ нападеній своихъ на самую Религію; но и тогда не доказалъ бы, что *Государство безъ Религіи* состоять можетъ.

Прочія его положенія сплетены изъ такой же обманчивой игры словъ. Я предложу здѣсь только одно, непрестанно имъ повторяемое: что люди дѣйствуютъ не по теоретическимъ правиламъ, а по своимъ чувственнымъ наклонностямъ, и что Христіане въ этомъ не розняться съ невѣрными. Религія, говоритъ онъ, (здѣсь уже нѣтъ больше рѣчи о идолопоклонствѣ) ни къ чему другому не служитъ, какъ что бы только говорить хорошія поученія о должностяхъ; между тѣмъ всякой человѣкъ слѣдуетъ той наклонности, какая ему пріятнѣе. Почему и безбожникъ, какъ человѣкъ, не можетъ быть необходимо болѣе прочихъ пороченъ, хотя онъ и не одинаковую теорію имѣетъ о порокахъ и о ихъ наказаніяхъ. А вотъ и заключеніе изъ того: если Религія не имѣетъ никакого вліянія на нравственность; если Христіанинъ и безбожникъ дѣйствуютъ по одинакимъ побужденіямъ: то почему же общество и изъ безбожниковъ столь же хорошо состоять не можетъ? — Несносно видѣть всѣ обманчивые его извороты, по-

средствомъ которыхъ онъ хочетъ достигнуть своей цѣли. Но маска уже сорвана; онъ открыто говоритъ о Религіи; а если бы онъ въ самомъ началѣ лучше изъяснился, то измѣна его тотчасъ была бы видна. Ибо если бы онъ хотѣлъ сказать, что великіе обѣты и побудительныя причины Религіи никакого не имѣютъ вліянія на нравственность людей, даже и на краткое время; то онъ опровергнулъ бы тѣмъ у людей всякой разсудокъ: если же хотѣлъ бы сказать только, что люди не всегда слѣдуютъ правиламъ ими познаннымъ, но часто увлекаются буйными своими страстьми; то было бы смѣшно, если бы онъ хотѣлъ вывесть изъ того какое-нибудь возраженіе противъ Религіи. Такимъ образомъ можно бы было сказать, что и законы безполезны, и что государство безъ нихъ обойтись можетъ.

Хотя онъ и говоритъ иногда съ нѣкоторою ограниченностію, что человѣкъ не всегда слѣдуетъ своимъ правиламъ; но поелику тѣмъ не надѣется достигнуть своей цѣли, то оставляя вдругъ ограниченіе, беретъ опять свое положеніе въ полномъ его значеніи. Опытъ доказываетъ, говоритъ онъ далѣе, что Религія не исправляетъ наклонностей человѣческихъ. — Но какая Религія?.. Притомъ развѣ нѣтъ различія

между поверхностнымъ, легкомысленнымъ познаніемъ Религіи, и между живымъ чувствованіемъ великихъ ея истинъ? Да и что у него значитъ слово — исправлять? здѣсь такая же двузначительность. Мало ли степеней имѣетъ сіе исправленіе? Если человѣкъ посредствомъ Религіи и не всегда достигаетъ совершеннаго, постояннаго господства надъ своими страстьми; слѣдуетъ ли изъ сего, что она и вовсе не имѣетъ никакого вліянія на нравственность? Сколь благодѣтельны остаются дѣйствія Религіи, если она хотя изрѣдка укрощаетъ силу страстей, удерживаетъ буйственные ихъ порывы! — Сплетая такія двусмысленности и софизмы, легко ему было наконецъ вывесть и то заключеніе, что общество можетъ состоять изъ безбожниковъ. Мало сего; онъ отважился еще утверждать, что оно и щастливо быть можетъ. Ибо если Религія не имѣетъ никакого вліянія на нравственность, а вся безопасность государства зависитъ отъ законовъ; то и самая лучшая Религія столь же мало приноситъ добра, сколь мало дѣлаетъ вреда самое дерзкое невѣріе. Потому что безбожникъ не необходимо пускается во всѣ пороки, но только въ тѣ, къ которымъ влекутъ его наклонности, остерегаясь при томъ, чтобы не нарушить

законовъ. И такъ здѣсь мы имѣемъ настоящее описаніе безбожнаго государства: всякой его членъ не больше дѣлаетъ зла, какъ сколько ему хочется, и сколько позволяетъ собственная его безопасность. — Но нужноли было для сего писать такую большую книгу?... Нужно ли было такое искуство, такое велерѣчіе?..

Система ла Метри.

Ла Метри искреннѣе, откровеннѣе Беля. Его безбожникъ такъ же благоразуменъ, какъ и Белевъ гражданинъ. Онъ никогда не думаетъ о Богѣ; совѣсть свою старается заглушить, или не внемлетъ ея голосу; добродѣтель для него есть странной вымыслъ, никогда не трогающій его сердца; къ одному только палачу онъ сохраняетъ полное уваженіе. Бель говоритъ: въ Исторіи нѣтъ нигдѣ описанія полному безбожному государству. Но для насъ оно и не нужно. Г. Галлеръ описалъ намъ, каковъ долженъ быть въ такомъ государствѣ правитель, судья, стряпчій, купецъ; каково должно быть воспитаніе и сѣмейственная жизнь. Хотя мы не находимъ въ Исторіи совершенно безбожнаго государства; по крайней мѣрѣ видимъ такія, которыя очень близко къ нимъ подхо-

дятъ: стоитъ только прочесть исторію послѣднихъ Египетскихъ и Сирійскихъ Государей, такъ же Римскую во времена Кесаревы. Вся Римская знать въ это время были систематическіе безбожники, по собственному признанію автора Философическаго словаря; что самое, присовокупляетъ сей Авторъ, и было причиною неизбѣжнаго паденія Рима. Однакожъ Римъ не льзя еще почесть государствомъ совершенно безбожнымъ; въ немъ были по крайней мѣрѣ законы древнихъ мудрыхъ временъ, которыми сохранялся еще общественный союзъ; а Стоическая Философія, жестокостію Императоровъ снова возбужденная, поддерживала еще и человѣчество, чтобъ оно съ добродѣтелью не совершенно погибло.

Система Мандевиля.

Мандевиль между тѣмъ еще дерзостнѣе Беля. Онъ утверждаетъ, что пороки для государства полезны; а напротивъ при всеобщей добродѣтели оно вовсе состоять бы не могло. — Но и онъ доказываетъ также, какъ Бель. Весь вздоръ его основывается на двухъ незначущихъ двусмысленностяхъ; первая состоитъ въ томъ, что онъ пороки и натуральныя наклонности между собою смѣшиваетъ. — Не льзя быть государству безъ частныхъ пороковъ; но

пороки должно умѣрять, ограничивать. Какія же границы сіи? Другихъ нѣтъ, кромѣ тѣхъ, которыя полагаетъ нашимъ пожеланіямъ Религія; и онѣ будутъ тогда ничто иное, какъ страсти же наши, но обузданныя. Но какія же теперь пороки, которыя могли бы быть полезны для общества? Распутство ли, сѣмейства разстроивающе? Обманъ ли въ торговлѣ? Лихоимство ли? Не повиновеніе ли дѣтей къ родителямъ? Клятвопреступное ли нарушеніе всякихъ условій? Нѣтъ! Все его пустословіе напослѣдокъ оканчивается тѣмъ, что онъ хочетъ доказать пользу *роскоши*. (*Luxe*).

Свойство роскоши.

Но *роскошь* бываетъ двухъ, совсѣмъ различныхъ свойствъ. Вообще она состоитъ въ утонченіи чувственнаго вкуса въ вещахъ, къ удовольствію и покойности жизни относящихся. Такая роскошь — если только въ цѣломъ не превышаетъ силъ Государства и частныхъ его членовъ, и если нравственностію управляется — ни мало не вредна Государству. Напротивъ она возбуждаетъ духъ, поощряетъ промышленность, умножаетъ средства къ пропитанію, разсыпаетъ удовольствія въ жизни,

уменьшаетъ бѣдность, обогащаетъ природу, и всему человѣчеству придаетъ должную красоту и достоинство. Да и Религія истинная отнюдь не имѣетъ столь мрачнаго фанатизма, что бы осуждала невинное чувствованіе изящнаго; что бы темную, неопрятную хижину почитала святѣе правильно-расположеннаго, покойнаго дома; или нѣжную мелодію стройной музыки; хорошо пріуготовленное кушанье, поставляла не столько богоугоднымъ, какъ отвратительное козлогласованіе, или грубыя, сырыя травы. Самая природа есть величайшая чувственная красота, и съ симъ чувствованіемъ всегда можетъ быть совмѣстно истинное чувство чистѣйшей изъ всѣхъ Религій. Богатый, истиннымъ чувствомъ Религіи одушевленный, всегда за долгъ себѣ поставишъ отдѣлять такимъ образомъ часть своего имѣнія, дабы тѣмъ споспѣшествовать всеобщему благоденствію Государства, въ которомъ онъ живетъ; всегда будетъ для него первымъ и святѣйшимъ долгомъ, непосредственно облегчать настоящее бѣдствіе неимущихъ братьевъ своихъ. Но при всемъ этомъ существенная должность любви къ человѣчеству всегда отъ него требуетъ, что бы онъ имѣніе, Богомъ ему данное, благоразумнымъ, состоянію своему приличнымъ образомъ

употреблялъ для споспѣшествованія всеобщей промышленности, и для ободренія художествъ. Ибо онъ чрезъ это гораздо больше можетъ распространишь благодѣтельныя свои чувствованія ко всѣмъ трудолюбивымъ своимъ согражданамъ; помогая такимъ образомъ не только имъ вести жизнь покойнѣйшую, но и лучше воспитывать своихъ дѣтей, онъ благу общества, въ которомъ живетъ, гораздо благороднѣйшимъ и дѣятельнѣйшимъ образомъ способствовать можетъ, нежели когда бы все свое богатство употребилъ на такія заведенія, которыя хотя и облегчали бы настоящія нужды бѣдняковъ, но въ *цѣломъ* умножали бы бѣдность.

Если же разумѣть чрезъ роскошь то необузданное, вѣтренное *сладострастіе* и *расточительность*, когда съ нарушеніемъ добраго порядка, нравственности и Религіи, всѣ скописки устремятся къ чувственному удовольствію, поставляя въ немъ все свое щастіе: то это опять есть самая жестокая язва, какая только можетъ постигнуть общество человѣческое;—язва, которая отравляетъ весь человѣческій образъ мыслей, разслабляетъ всѣ душевныя силы, погашаетъ все чувствованіе честности, человѣколюбія, великодушія; которая все достоинство природы человѣческой

унижаетъ до скотской; человѣчество въ самомъ его основаніи обезсиливаетъ; въ юности готовитъ прокляпіе для старости; разстроиваетъ порядокъ; приводитъ въ смятеніе всѣ состоянія; вѣру и вѣрность уничтожаетъ; покрываетъ всѣ возможныя несправедливости и злодѣйства; возбуждаетъ праздность, истощаетъ природу, разрушаетъ самыя щастливѣйшія области, богатство дѣлаетъ средствомъ къ жесточайшей бѣдности; словомъ — *сладострастіе* и *расточительность* ведутъ за собою всѣ возможныя прокляпія, какія могутъ только постигнуть человѣчество. Вотъ Мандевилева великая политическая тайна! Это роскошь, блаженство цвѣтущихъ нашихъ временъ.

Религія не есть причиною фататизма.

Но—говорятъ невѣрные—что помогутъ всѣ защищенія, всѣ похвалы Религіи, когда во всѣхъ странахъ Свѣта видны еще печальные слѣды ужаснаго изступленія и фанатизма, которые въ первой разъ, къ нещастію человѣчества, ввела въ свѣтъ Религія, и съ тѣхъ поръ всегда имѣетъ ихъ неразлучными своими спутниками? Производила ли когда такія ужаснѣйшія сцены Философія, — хотя бы она не вѣрила ни

бытію Бога, ни Провидѣнію, ни вѣчности? Омочала ли она когда-нибудь невинныя свои руки въ крови Государей? Невѣріе вооружало ли когда нибудь подданныхъ противъ Правителей своихъ? Проповѣдывало ли кресповые походы, складывало ли костры сожигательные? Сколь безопасно всеобщее благоденствіе и спокойствіе свѣта при такой Философіи! — Но чего не льзя опасаться человѣчеству и впередъ, доколѣ сіе изступленіе Вѣры совершенно не истребится? —

Изступленіе разсматриваемое какъ добродѣтель.

Изступленіе! Фанатизмъ! Вотъ нынѣ тѣ громкія слова, которыми невѣріе вдругъ хочетъ одержать побѣду надъ всею Религіею; и всѣ Философическіе отголоски, въ слѣдъ за великими своими предшественниками, изъ всей силы нынѣ кричатъ: Изступленіе!.. Изступленіе! — Не распространяясь много, я скажу, что Религія, (я и сіи мудрецы разумѣемъ подъ симъ именемъ Христіанство) безъ изступленія вовсе быть не можетъ. Всякое изступленіе состоитъ въ живѣйшемъ, пламенномъ представленіи великаго добра. И такъ возможно ли безъ изступленія чувствовать великія истины

о Богѣ, о вѣчности? — И должно ли симъ упрекать Религію?.. Не есть ли она самая высочайшая, самая благороднѣйшая степень чувствованія, до какой только можетъ возвыситься наша душа? Не есть ли она основаніе всякой благотворной дѣятельности въ свѣтѣ, душа всѣхъ великихъ предпріятій? Отнимите сіе щастливое побужденіе у воина, отнимите его у патріота, у поддаинаго; отнимите у дружбы — отнимите и поставьте на его мѣсто низкой, холодной *Философской эгоизмъ*: онъ кромѣ себя ничего не чувствуетъ; онъ всѣ желанія соединяетъ въ подломъ своекорыстіи; онъ всѣ благородныя великодушныя чувствованія любви къ человѣчеству превращаетъ въ мертвую, Стоическую безчувственность.

Что такое Фанатизмъ?

Не спорю, что сіе изступленіе можетъ быть иногда слишкомъ неумѣренно, и для спокойствія общественнаго вредно, если, не бывъ озарено разсудкомъ, принимаетъ ложную пользу за истинную. — Сіе-то *собственно Фанатизмомъ* называть должно. Но такой Фанатизмъ не есть болѣзнь Религіи, а болѣзнь человѣка. Впрочемъ развѣ не возможно, что бы Религія озарилась

свѣтомъ, разума достойнымъ? Развѣ она къ сему вовсе неспособна? Развѣ Богъ и вѣчность суть такія идеи, которыхъ здравая душа и представить не можетъ, не подвергшись опаснѣйшему припадку сего Фанатизма?

Суевѣріе есть причиною Фанатизма.

Но поелику люди столь легко смѣшиваютъ Религію съ суевѣріемъ; и поелику суевѣріе, подъ видомъ Религіи, столь легко дѣлается фанатическимъ: по сей причинѣ Религія остается всегда опасною для общаго спокойствія. — Такъ, свѣтъ довольно имѣетъ причинъ жаловаться на сіе нещастное изступленіе суевѣрія. Но должно ли винить въ этомъ Религію? — Ту Религію, которая самыми сильнѣйшими побудительными причинами убѣждаетъ людей ко всеобщей благодѣтельности и умѣренности? (Богъ и вѣчность — какія убѣжденія сильнѣе быть могутъ?) Должно ли винить ее во всѣхъ неистовствахъ суевѣрія, когда исповѣдники ея не всегда бываютъ довольно просвѣщены, и увлекаются сердостію и своекорыстіемъ.

Философія можетъ произвесть Фанатизмъ.

Не видимъ ли мы также, какъ нѣко-

гія сумазбродныя головы, многіе нечестивцы выдаютъ за Философію свои бредни, или злодѣйства? Не прикрываютъ ли многіе наглецы самыхъ гнуснѣйшихъ неистовствъ своихъ именемъ свободы и любви къ отечеству? — Это суть случайныя слѣдствія благороднѣйшихъ человѣческихъ преимуществъ. Если онѣ не должны быть, тогда кладбище есть самое щастливѣйшее состояніе людей, гдѣ всѣ въ Философской тишинѣ покойно другъ подлѣ друга лежатъ и исплѣваютъ. При всемъ томъ развѣ истинная свобода и не имѣетъ уже своихъ существенныхъ и несравненно большихъ преимуществъ; и если злоупотребленіе имени ея производитъ иногда для черни тирановъ, то не производитъ ли она также и своихъ Чатамовъ? Не произведетъ ли и Религія, которая непрестанно проповѣдуетъ любовь къ человѣчеству, согласіе, справедливость и умѣренность, и которая въ воздаяніе за то обѣщаетъ милость Творца и блаженство вѣчное, — не произведетъ ли и она свойственныхъ ей добрыхъ дѣйствій, которыя въ *цѣломъ* ко всеобщему благоденствію свѣта всегда способствуютъ больше, нежели сколько наносятъ для него вреда суевѣріе и Фанатизмъ?

Истинная Философія должна возставать противъ суевѣрія.

Философы! вы столько кричите противъ суевѣрія; но помогите намъ, болѣе и болѣе внушить міру истинныя, благодѣтельныя основанія сей Религіи!.. Потрудитесь съ нами въ этомъ; тогда мы снова предстанемъ съ вами предъ троны Государей и защитимъ права свободы совѣсти противъ нетерпимости; умолимъ ихъ, что бы они не давали больше оружія суевѣрію для гоненій; закленемъ ихъ, что бы не позволяли политикѣ, употреблять Религію предлогомъ къ завоеваніямъ своимъ, къ деспотизму своему. Если и за симъ еще міръ не вдругъ доведенъ будетъ до совершеннаго просвѣщенія, по крайней мѣрѣ спокойствіе его не будетъ нарушено господствующимъ еще суевѣріемъ. Ибо нѣтъ суевѣрія, которое бы, не взирая на слѣпоту свою, не почитало добродѣтели необходимымъ условіемъ ко спасенію.

Идолопоклонники были гонители.

Но говорите сколько угодно, возражаютъ невѣрные, будто Религія въ семъ безпокойномъ, притѣснительномъ фанатизмѣ невиновна; по чему же люди и понятія не

имѣли ни о спорахъ объ истинахъ Вѣры, ни о гоненіяхъ, ни о войнахъ священныхъ, доколѣ сіе изступленіе съ Христіанствомъ въ Свѣтъ не появлялось? Гдѣ читаемъ мы, что бы жрецы *Юпитера* съ жрецами *Цибелы* спорили когда-нибудь о таинствахъ своихъ Боговъ? Поклонникъ *Изиды* разрушалъ ли когда капище *Венеры*? Сколь дружественно принимаемы были тогда всѣ чужіе Боги! Несшій свою жертву Юпитеру сколь искренно обходился съ тѣмъ, которой шелъ жертвовать Бахусу! Сколь спокойно оставалось при семъ Государство! Щастливая сія терпимость какой обильной случай подавала стихотворцамъ упражнять крѣпость умовъ своихъ, и отца Боговъ и человѣковъ такъ описывать, что наконецъ мрачныя впечатлѣнія древняго суевѣрія, къ совершенному спокойствію человѣчества, ни при какомъ богослуженіи не были чувствительны; народъ въ свои капища съ такимъ же спокойствіемъ могъ итти, какъ и на прочія публичныя зрѣлища!

Такъ точно. Язычество менѣе гоненій воздвигало. Изидѣ столь же свободно можно было покланяться, какъ и Юнонѣ. Божество Христіаниномъ чтимое естественно сдѣлало его гораздо важнѣе. — Хотя же и говорятъ нѣкоторые Историки, что Язычни-

ки начали гнать Христіанъ по мѣрѣ, какъ чувствовали упадокъ своего лжевѣрія отъ возрастающаго Христіанства; но не вѣрьте ничему; (n' en croyez rien). *Неронъ* и *Домиціанъ* были предостойнѣйшіе любви Монархи, а *Тацитъ* былъ лжецъ.

Лживые предлоги языческихъ гонителей.

По крайней мѣрѣ, продолжаютъ невѣрующіе, язычники другъ друга не гнали; а что они начали гнать Христіанъ, фанатизмъ сихъ послѣднихъ былъ тому виною; для чего они не оставались спокойными поклонниками Юпитеру, для чего не захотѣли принесть жертву Нерону? Они возмутили общее спокойствіе; ученіе ихъ внушало ненависть къ человѣчеству. — Такъ, Богъ, Который видитъ всѣ дѣйствія человѣковъ, Который опредѣляетъ границы всѣмъ ихъ наклонностямъ и страстямъ, Который за всѣ грѣхи ихъ накажетъ, и накажетъ еще въ будущей жизни; — Спаситель, Который научаетъ, что покаяніе и исправленіе есть единственное средство къ полученію благодати, что неумѣренность такой же грѣхъ какъ и несправедливость; Который возвѣщаетъ намъ страшный Судъ, и вѣчность: вотъ что называютъ ненавистію рода человѣческаго! Вотъ предметы, про-

шивъ которыхъ Философы восстаютъ. Удалитесь отъ насъ, говорятъ, съ такимъ фанатическимъ ученіемъ; удалитесь съ вашимъ Крестомъ! Опять поставте въ Храмахъ на мѣсто его Юпитера и Венеру; опять введите прежнія роскошныя жертво-приношенія, вмѣсто скудной меланхолической вечери; — тогда вдругъ спокойствіе въ мірѣ водворится и кровопролитныхъ смятеній больше не будетъ.

Спокойствіе, царствующее въ государствахъ Христіанскихъ.

Но если Христіанскій фанатизмъ есть нещастный источникъ всѣхъ смятеній, нарушавшихъ безопасность и спокойствіе Свѣта: то для чегожъ въ Христіанскихъ государствахъ никогда почти не бываетъ возмутительныхъ переворотовъ? Для чего въ нихъ права Величества столько защищены? Для чего въ нихъ особы Государей столько священны, и въ отдаленнѣйшей хижинѣ самаго бѣднѣйшаго подданнаго столькожъ безопасны, какъ и при цѣлохранителяхъ своихъ? Для чего они не считаютъ больше нужнымъ, носить при себѣ противуядій для безопасности своей? Мы видимъ въ Христіанской Исторіи одного Государя, котораго фанатизмъ покушался отравить

ядомъ; двухъ, которые дѣйствительно лишились отъ того жизни; еще двухъ, которыхъ жизнь была въ опасности: но сравните это напротивъ съ Исторіею Сирійскою, Греческою, Римскою!

Кротость правленія въ Государствахъ Христіанскихъ.

Почему еще въ Христіанствѣ всѣ законы столько кротки? Почему неограниченная власть не управляетъ деспотически? Почему столь высоко цѣнится кровь человѣческая? — Превосходнымъ Геніямъ и утонченному вкусу человѣчество симъ ни мало не обязано. Въ то время, какъ въ Аѳинахъ и Римѣ изящныя науки и художества были на самой высшей степени, человѣчество тамъ очень не много уважалось.

Большая часть войнъ произошли не отъ фанатизма.

И если бы наконецъ нынѣ Философія была столько щастлива, что могла бы довершить свое великое дѣло, могла бы вовсе истребить сей фанатизмъ въ первыхъ его источникахъ; то развѣ уже на всегда будетъ безопасенъ Свѣтъ отъ всѣхъ безпокойствъ? Развѣ походы *Александровы*

были крестовые походы? Развѣ полки *Маріевы* и *Силлины*, *Цезарь* и его воины были фанатики? Развѣ войны, столько потрясшія міръ въ послѣдствіи, всѣ происходили за Религію?—Напослѣдокъ, если нетерпимость есть единственное великое нещастіе, какое только можетъ постигнуть человѣчество; то не можетъ ли фанатизмъ сей, сколь сродный слабости человѣческой, и Философовъ сдѣлать таковыми же гонителями?

Философы имѣютъ также нетерпимость.

Какъ, Философовъ гонителями?—Философъ есть самый спокойный, самый кроткій, самый лучшій другъ человѣчества, который никогда вредить не можетъ, никогда не оскорбляетъ, никогда самъ не огорчается, никогда не теряетъ своего хладнокровія.

Философы никогда не гонятъ. — Вы Фрероны, вы Жанъ-Жаки отвѣтствуйте теперь за меня! Всякое гоненіе происходитъ отъ нарушенія пользы. И такъ невѣріе не можетъ ли также гнать? Я ссылаюсь на Г. Вольтера, который ясно въ этомъ признается. Да и для чего невѣрію не гнать?... Развѣ оно не имѣетъ также своей пользы, которая ослабляется вѣрою въ

Бога награждающаго, вѣрою въ Спасителя и Судію міра? Развѣ для него вѣчное уничтоженіе не столько же важно, какъ небо и адъ для Христіанина? — *Философы не гонятъ.*—Правда, они крови человѣческой никогда еще не проливали, никогда и сожигательныхъ костровъ не складывали: да будетъ благодарность истиннымъ друзьямъ человѣчества, на Тронахъ возсѣдящимъ, которые не даютъ имъ въ руки оружія для сего.— *Философы не гонятъ.*—Нѣтъ, говоритъ *Руссо*, вы не умерщвляете людей, а только Философіею своею жизнь имъ препятствуете. — *Философы не гонятъ*; они позволяютъ свободно думать, кто какъ хочетъ. — Они только подъ видомъ сомнѣнія (Сцептицизма) говорятъ рѣшительнымъ тономъ, какой единственно можетъ принять самое нетерпящее суевѣріе; каждый хочетъ увѣрить Свѣтъ, что его одна Философія истинна; заставитъ, чтобъ его только одной системѣ вѣрили. — *Они не осуждаютъ.* — Они только всѣхъ вѣрующихъ въ Бога и Спасителя объявляютъ изступленными фанатиками, которые рано или поздо для государства будутъ опасны.— *Философъ никогда не вредитъ*; онъ есть защитникъ человѣчества.—Такъ; онъ только все то, что для человѣчества когда либо было священно, своими обольстите-

ными умствованіями старается выставить презрѣннымъ и смѣшнымъ. *Друзей человѣчества!...* Онъ у нещастнаго среди самой его горести старается отнять все его утѣшеніе, страсти человѣческія лишить всякаго обузданія, у злодѣя заглушить всѣ предостерегательные упреки совѣсти, у добродѣтели подорвать всю ея надежду, всю опору. Суевѣріе простирало ли когда нибудь изступленіе свое до такого безразсудства, какъ нынѣшній Деизмъ? Оказывало ли когда нибудь столь неистовое усиліе къ умноженію послѣдователей своихъ? Наполняло ли Свѣтъ столь многими безразсудными, противорѣчущими, сумазбродными сочиненіями? Старалось ли когда уловлять, обманывать Свѣтъ столь многими обольстительными словарями, исторіями, стихами и пасквилями на тѣ секты, которыя съ нимъ не были согласны? Правда, Деизмъ донынѣ не выдумалъ еще никакого Сивиллинскаго Оракула; но вмѣсто того выдумываетъ *ложныя сказки* изъ древней исторіи, искажая повѣствованія истинныя. Къ чему же всѣ такія усилія фанатическія? Суевѣрію онѣ по крайней мѣрѣ естественны; ибо оно многаго надѣется и многаго страшится. Его ревность къ единовѣрству есть человѣколюбіе, можетъ быть не всегда правильно употребленное, но всегда очень

извинительное. Но не безразсудна ли, не смѣшна ли ревность — обращать къ невѣрію, которое послѣдователей своихъ лишаетъ всего? Не уже ли это патріотическая любовь къ общественному спокойствію? Въ разсужденіи сего я опять ссылаюсь на Г. Вольтера, который ясно утверждаетъ, что по теперешнему устроенію Государствъ, ни суевѣріе, ни невѣріе спокойствія его поколебать не могутъ. Чтожъ, не ужели къ сему побуждаетъ нѣжнѣйшая любовь къ человѣчеству, дабы освободить его отъ ложныхъ, тягостныхъ идей? Но предположимъ на минуту, что вѣра въ Бога, въ Провидѣніе, въ вѣчность, есть ничто другое, какъ фантазія суевѣрная; кому же принесетъ пользу такая нѣжная ревность? Тѣмъ ли, которые вѣру сію имѣютъ? — Но еще Цицеронъ и Сенека утверждали, что они не знаютъ никакой большей жестокости, какъ лишить человѣка вѣры таковой. Христіанинъ ничѣмъ болѣе успокоенъ быть не можетъ; а Философъ столько твердъ въ своихъ основаніяхъ, что никакой мечтѣ не попуститъ нарушить покоя своего. — Но доколѣ вовсе не будутъ истреблены сіи мрачныя, грозныя идеи, до тѣхъ поръ и Философъ, въ минуты слабости своей, не будетъ безопасенъ отъ ихъ ужасовъ; совѣсть его нико-

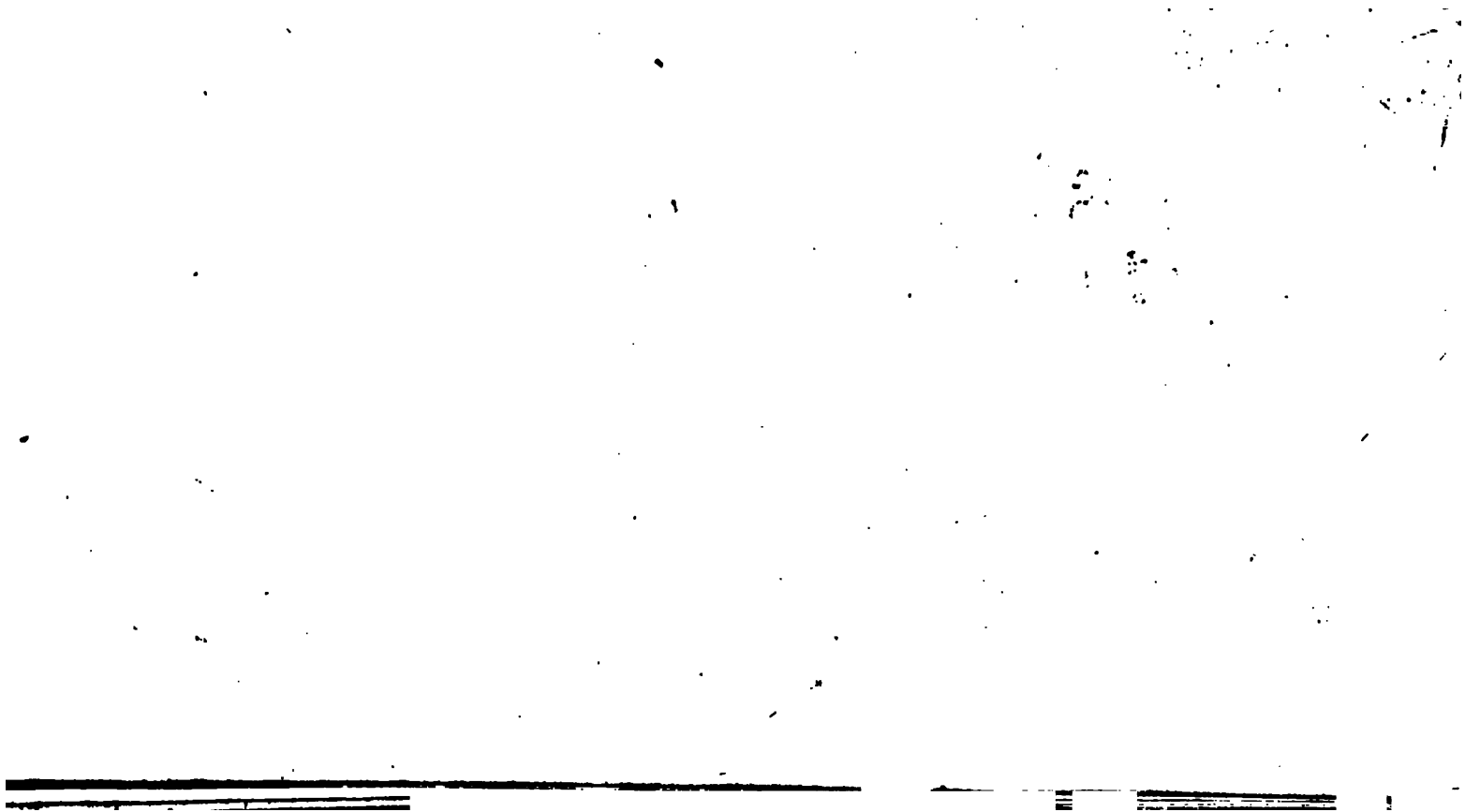
гда не будешъ наслаждаться твердымъ спокойствіемъ, среди самыхъ сладчайшихъ его радостей. Она будетъ его возмущать, и никогда не попуститъ спокойно выполнить законопреступныхъ своихъ намѣреній.—На это я отвѣчать ничего не умѣю. Философъ говоритъ правду. — Но вотъ только что еще: если Философы говорятъ, что вступленіе и Философія суть—одно причиною смятеній и безпорядковъ въ Свѣтѣ, другая спокойствія его *вѣ цѣломъ* и *частно*; иные же въ этомъ съ ними согласиться не хотятъ: то кому быть судьями въ семъ случаѣ? Кому рѣшить споръ такой? Конечно тѣмъ же Философамъ? — О! лучше опять ввести старую Инквизицію, нежели этотъ новый судъ!

КОНЕЦЪ 2го ТОМА.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано			читай.
Стран.	Стрк:		
29	25	награда!—	награда!“
30	6	благомъ	благамъ
31	22	по желаніямъ	пожеланіямъ
37	4	душею	душею,
39	26	мислымъ	мыслимъ
44	1	просвѣтишь	просвѣшишъ
45	10	закону	закону;
47	4	шайныя	шайные
50	20	было	было бы
81	25	не шакъ же льзя сказашь,	не льзя шакъ же сказашь,
82	1	шеперъ	шеперь
77	21	благо-человѣчесшва	благо человѣчесшва.
89	3	слѣпому,	слѣпому
—	15	хороши	хороши
—	16	дѣйсшвіми	дѣйсшвіями
90	3	опношнію	опношенію
91	8	предъближнимъ	предъ ближнимъ
93	23	происходишь	происходишъ
98	5	плѣняешь	плѣняешъ
102	19	человѣкъ	человѣкѣ,
—	30	законѣ	законѣ;
103	10	какія либо — связи	какія-либо связи
108	2	а чшо	и чшо
—	5	сего	чего
—	6	не возможно	невозможно: —
101	9	болѣе здѣсь	болѣе — здѣсь
121	7	обыча, и господсшвующее	обычаи, господсшвующее

Стран.	Стр.	Напечатано	читай.
134.	15	сколько же	сколькожъ
158	11	уподобляя	уподобляясь
139	23	любовь,	любовь
177	23	должна	должно
178	27	ошъ благодѣшелно-	ошъ благодѣшел
	28	сши ошъ чисшоты	ности, чисшоты
199	24	которая	которыя
202	4.	характера	характера,
204	8	непредсшавляло	не предсшавляя
205	13	сшоющее	сшоющею
206	13	но какой Философіи	но какой Фил софіи? —
211	20	шаршюфъ;	пусшосвящъ
227	11	разсудооъ	разсудокъ
—	24	шѣмь	шѣмъ
230	9	безбожнымъ	безбожнымъ
231	6	какія	какіе
—	7	которыя	которые
240	23	покланяшься	покланяшься



M-08

BT
1100
J4318
v. 2

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.